РУССКАЯ БЕСѢДА

СЕНТЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18

СОДЕРЖАНІЕ.

12406

Стр.

I. Двѣ силы, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Сочиненіе *Е. А. Зеландъ-Дубельтъ* 1

II. Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ. (Продолженіе). *Генриха Друммонда.* Гл. V. Умерщвленіе 58

III. Перстень. (Поволжская бывальщина). Стих. *Аполлона Коринфскаго* 70

Вопросы внутренней жизни Россіи.

IV. О тарифахъ 73

V. Больше свѣта!.. 109

Зарубежное Славянство.

VI. Этнографическая чешско-славянская выставка въ Прагѣ . . 115

VII. Проклятіе или невольница—Злата. (Продолженіе). Повѣсть изъ Сербскаго быта *архимандрита Кирилла* 124

Иностранное обозрѣніе.

VIII. Иностранное обозрѣніе. *М. Т.* 132

IX. Что дѣлается въ Англіи для просвѣщенія и обученія народа (письмо изъ Лондона) 141

РУССКАЯ БЕСѢДА

СЕНТЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 сентября 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Двѣ силы, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Сочиненіе *Е. А. Зеландъ-Дубельтъ* 1

II. Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ. (Продолженіе). *Генриха Друммонда.* Гл. V. Умерщвленіе 58

III. Перстень. (Поволжская бывальщина). Стих. *Аполлона Коринфскаго* 70

Вопросы внутренней жизни Россіи.

IV. О тарифахъ 73

V. Больше свѣта!.. 109

Зарубежное Славянство.

VI. Этнографическая чешско-славянская выставка въ Прагѣ . . 115

VII. Проклятіе или невольница—Злата. (Продолженіе). Повѣсть изъ Сербскаго быта *архимандрита Кирилла* 124

Иностранное обозрѣніе.

VIII. Иностранное обозрѣніе. *М. Т.* 132

IX. Что дѣлается въ Англіи для просвѣщенія и обученія народа (письмо изъ Лондона) 141

Стр.

Изъ повременной печати.

X. Нужна ли совѣсть и полезна ли для общества забота о „спасеніи души“. *П. Кодратъ* 157
XI. Объявленія. 174

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ**. Сентябрь 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Главы V, VI (продолж.). Церковно-историческое изслѣдованіе *Н. Д. Тихомірова.*

ДВѢ СИЛЫ

ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ И 6-ТИ КАРТИНАХЪ *)

СОЧИНЕНІЕ

Е. А. Зеландъ-Дубельтъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Колесниковъ, Семенъ Степановичъ, богатый хлѣботорговецъ, вдовецъ лѣтъ 50.

Андрей, сынъ его, докторъ.

Маша, воспитанница Колесникова, дѣвушка 19 лѣтъ.

Аграфена, сестра Колесникова, вдова.

Василій, сынъ ея.

Катя, народная учительница, молодая дѣвушка.

Аркадій Пѣтушковъ, ея братъ.

Графъ Свѣтловъ-Стояновъ, молодой человѣкъ.

Андреевъ, землевладѣлецъ, среднихъ лѣтъ.

Богоявленскій, становой.

Богоявленская, жена его.

Фишеръ, нѣмецъ, управляющій имѣніемъ графа.

Просвирниковъ, фельдшеръ.

Власъ, старикъ лѣтъ 80.

Хохловъ, волостной писарь изъ отставныхъ военныхъ.

Попадья.

Поповна.

---

*) Дозволена безусловно къ представленію. См. «Правит. Вѣстн.» 1895 г. № 144.

1-й } Крестьяне.
2-й }
Старикъ,
Старуха.
Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ приволжскихъ селъ. Между 1 и 2-мъ дѣйствіями проходитъ мѣсяцъ; между 2 и 3-мъ—недѣля; между 3 и 4-мъ—нѣсколько дней; между 4 и 5-мъ—сутки.

ДѢЙСТВІЕ I.

Среди Колесникова. Справа видна часть деревяннаго дома съ рѣзными украшеніями. За домомъ калитка, ведущая во дворъ. Прямо частоколъ съ калиткой въ поле. Налѣво кусты. Посреди сцены дерево, подъ нимъ скамейка и столъ. На заднемъ планѣ рѣка, нагорный берегъ и виднѣется имѣніе графа.

Явленіе 1-е.

Маша и Катя.

Маша сидитъ на скамейкѣ задумавшись. *Катя* показывается за частоколомъ слѣва.

Катя. (*Заглядывая черезъ частоколъ*). Куку!.. (*Маша вскакиваетъ*).

Испугалась! О чемъ это красавица, такъ задумалась, а? (*Входитъ въ калитку*). О какомъ злато или чернокудромъ молодцѣ? Ну-ка, признавайся, влюбилась, да, да!? (*Шутливо тормошитъ Машу*).

Маша. Ну, тебя, Катя, съ глупостями.

Катя. Такъ о чемъ же ты вздыхала, словно возъ везла?

Маша. (*Отойдя къ частоколу, задумчиво*). Такъ...

Катя. (*Передразнивая*). Такъ... Фу, несносная, никогда-то отъ нея ничего не добьешься. Скрытная, все молчитъ... (*Горячась*). И молчи, сдѣлай одолженіе, молчи! Чего только я, дура, бѣгаю сюда, на непріятности лѣзу. Уйду, когда такъ, и больше ты меня не увидишь. (*Идетъ къ калиткѣ въ поле*).

Маша. (*Заступивъ дорогу, ласково*). Вспыхнула ужъ, порохъ!.. Не первый вѣдь день знаешь меня. Что подѣлаешь, когда уродилась я такой. Ты вотъ другая: всегда весела, счастлива...

Катя. (*Перебивъ*). Ну, матушка, въ моемъ сердцѣ ты не сидѣла и счастья моего не пробовала. А что хныкать не люблю, вѣрно! Да и гдѣ тутъ нюни распускать. Возись со школой... Мать хворая... А тутъ еще братецъ шелопай на шею сѣлъ. И работы, и заботы полонъ ротъ.

Маша. (*Со вздохомъ*). Иная-то забота слаще радости другой.

Катя. Сказала тоже.

Маша. (*Не слушая*). Мать!.. Помню побирались мы съ родимой. И голодали-то мы, холодали, собаки-то насъ рвали, и люди обижали. Поплачемъ, бывало, да какъ обнимемся, такъ-то мнѣ хорошо станетъ на ея груди... (*Взволнованно*). Тутъ вотъ на дорогѣ и нашли насъ съ ней въ снѣгу... Мятель была... Меня-то оттерли, а родимую на погостъ снесли.

Катя. Мало ли что было! За то теперь, тебѣ ли не житье?!. Семенъ Степановичъ для кого Мамай, а тебя больше отца родного любитъ. Эта вѣдьма Аграфена Степановна и та волей-неволей хвостомъ передъ тобой виляетъ. А Василій что-то больно умильно на тебя поглядывать сталъ. (*Смотритъ вопросительно въ лицо Маши*).

Маша. Ну, его! Никогда я его не любила и не люблю.

Катя. (*Горячо*). И не люби, и не вѣрь ему, Маша. Хитрый онъ. Голосъ у него мягкій, языкъ сладкій, лапки бархатныя, а зубы волчьи.

Маша. (*Лукаво*). Ишь ты какъ! А недавно-то... забыла?

Катя. Что было, то сплыло и больше не вернется. Да, такъ вотъ я и говорю: не житье тебѣ, масляница.

Маша. Что жъ, что мнѣ хорошо! а кругомъ посмотри. Бѣднота, нужда, горе да слезы.

Катя. Э, милая, всѣхъ въ мірѣ не накормишь и всѣхъ не утѣшишь.

Маша. Такъ какое жъ тутъ счастье самой?

Катя. Чудакъ ты! А я такъ, кого люблю, за того душу отдамъ. Вотъ мать люблю, тебя, скверную. На всѣхъ же у меня сердца нѣтъ. Ну, идемъ-ка въ лѣсъ. Что за вечеръ! Идемъ.

Маша. Не хочу.

Катя. У меня романъ есть, преинтересный.

Маша. Сказала, не пойду. Знаешь поденщика Селиверстова, что на пристани тюкомъ пришибло?

Катя. Ну?

Маша. Умеръ. Была я сейчасъ тамъ. Онъ на столѣ, а кругомъ ребятишки малъ-мала-меньше, и плачъ какой!... Съ голоду вѣдь помрутъ. А ты — вечеръ прекрасный, книжка хорошая... Нѣтъ, не могу больше такъ... Уйду!.. Уйду!..

Катя. Куда это?

Маша. (*Съ увеличивающейся восторженностью*). Въ монастырь уйду. Надѣну тамъ вериги, буду поститься, молиться. Дни, ночи буду молиться за всѣхъ несчастныхъ! Мучаюсь я только здѣсь, а тамъ мнѣ легче станетъ... Уйду!..

Явленіе 2-е.

Тѣ же и Василій. (Входитъ со двора).

Василій. Марья Николаевна, дяденька зоветъ.

Маша. А, что?! (*Очнувшись*). Иду. (*Катѣ*) Подожди, я сейчасъ... (*Уходитъ направо въ домъ*).

Явленіе 3-е.

Василій и Катя.

Катя. Въ другой разъ зайду. (*Идетъ къ калиткѣ въ поле*).

Василій. (*Заступивъ дорогу*). Куда же это? Эхъ, Катерина Ивановна, уѣдемъ мы съ дяденькой въ Нижній, когда-то свидимся.

Катя. Горе-то какое, заплачу.

Василій. Насмѣхаетесь еще. И Господь васъ знаетъ, за что вы такая стали. Цѣлыхъ три вечера у мельницы сидѣлъ, васъ все поджидалъ.

Катя. (*Перебивъ*). Ну, ужъ это, ахъ оставьте! Я хоть и нищая, а гордость имѣю, да и не дура. Поиграли и будетъ.

Василій. Это вы про намедняшній скандалъ съ маменькиной стороны? Я-то при чемъ. Да я хоть сейчасъ готовъ подъ вѣнецъ.

Катя. Слыхала; знаемъ. Только помните: такая чистая душа какъ Маша, не для васъ. И въ случаѣ чего, найдется поразсказать про васъ дяденькѣ вашему и не пожалѣю!

Василій. (*Съ притворнымъ изумленіемъ*). Что?! Что такое?! Ха, ха, ха!.. Придумали... Маша! Во снѣ-бъ не приснилось... Ха, ха, ха!..

Катя. (*Презрительно*). Комедію-то вы мастеръ ломать! Знать васъ больше не хочу, вотъ вамъ и весь сказъ! (*Уходитъ черезъ калитку въ поле*).

Явленіе 4-е.

Василій одинъ.

Василій. (*Вслѣдъ Катѣ*). И чортъ съ тобой, когда такъ. Не на тебѣ-жъ жениться. А задорная дѣвка. Глаза какъ у волченка, такъ и горятъ. Дда, не нашей Машкѣ чета, не даромъ зацѣпила. (*За сценой направо голосъ* Аграфены: *Васька!*). Сейчасъ! (*Вслѣдъ Катѣ*) Ну,

да погоди, красотка, и не такихъ обхаживали. (Аграфена *за сценой: Васька, лѣшій!*). Да иду!.. Эхъ, кабы и дѣльце обработать и эту вострóглазую не упустить.

Явленіе 5-е.

Василій и Аграфена.

Аграфена. (*Появляется со двора разъяренная*). Да ты что, очумѣлъ? Зову, зову. Съ кѣмъ тутъ, болванъ, лясы точилъ?

Василій. (*Грубо*). Съ кѣмъ точилъ, того и слѣдъ простылъ.

Аграфена. Ахъ ты щенокъ!.. Ахъ ты!.. (*Замахивается*).

Василій. (*Отводя руку матери*). Ну, ну, потише. Экое невѣжество, подумаешь. Скажите лучше, за что дяденька-то сейчасъ пушилъ.

Аграфена. (*Злобно*). За что, за что?! У, старый песъ. Веселый такой послѣ обѣда проснулся. Началъ это про кралю свою, чтобъ не обижать безъ него Машку. Дай, думаю, попытаю счастье, закину словечко...

Василій. (*Яростно*). Прорвало-таки. Я что говорилъ?!

Аграфена. Не ори, дубина. Не глупѣй я тебя. Какъ можно, говорю, обижать; Машутка наша такая сякая немазаная, только судьбы Господь не даетъ. Насупился старый. Ужъ не сватать-ли, говоритъ, хочешь? Можетъ Васенькѣ своему? Что ты, что ты, я ему. Ты парню отцомъ былъ, ты ему и невѣсту найдешь. А только всѣ говорятъ: пора бы дѣвкѣ подъ вѣнецъ. Господи Іисусе! Какъ взбѣленится онъ тутъ. Всѣмъ, кричитъ, глотки заткну. Всѣхъ непрошеныхъ свахъ, а тебя первую въ шею со двора. Съ кулаками лѣзетъ, трясется. Тьфу, осатанѣлъ совсѣмъ.

Василій. (*Задумчиво*). Такъ, такъ... На мое выходитъ.

Аграфена. Дурь на стараго нашла.

Василій. Тото, что нашла. Чуть кто изъ парней на эту прынцессу поласковѣй взглянетъ, дяденька готовъ того живьемъ съѣсть.

Аграфена. (*Ядовито*). Не хочется разстаться съ дочкой названной.

Василій. Тото, что названной. Ни родства, ни свойства, хоть самъ съ ней подъ вѣнецъ становись.

Аграфена. (*Вздрогнувъ*). Ты это куда гнешь?

Василій. (*Идя къ калиткѣ въ поле*). Сами домекнитесь. Мнѣ на пристань пора.

Аграфена. Стой же, стой... Гости будутъ... Закусокъ надо...

Василій. (*Уходя*). Ладно... Знаю...

Аграфена. Да погоди ты, оглашенный... Скажи раньше толкомъ...

Василій. Ничего. (*Уходитъ налѣво*).

Явленіе 6-е.

Аграфена одна.

Аграфена. Ушелъ, фу ты, ошарашилъ какъ. Въ потъ ударило. (*Садится на скамейку*). Да нѣтъ, нѣтъ, не можетъ этого быть. Какъ, чтобы старый... Нѣтъ, больно Васькина голова выдумчива... (*За сценой направо голосъ Колесникова*). А, самъ идетъ и эта дрянь съ нимъ... Ну, стойте дружки. Глазъ теперь съ васъ не спущу... (*Прячется налѣво за кустами*).

Явленіе 7-е.

Аграфена (въ кустахъ). *Колесниковъ*, *Маша* и *рабочій* входятъ со двора. (У Маши скатерть и посуда).

Колесниковъ. (*Машѣ*) И не проси лучше. Накрывай-ка. (*Рабочему*). А ты чего сталъ копной! Сказано вонъ. Собакъ на тебя что-ль спустить?!..

Рабочій. Спущай, травн, бей, не пойду. Второй день ребятишки не ѣмши сидятъ... Тятя, хлѣбца... плачутъ... хлѣбца тятя... (*Голосъ его обрывается*). Батюшка, Семенъ Степанычъ, не дай пропасть. (*Опускается на колѣни*). Будь отцомъ роднымъ! (*Всхлипывая кланяется въ землю*).

Колесниковъ. (*Садясь на скамейку*). Да, теперь въ ноги, будь отцомъ... А кто меня весной ругательски ругалъ, кто живодеромъ честилъ, а?

Рабочій. Ей же ей съ пьяныхъ глазъ... И обидѣлъ расчетомъ маленько, какъ грузилъ баржу тебѣ... Прости... Другу недругу закажу... Окромя тебя у кого работу тутъ найти. А гдѣ есть, не берутъ меня, опасаются тебя разгнѣвать... (*Ползетъ на колѣняхъ*). Ну дай въ морду! Прикажи выпороть, все снесу, смилуйся только надъ нами... Поми...раемъ съ голоду... по...ми...ра...емъ. (*Рыдаетъ*).

Маша. (*Со слезами*) Батюшка, ребятишки-то въ чемъ виноваты? Пожалѣй хоть ихъ.

Колесниковъ. А онъ меня жалѣлъ, когда честилъ такъ при народѣ? Ну, ну, не плачь. Да не плачь же тебѣ говорятъ. Не могу я видѣть слезъ этихъ. (*Рабочему*) Слушай, кабы вотъ не она, на глазахъ моихъ сдыхай, маковаго зерна не получилъ бы. Эй, малый!..

Явленіе 8-е.

Тѣ-же и мальчишка.

Колесниковъ. (*Мальчишкѣ*) Скажи Василію, что велѣлъ я взять его на работу и выдать два пуда муки.

Маша. Позволь ужъ и крупы ребятишкамъ. Лучше не привози ты мнѣ подарка. Ничего мнѣ не надо...

Колесниковъ. (*Съ усмѣшкой*) Такъ, такъ. Тебя послушай, такъ ты голой изъ-за всякой дряни ходить станешь. Ну да что съ тобой подѣлаешь. (*Мальчишкѣ*) Вели дать и крупы что-ль.

Рабочій. Милостивецъ! отецъ ты нашъ!...

Колесниковъ. Знаемъ... проваливай.

Рабочій. (*Машѣ*) Пошли тебѣ Царица Небесная всякаго благополучія, хорошаго женишка.

Колесниковъ. (*Сурово*) Говорятъ, проваливай. (*Работникъ съ мальчишкой уходятъ во дворъ*).

Явленіе 9-е.

Аграфена (въ кустахъ), *Колесниковъ и Маша.*

Колесниковъ. Ахъ ты, всесвѣтная у меня заступница да печальница. Не стоятъ только люди доброты твоей.

Маша. Отчего же не стоятъ? (*Накрываетъ столъ*).

Колесниковъ. Оттого, что у людей никакой благодарности, никакого чувствія нѣтъ. Пришла бѣда, въ землю кланяются, ноги тебѣ цѣлуютъ. Помогъ ты человѣку, прошла бѣда и плевать онъ на тебя хочетъ, тебя же еще наровитъ надуть.

Маша. Отъ бѣдности все.

Колесниковъ. Э, богатые, бѣдные, свои, чужіе, всѣ на одну стать. Вонъ сестра, сколько лѣтъ кормлю ее, и мнѣ же готова глотку

перервать. А Васька! Уменъ, ловокъ, на всѣ руки парень, да за грошъ меня продастъ. Я все вижу, все понимаю. Всѣмъ-то я нуженъ, потому и гнутся, и лебезятъ, а сами... (*Машетъ рукою*). Нѣтъ, Маша! одна только ты у меня безсребренница, чистая душа. Одной только тебѣ и вѣрю, одну тебя и люблю.

Маша. (*Тепло*). И я тебя, батюшка, люблю, крѣпко люблю...

Колесниковъ. Эхъ, Маша, ты дѣло другое. Ты молода, передъ тобой все лежитъ. А я!.. Говорятъ, жаденъ я на деньгу. Что-жъ, умный человѣкъ долженъ деньги любить, потому въ нихъ вся сила. Богатъ ты, тебѣ уваженье и почетъ, а бѣденъ, каждый-то изобидитъ тебя, всякая дрянь и та плюетъ, въ морду дастъ. Ну и правда, не таюсь, люблю деньгу, еще какъ люблю! А за тебя Маша, (*встаетъ*) за тебя и капиталовъ своихъ не пожалѣлъ бы. Тысячи бы полетѣли, такъ ты мнѣ мила. И не думай, никто, никогда тебя такъ любить не будетъ, какъ я.

Маша. (*Улыбаясь*). И не надо.

Колесниковъ. (*Пытливо глядя*). Ой-ли, такъ-ли! Знаю, знаю что нашептываетъ тебѣ бабье проклятое. Только не слушай ты этихъ сорокъ проклятыхъ (*съ увеличивающимся раздраженіемъ*) Богомъ прошу, не слушай! У, пустоголовыя трещетки! Прижегъ бы я вамъ языки ваши поганые, гвоздемъ-бы, гвоздемъ прибилъ! (*Яросто стучитъ по столу*).

Маша. (*Удивленно*). Что ты такъ сердишься?

Колесниковъ. Нѣтъ, ты скажи, Маша, развѣ плохо тебѣ со мной? Ни въ чемъ вѣдь тебѣ отказу нѣтъ. И куда тебѣ замужъ спѣшить? А можетъ приглянулся ужъ кто?

Маша. (*Весело*). Да кто-же?

Колесниковъ. (*Взволнованно*). Слушай, Маша! если что, ты не таись, лучше прямо скажи. Не хитри, не лукавь хоть ты со мной. Лучше признайся.

Маша. Когда же, ей Богу, не въ чемъ.

Колесниковъ. И ты не думай, Маша, молодой-то любитъ вѣдь только для себя. Ему не твоя душа свѣтлая, не головка твоя разумная будутъ дороги, потѣха своя будетъ дорога. Покуда тѣшить будешь, потуда только и мила будешь. Да нѣтъ, и не отдамъ я тебя, никому не отдамъ!

Маша. Батюшка!

Колесниковъ. (*Не слушая*). Я тебя махонькой взялъ, выростилъ, тѣшился тобой. Свои дѣти были, да помирали и некогда мнѣ было любить-то ихъ: мѣсяцами домой не заглядывалъ. Жена была, да

немилая, а теперь и вовсе нѣтъ никого, кромѣ тебя одной. Вся моя радость, все счастье въ тебѣ, Маша! (*Порывисто схватываетъ ее за руку*). И никому не отдамъ я тебя. Моя ты, моя!!!

Маша. Господь съ тобой! Какъ ты смотришь? Здоровъ ли ты?

Колесниковъ. (*Порывисто*). Боленъ я, Маша, боленъ! Душа болитъ! Замучился я въ конецъ и не могу больше, силъ моихъ нѣтъ!... Люблю тебя, Маша, да не какъ дочь люблю! (*Та дѣлаетъ движеніе*). Люблю какъ и молодому тебя не любить, и муку-жъ терплю, охъ, какую муку! (*Пауза. Говоритъ хрипло, прерывисто*). Ну вотъ... вотъ... слышала теперь?! Что-жъ, смѣйся! Смѣйся-же надо мною!.. Пристало, а?!.. Старый хрѣнъ и что надумалъ, а?!.. Чего смѣшнѣй! Смѣйся же, всѣ смѣйтесь и я самъ буду смѣяться!.. А!.. а!.. а!..

Маша. (*Выходя изъ столбняка*). Господи! (*Закрываетъ лицо руками*).

Колесниковъ. Что, не ждала?!.. И я не ждалъ. Само изъ сердца вырвалось. По крайности одинъ конецъ... Маша, ты говоришь, никто тебѣ не любъ, никто? (*Та, не открывая лица, трясетъ отрицательно головой*). Такъ выходи за меня.

Маша. (*Отшатнувшись*). За тебя?!

Колесниковъ. Да вѣдь не дочь же ты мнѣ, не родня. А что старикъ я, ты на это не смотри, Маша. Я крѣпокъ, здоровъ и долго еще проживу. Выходи за меня. Капиталъ на тебя запишу.

Аграфена. (*Въ сторону*). Чтобъ тѣ лопнуть!

Колесниковъ. Будешь ты у меня царицей жить. Бѣднымъ станешь помогать сколько только захочешь. Слышишь?

Маша. (*Тихо*). Слышу.

Колесниковъ. Дѣла оставлю всѣ. Будетъ съ меня. Поѣдемъ ко святымъ мѣстамъ.

Маша. (*Оживившись*). Въ Кіевъ?

Колесниковъ. Въ Кіевъ, Воронежъ, куда захочешь... Ну, говори же, не томи меня.

Маша. Что сказать?!.. Не знаю... не знаю...

Колесниковъ. Скажи: согласна. (*Пауза*). Не ты ли только что говорила, что любишь меня. Вѣдь ближе меня у тебя и нѣтъ никого... (*Пауза*). Ну, хоть пожалѣй меня, за ласку мою пожалѣй!

Маша. (*Нерѣшительно*). Да я жалѣю тебя и... и...

Колесниковъ. Ну-же, ну!

Маша. (*Тихо*). Я... я въ твоей волѣ!

Аграфена. (*Въ сторону*). Ахъ ты подлая!

Колесниковъ. Голубка ты моя!.. Господи, и не чаялъ, и не гадалъ!.. Звѣздочка ты моя ясная!.. Касаточка ты моя... (*Обнимаетъ Машу. Въ окнѣ показывается баба*).

Явленіе 10-е.

Тѣ же и баба.

Баба. Семенъ Степанычъ, пріѣхали къ тебѣ.

Колесниковъ. (*Сердито*). Кто еще?

Баба. Съ пристани пріѣхали, что лѣсомъ торгуетъ... Ну какъ его... Изъ Ключей...

Колесниковъ. Андреевъ!.. Иду... (*Баба скрывается*).

Явленіе 11-е.

Тѣ же безъ бабы.

Колесниковъ. Слушай, Маша! Покуда я съ ярманки не вернусь, что у насъ сейчасъ говорено было, ты въ тайнѣ держи. Никому ни словечка. Даешь обѣщанье?

Маша. Даю, батюшка.

Колесниковъ. Помни-же. Не то заклюютъ тебя, голубку, еще зельемъ опоятъ. Ну, идемъ, да принарядись для гостей. (*Идетъ въ домъ*).

Маша. Батюшка... а... Андрея ты простишь?

Колесниковъ. (*Круто обернувшисъ*). Андрея?!.. Умирать буду, не прощу... Скорѣй Васькѣ, нищимъ все отдамъ, ему-жъ, ни гроша. Противъ отца родного бунтовался!.. Міроѣдомъ меня назвалъ!.. Въ ниверситетъ сбѣжалъ!.. Нѣтъ у меня сына. И не заикайся никогда объ немъ. (*Уходитъ направо. Маша грустно за нимъ*).

Явленіе 12-е.

Аграфена одна.

Аграфена. (*Выходя*). Ай да братецъ! Каковъ соколикъ!.. А смиренница-то наша!.. (*Передразнивая*). „Въ твоей волѣ“. У! знаетъ дрянь подзаборная, гдѣ раки-то зимуютъ... Такъ нѣтъ же, нѣтъ, на все пойду, а такого дѣла не допущу... Годы терпѣла, сердце свое ѣла, руки грызла,

а смирялась, рабой старому чорту была... И все задаромъ выходитъ... Нѣтъ, ни передъ чѣмъ не отступлюсь, свадьбѣ же этой не бывать, не бывать.

Явленіе 13-е.

Аграфена, Колесниковъ и Андреевъ.

Колесниковъ. (*Выходя изъ дому*). Ты откуда тутъ взялась? Вели самоваръ тащить. (*Аграфена, злобно взглянувъ на брата и поклонившись Андрееву, уходитъ*).

Явленіе 14-е.

Колесниковъ и Андреевъ.

Андреевъ. Такъ ужъ извините, я и рѣшился обоихъ молодчиковъ отъ вашего имени къ вамъ позвать. Сейчасъ вѣрно придутъ.

Колесниковъ. Что-жъ, мѣста они не просидятъ, только чего ты, милый человѣкъ, горячку порешь!

Андреевъ. Какъ-же, помилуйте! Лица, руки, разговоръ, все не простое, а сами съ котомками и все время на пароходѣ тары бары съ мужичьемъ.

Колесниковъ. Наплевать.

Андреевъ. Что вы, что вы! И такъ житья нѣтъ. Вонъ, зачѣмъ сдалъ луга чужимъ, мужичье весной чуть не съ дрекольемъ на меня. А если появятся еще просвѣтители разные...

Колесниковъ. (*Трепля по плечу, насмѣшливо*). То-то, миленькій! Блудливъ какъ кошка, труслив же какъ заяцъ. А становой нашъ на что? Мигнемъ ему, живо молодцовъ укротитъ. Вотъ и онъ. Легокъ на поминѣ.

Явленіе 15-е.

Колесниковъ, Андреевъ и Богоявленскій съ женой, попадья съ дочерью, Фишеръ, Хохловъ, Просвирниковъ (входятъ въ калитку съ поля). *Баба и мальчишки* приносятъ стулья, закуски. Темнѣетъ.

Богоявленскій. Вотъ и мы-съ!

Хохловъ. (*Басомъ*). Явились пожелать счастливаго пути.

Попадья. (*Съ ужимкою*). Хорошо торговать, благополучно возвратиться.

Богоявленская (*Кокетливо*). И насъ, своихъ сосѣдей въ Нижнемъ, не забыть. (*Всѣ раскланиваются съ Колесниковымъ и Андреевымъ*).

Колесниковъ. Давайте только списочекъ, кому что требуется. Для сегодняшняго дня всѣхъ ублаготворю.

Андреевъ. (*Торопливо*). Вѣрно какое-нибудь хорошее дѣльце обдѣлали?

Колесниковъ. Такое-то хорошее, во снѣ не снилось. Ха, ха, ха! Ишь, отъ зависти перекосило всего. Садитесь-же, прошу. (*Наливая водку, наливку*). Да, други любезные, хорошее дѣльцо обдѣлалъ. (*Чокается съ гостями; фельдшеръ съ попадьей, поповной и Богоявленской садится въ сторонѣ*).

Фишеръ. О, ви большой шелавѣкъ на гешефтъ.

Колесниковъ. Ну и ты, нѣмецъ, молодецъ! Изъ камня сокъ выжмешь. Эхъ, пожили старикъ графъ еще, было-бъ это имѣньице моимъ. (*Указываетъ вдаль*).

Богоявленскій. Да-съ, сынокъ не въ папеньку пошелъ. Говорятъ, чудной, знай только книжки читаетъ.

Просвирниковъ. (*Торопливо*). Вѣянье-съ теперь такое, прогрессъ! Возьмемъ къ примѣру гипнотизацію, чтенье чужихъ мыслей...

Колесниковъ. Брысь, брысь!.. Говорилъ тебѣ, грѣхъ это, брось.

Просвирниковъ. Помилуйте-съ, великія это тайны науки. Вотъ ежели я сяду напротивъ Нимфодоры Павловны (*Садится противъ поповны*), буду этакъ глядѣть и пассы дѣлать....

Попадья. Что ты, милый, очумѣлъ. На дѣвицу при всѣхъ глаза пялишь.

Просвирниковъ. По наукѣ-съ, ей Богу. Магнетизація воли, электризація чувствъ, поглощенье одного я другимъ я....

Колесниковъ. (*Вставая*). Замолола мельница. И что это мое бабье нейдетъ. Хочу роспить бутылочку-другую холодненькаго. (*Уходитъ направо*).

Явленіе 16-е.

Тѣ-же безъ Колесникова.

Андреевъ. Расходился хозяинъ. Здорово видно цапнулъ.

Фишеръ. (*Посасывая трубочку*). О, Сэменъ Степанычъ вумный головъ! Нэмецкій головъ.

Хохловъ. Чортъ возьми! Воробей безъ его позволенья и гнѣзда здѣсь не совьетъ.

Попадья. А намедни, мужу какъ влетѣло отъ него, зачѣмъ на притчу о бѣдномъ Лазарѣ говорилъ. Обидно, а стерпишь. Вонъ, колоколъ пожертвовалъ, куполъ теперь покрасилъ.

Богоявленская. На пріюты въ губерніи сколько даетъ.

Богоявленскій. Противъ него не пойдешь, сила! Самого исправника на-дняхъ какъ отбрилъ. (*Тихонько разсказываетъ*).

Поповна. (*Просвирникову, гипнотизирующему ее*). Ха, ха, ха! Какіе вы страшенные глаза дѣлаете. (*Вскакиваетъ*).

Просвирниковъ (*Съ отчаяньемъ*). Ну вотъ, все пропало. Еще минутка и вы спали-бъ, а вы тутъ: глаза! Поймите, это наука, таинство...

Поповна. (*Кокетливо*). Что, что! (*Смѣется*). Задастъ вамъ папенька, ахъ вы еретикъ. (*Уходитъ въ глубь*).

Просвирниковъ. (*Слѣдя за ней*). Нимфодора Павловна, попробуемте еще. На колѣнки встану.

Явленіе 17-е.

Тѣ-же и Колесниковъ съ графомъ и Андреемъ входятъ со двора. Послѣдніе въ сибиркахъ. У Колесникова въ рукахъ вино. Изъ дома показываются *Маша съ Аграфеной*.

Колесниковъ. (*Графу*). Кто въ нашу сторонку пожаловалъ, не хочешь ссориться, приходи къ Семену Степанычу знакомиться. Садитесь, молодцы. Маша, поднеси имъ водочки. (*Графъ съ Андреемъ садятся направо въ сторонѣ. Андрей съ низко надвинутой на глаза фуражкой нѣсколько прячется за графомъ*).

Графъ. (*Говоритъ невозмутимо и протяжно*). Намъ бы лучше чайку.

Колесниковъ. Изъ непьющихъ?

Графъ. Гдѣ намъ пить, въ пору сытымъ быть.

Андреевъ. (*Подойдя*). А на долго, братцы, въ нашу сторонку?

Графъ. Какъ примутъ, да какъ поживется.

Колесниковъ. Коли съ добромъ, милости просимъ. Только правду сказать, у насъ и своимъ-то хлѣба мало, да и народъ озорникъ большой.

Графъ. (*Беря отъ Аграфены стаканъ съ чаемъ*). Какой мѣры, приблизительно?

Колесниковъ. А такой, милый человѣкъ, что шею тебѣ за грошъ намнутъ. Разбойникъ на разбойникѣ.

Андрей. (*Отрывисто и не поднимая головы*). Ну, ангеловъ-то нигдѣ нѣтъ. (*Маша дѣлаетъ движеніе*). Отъ хорошей жизни и цѣпная собака ласкова бываетъ, а начни человѣка душить, каждый волкомъ станетъ.

Хохловъ. А кто это... любезнѣйшій, душитъ людей.... а?!...

Андрей. (*Съ усмѣшкой*). Мало ли охотниковъ. Хоть бы свой братъ кулакъ.

Колесниковъ. (*Поглаживая бороду*) Такъ... А кулакъ, молодецъ, по твоему кто таковъ будетъ?

Андрей. Да каждый, кто умѣетъ наживаться чужимъ горбомъ, кто изъ бѣды сосѣда шубу себѣ шьетъ, за грошъ сдираетъ рубль...

Колесниковъ. (*Перебивъ*). Кому, значитъ, Господь умъ, да силы, да прилежанье далъ. Кто не хочетъ всю жизнь корку глодать, а наживъ копейку, не даетъ ей пропадать за гуляками, да лѣнтяями?!.. Знакомъ, такъ-то знакомъ голосъ твой, только признать не могу: темно и словно прячешься ты... Но слушай, милый человѣкъ! Залетали къ намъ соколы съ такими пѣсенками какъ твои, да живо и вонъ вылетали. У насъ сиди смирно, не-то живо выкуримъ!

Андрей. (*Спокойно*). Кто еще кого, бабушка на двое гадала.

Колесниковъ. Ха, ха, ха! Слыхали? Ужъ не меня ли выкуривать собираешься? Ай да шутникъ! Распотѣшилъ!..

Богоявленскій. (*Грозно Андрею*). Бумаги есть?!

Колесниковъ. (*Богоявленскому*). Погоди, успѣешь. (*Андрею*). По настоящему и разговаривать бы съ тобой не слѣдъ, да ужъ больно смѣлъ ты, по ндраву мнѣ такіе... (*Вставъ*) Слушай же! Зовутъ меня Семеномъ, по батюшкѣ Степанычемъ Колесниковымъ, а народъ величаетъ Мамаемъ. Знаетъ меня почитай вся губернія. Веду я торговлю мукой, зерномъ, балуюсь и краснымъ товаромъ. Есть у меня мельницы, водочный заводъ, есть лавка въ Нижнемъ, двѣ здѣсь. Есть баржи, трахтиры, кабаки. Есть милостью Божью и земельки, найдется въ банку и деньжонокъ. Такъ вотъ каковъ Семенъ Степанычъ Колесниковъ. Ну, а что у васъ въ мошнѣ, други любезные? Какая сила за вами, чтобъ тягаться со мной, а?!

Андрей. (*Вставъ*). Изволь, скажу! (*Колесниковъ, вздрогнувъ, начинаетъ присматриваться*). Правъ ты, старикъ! велика и грозна сила твоей мошны. Но противъ нея найдется у насъ высшая сила. Это сила живой любви къ людямъ, христіанской жалости ко всѣмъ задавленнымъ твоимъ рублемъ, сила, наконецъ, науки, знаній!

Богоявленскій. (*Подойдя раньше къ графу*). Твои бумаги!..

Колесниковъ. (*Пораженный*). Андрей!..

Богоявленскій. Графъ Свѣтловъ-Стояновъ!.. (*Общее волненье. Графъ иронично кланяется приставу*).

Колесниковъ. (*Бѣшено Андрею*). И ты... ты смѣлъ прійти ко мнѣ... Вонъ!..

Андрей. (*Графу*). Изъ любопытства притащилъ ты меня сюда. Ну что, доволенъ ты теперь?

Колесниковъ. Уходи! не то...

Графъ. Ай, ай, милѣйшій, право нездорово такъ кричать.

Колесниковъ. Молчи! Будь ты разграфъ, здѣсь я одинъ хозяинъ. (*Андрею*) Слышишь, вонъ!..

Андрей. Я ухожу, отецъ, но знай, только изъ твоего дома. Мальчишкой я боролся съ тобой за себя, теперь же буду бороться за другихъ, и на эту борьбу положу всего себя, всѣ свои силы, всю свою душу.

Колесниковъ. (*Схвативъ стулъ, бѣшено*). Ахъ ты!..

Маша. (*Кинувшись между нимъ и Андреемъ*). Батюшка!..

Графъ. (*Беря Андрея подъ руку*). Идемъ, mon cher. Драматизмъ момента исчерпанъ. Покойной ночи, господа! (*Уходятъ*).

Фишеръ. (*Поднимая руки*). Herr Graf! Oh, Gott!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Лѣсъ. Пчельникъ Власа. Прямо избушка. На завалинкѣ кучка крестьянъ. Пѣтушковъ, слегка на веселѣ, сидитъ въ сторонѣ на пнѣ и куритъ.

Явленіе 1-е.

Пѣтушковъ, старикъ, старуха, 1 и 2 крестьяне.

1-й крестьянинъ. Ужъ кабы не Андрей Семенычъ, не быть бы моей молодухѣ въ живыхъ.

Старикъ. А мнѣ такую-то мазицу отъ спины далъ, сразу полегчало.

2-й крестьянинъ. И платой не тѣснитъ. Добрѣющей души человѣкъ.

Старуха. За доброту и далъ Господь Андрей Семенычу-то легкую руку на лѣченье.

Пѣтушковъ. Вѣрнѣй-же, самъ сатана ему помогаетъ. Ха, ха, ха! Не даромъ поселился онъ здѣсь, гдѣ лѣшіе и всякая нечисть. (*Старуха, боязливо оглядываясь, шепчетъ*).

Старикъ. Мели больше. Да съ кѣмъ живетъ-то Андрей Семенычъ, а? Нѣтъ, милый, гдѣ дѣдушка Власъ, тамъ все чисто и хорошо, потому святой жизни человѣкъ.

2-й крестьянинъ. Именно такъ! ни хитрости, ни обмана въ старичкѣ, какъ есть праведникъ.

Пѣтушковъ. Дѣдушка Власъ одна статья, а лѣкарь другая. Погодите, что-то запоете, какъ холера придетъ.

Всѣ. Спаси Богъ!.. Тьфу, тьфу! Типунъ тебѣ на языкъ...

Пѣтушковъ. Струсили?! Ха, ха, ха!.. Кругомъ ходитъ и къ вамъ придетъ. Вѣдь холера для лѣкарей лафа. Сами готовы ее на людей пустить.

1-й крестьянинъ. Здоровъ же ты врать!

Пѣтушковъ. Я врать?! Эхъ, темнота вы, темнота. Да вѣдь положено лѣкарямъ по рублю за каждаго мертвеца отъ холеры, чумы или дифтерита. Примѣрно, умерло у васъ двѣсти человѣкъ. Сейчасъ лѣкарь списокъ начальству представилъ и получилъ двѣсти рублей.

1-й крестьянинъ. И врешь. За что-жъ ему награжденье, коли не вылѣчилъ.

Пѣтушковъ. За труды. Гдѣ тамъ считать, сколько больныхъ было, по мертвецамъ-же сейчасъ видно, много-ли лѣкарь трудился.

Старикъ. Это пожалуй что правильно. Смерть отъ Бога, человѣкъ же свое дѣлалъ, лѣчилъ.

Пѣтушковъ. (*Вставъ*). Батюшки, проговорился я! Велѣно это въ секретѣ держать, а то пойдетъ народъ болтать: молъ лѣкаря изъ-за прибыли людей морятъ... (*Идя налѣво*). Ну, а что Андрей Семенычъ вашъ связался съ нечистой силой, это вѣрно. Лѣкарь безъ чорта, все равно что попъ безъ креста. Ха, ха, ха! (*Уходитъ*).

Явленіе 2-е.

Тѣ-же безъ Пѣтушкова.

1-й крестьянинъ. Намять бы шелапуту бока. Ишь наплелъ!..

Старикъ. Либо наплелъ, либо нѣтъ. Дѣйствительно, люди мы темные, ничего-то не знаемъ.

2-й крестьянинъ. И какая прибыль ему врать! Значитъ есть такое положенье, по рублю, значитъ, за мертвеца.

Старуха. Охъ, грѣхи, грѣхи... Тоже кума разсказывала мнѣ... Шла это она, други мои, съ мельницы, а дѣло подъ вечеръ было. Вдругъ, смотритъ кума, а надъ лѣсомъ-то (*шепотомъ*) огненный змій летитъ...

Явленіе 3-е.

Тѣ-же и Андрей съ бабой (выходятъ изъ избушки) и *графъ* (показывается въ окнѣ, одѣтъ очень изящно).

Андрей. Въ другой разъ, смотри! Либо знахарка, либо я. (*Одѣляя лѣкарствами*). На, дѣдушка, мажься какъ и раньше... Это тебѣ, Божья старушка. Невкусно да здорово... Получай братецъ для сынка...

1-й крестьянинъ. (*Подавая полотенце*). Не обезсудь, Андрей Семенычъ. Молодуха прислала и велѣла земно поклониться.

Андрей. Полно, что ты, Николай! А за полотенце самъ хозяйку твою поблагодарю. Перехожу завтра на село, слыхали? На одной половинѣ избы я, на другой—чайная. Такъ вотъ милости прошу, за копеечку чайку попить, музыки послушать.

Всѣ. Придемъ, придемъ!.. Для тебя, родимый, куда хошь пойдемъ.

Андрей. Ну, такъ съ Богомъ.

Старуха. Спаси тя Царица Небесная.
Старикъ. Дай тебѣ Господи многихъ лѣтъ здравствовать.
2-й крест. Ввѣкъ милости твоей не забудемъ.
Баба. Кормилецъ ты нашъ.

(*Кланяются до земли и уходятъ направо*).

Явленіе 4-е.

Андрей и графъ.

Графъ. (*Несетъ пледъ и подушку, которую кидаетъ Андрею*). А премиленькая была жанровая картинка. Помоги-же. (*Разстилаетъ пледъ*). Ужъ я ли не благодѣтельствую дровами, деньгами, хиной, рециной и нѣтъ мнѣ благодарности. Взбей подушку. Удобства, другъ, великое дѣло. Да, (*ложится и закуриваетъ*), каждый мнѣ въ ноги

кланяется и скорѣй въ сторону норовитъ. А вотъ онъ, за мѣсяцъ въ кумиры попалъ, молятся на него.

Андрей. Потихоньку-же къ знахаркѣ бѣгаютъ. Нѣтъ, братъ, и я на три четверти чужимъ имъ сталъ. Видѣлъ парня, полотенце мнѣ принесъ? Мучилась его жена родами и пришлось сдѣлать операцію, а народъ это ненавидитъ. Я за инструменты, мужъ, смотрю, за топоръ. И самъ мнѣ потомъ признался: умри жена или ребенокъ, черепъ бы мнѣ раскроилъ. (*Бросается на землю*).

Графъ. Минута была не изъ сладкихъ.

Андрей. А Божья старушка, усердно отбивавшая поклоны! Съ неменьшимъ усердьемъ притащитъ она въ случаѣ чего колъ, веревку придушить меня. Я-то знаю народъ и не идеализирую его. Я знаю, сколько въ немъ грубости, дикости, даже жестокости, но въ то же время и хорошихъ, свѣтлыхъ сторонъ. Знаю, что подъ его звѣриной шкурой жива человѣческая душа и бьется теплое сердце. И жалки мнѣ эти люди, и злятъ подчасъ, и люблю же ихъ, всей душой люблю!..

Графъ. Право, я серьезно тебѣ благодаренъ, что потащилъ меня съ собой. Здѣсь все такъ ново, интересно.

Андрей. Я зналъ, что безъ тебя меня живо отсюда сплавятъ, да и жаль порядочнаго человѣка стало. Вѣдь не вытащи я тебя изъ кабинета, гдѣ ты грызъ ногти и себя самого, ты бы скоро свелъ знакомство съ твоей нирваной. Нѣтъ, у кого и башка не пуста и сердце на мѣстѣ, тотъ не спрячется отъ жизни ни за какими стѣнами, не спасетъ себя и философіей. Такъ стой же лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и бери жизнь за шиворотъ.

Графъ. Ну, ты стой, а я полежу. Ты бери за шиворотъ кого и что хочешь, а я погляжу. Таково мое правило.

Андрей. И такъ хорошъ, нечего размалевывать себя чертямъ на потѣху.

Графъ. Я съ дѣтства привыкъ валяться да книжки читать, либо мечтать... Papa, maman недѣлями не видалъ, бонны, гувернеры своимъ заняты, я же все одинъ съ книгами и подчасъ не дѣтскими мыслями. Отъ такого воспитанья энергія не разовьется. Но если меня тяжело подвинуть на дѣло, зато кошелькомъ готовъ служить. Наконецъ, я умѣю честно думать и не умѣю подло поступать. Развѣ этого мало въ настоящее время?

Андрей. Ну и не такъ, чтобъ очень много.

Графъ. Нѣтъ, вотъ типъ, твой отецъ. Какъ крикнетъ: будь ты разграфъ! Чуть не расцѣловалъ его.

Андрей. Покажетъ еще онъ себя. Вѣдь это человѣкъ, который ни передъ чѣмъ не остановится, на все пойдетъ, чтобъ уничтожить каждаго, кто станетъ ему поперекъ дороги.

Графъ. Ты слишкомъ ненавидишь его, чтобъ быть справедливымъ.

Андрей. Ненавижу? Ошибаешься. Дѣйствительно, дѣтство мое было такое, что теперь дрожь беретъ. Учился я въ гимназіи прекрасно и вдругъ изъ пятаго класса отецъ взялъ меня назадъ. Три раза убѣгалъ я въ городъ, три раза возвращалъ онъ меня обратно и сѣкъ до полусмерти. Хорошо что директоръ заинтересовалъ мной губернаторшу и волей-неволей отцу пришлось дать мнѣ кончить курсъ. А что потомъ было, пока я убѣжалъ въ Москву. Но вѣдь онъ истязалъ меня и калѣчилъ нравственно, не сознавая что дѣлаетъ. Нѣтъ у меня къ нему любви, но нѣтъ и ненависти.

Графъ. Не вѣрится. Ты чуть вспомнишь объ немъ, весь закипаешь.

Андрей. Какъ человѣкъ онъ меня возмущаетъ! Я помню эти ужасныя сцены, плачъ бѣдняковъ, валявшихся, бывало, въ ногахъ отца, отнимавшаго у нихъ послѣднюю лошаденку, коровенку и глумившагося еще надъ ними! Глубоко, глубоко запало все это сюда! (*Ударивъ себя въ грудь, вскакиваетъ*). Вѣдь эти люди мнѣ дороги не въ силу только идеи, какъ другимъ! Нѣтъ, они дѣйствительно близки, свои мнѣ. И я не забылъ ихъ за эти годы! Я учился, работалъ, мечтая вернуться сюда, отдать этому жалкому, темному люду свои знанья, себя, и тѣмъ расплатиться за отца...

Графъ. Браво! Поза великолѣпная. Тонъ немного приподнятый...

Андрей. (*Вспыльчиво*) Шутовство!

Графъ. Надо же охладить твой пылъ. Ну, ну, не злись дружище.

Андрей. И что у тебя за мерзкая манера поднимать всѣхъ на смѣхъ. Ты стыдишься горячаго слова, тебя стѣсняетъ искренній порывъ даже въ другихъ.

Графъ. Отчасти ты правъ. Вѣдь я выросъ въ средѣ, гдѣ горячность неприлична, энтузіазмъ смѣшонъ. Притомъ, жизнь право не веселая штука, ну а смѣешься, трунишь, какъ будто и не такъ тяжело. (*Налѣво пѣніе Кати*). Тссъ!.. Слышишь? Насъ ждутъ. Идемъ.

Андрей. Иди одинъ, мнѣ некогда.

Графъ. Вздоръ. Послушай, вѣдь это прелесть, а не дѣвушки. Одна—сама жизнь, задоръ. Другая—глубокая, мечтательная натура.

Андрей. Ого! Вспомни-ка Шопенгауэра, Гартмана.

Графъ. Они остались на полкахъ моей московской библіотеки... Ау, Катерина Ивановна, сюда! Ко мнѣ!.. (*Налѣво голосъ Кати: ау, ау!*).

Андрей. Отъ тебя не отвяжешься. Идемъ, но въ послѣднiй разъ. Либо дѣло дѣлать, либо прогулочками забавляться. Не до женскихъ мнѣ мордочекъ.

Графъ. Возвышеннѣйшiй изъ двурукихъ обезьянъ! вѣрь, отъ женскихъ мордочекъ тоже не спрячешься за стѣнами, не спасешься спартанской суровостью. Рано ли поздно, носикъ, хорошенькiе глазки поймаютъ тебя какъ окуня на крючекъ. Не даромъ Шопенгауэръ...

Андрей. *(Идя налѣво, со смѣхомъ).* Остался въ Москвѣ въ библiотекѣ. Не тровожь его... *(Уходятъ).*

Явленiе 5-е.

Василiй. (Выходитъ изъ лѣсу).

Василiй. Полетѣли, соколики! И раньше Андрей этотъ костью у меня въ горлѣ стоялъ. А теперь, смотрите, ученый, съ графами за панибрата... Погодите, насолю и тебѣ, и графчику, не отбивай дѣвки, и бѣсу Катькѣ, и недотрогѣ Машкѣ, всѣмъ!.. Куда это Аркашка провалился? Сказалъ, болвану, чтобъ по близости пчельника ждалъ... (*Садится на пень и куритъ*). Кабы дяденька не вернулся съ ярманки раньше времени. Не доворковались еще голубки. Ну, да на что-жъ эта башка на плечахъ?! И башка-жъ!.. А старуха моя чуть не сдурила. Не штука Мишкѣ мышьяку подсыпать, только за это ой, ой, куда угодить можно. Я же такъ закручу всѣхъ, что и дяденька съ капиталами вотъ гдѣ у меня будетъ. *(Показываетъ кулакъ).* Ловокъ тоже, старый чортъ! Дѣйствуй, пишетъ, больше на бабье. Дуры всему повѣрятъ и мужиковъ настроятъ.

Явленiе 6-е.

Василiй и Пѣтушковъ (выходитъ слѣва навеселѣ).

Пѣтушковъ. Синьоръ, ме вуаси!

Василiй. И того? (*Щелкаетъ себя по горлу*).

Пѣтушковъ. О, другъ! твое слово открыло мнѣ кредитъ и я блаженствую. (*Вытаскиваетъ изъ голенища бутылку*). Не вуле па?

Василiй. Спасибо. Видѣлъ дружковъ?

Пѣтушковъ. Променируются. Мнѣ-жъ сестрица алле маширъ велѣла. Шельма! И что ты въ Катькѣ нашелъ? (*Пьетъ*).

Василiй. Любовь, братецъ.

Пѣтушковъ. Ой, врешь. Да мнѣ заплати только какъ обѣщалъ. И махну я тогда опять въ городъ. Эхъ и жизнь же тамъ! Ресторанчики, арфяночки, балы, маскарады! Магнификъ! Суперфлю!.. (*Пьетъ*).

Василій. И махнешь. Отъ тебя вѣдь самого зависитъ.

Пѣтушковъ. Да я дѣйствую. Сегодня тутъ мужичью опять подпустилъ и насчетъ нечистой силы, и насчетъ холеры. Уши развѣсили, рты разинули.

Василій. Ну?!

Пѣтушковъ. Будь спокоенъ, что надо, въ голову запало. Ма пароль.

Василій. Такъ выкуришь молодчика?

Пѣтушковъ. Выкурю! И аржанъ надо, да и люблю помутить, каверзу учинить. Сколько въ городѣ я штучекъ разныхъ откалывалъ, ха, ха, ха!

Василій. Говорить нечего, молодецъ... (*Взглянувъ налѣво*). Канпанья-то сюда идетъ. Пойдемъ, потолкуемъ дорогой. Не надо чтобъ въ селѣ видѣли насъ вмѣстѣ. (*Идутъ направо*). Слушай же! сегодня подъ праздникъ набьется народу въ трахтиръ, угощай кого хочешь, пейте хоть всю ночь.

Пѣтушковъ. Важно! И наплету-жъ я болванью. А какъ пойду накачивать водкой, всему повѣрятъ, повѣрятъ что докторъ ихъ самъ дьяволъ и есть. Ха, ха!..

Василій. Ты умѣешь сказать. (*Налѣво голоса*).

Пѣтушковъ. Умѣю, миль дьябль! Ха, ха, ха!.. (*Уходятъ*).

Явленіе 7-е.

Андрей, графъ, Маша и Катя (выходятъ слѣва. Андрей сумрачен, держится въ сторонѣ).

Катя. (*Андрею*). А на новоселье извольте пригласить насъ. Но отчего вы съ графомъ не живете?

Графъ. Оттого, что чудакъ. Далеко, видите ли, народу на барскій дворъ ходить, будутъ меня стѣсняться, и необходимо ему самому за чайной наблюдать.

Маша. (*Андрею*). Такъ завтра открытіе чайной?

Андрей. (*Сухо*). Завтра.

Катя. Нѣтъ, вотъ чудо: приговоръ о закрытіи кабаковъ.

Графъ. Чудесъ много на свѣтѣ. Была роща за рѣкой графская и вдругъ стала мірской.

Катя. Ага! вотъ оно что.

Графъ. Погодите, не то еще Андрей устроитъ. Вѣдь въ немъ резервуаръ неистощимой энергіи. Даже зависть беретъ. Онъ задумалъ уже чтенья, спектакли для крестьянъ.

Катя. И чудесно! Какъ хорошо что вы пріѣхали, совсѣмъ другая жизнь пошла. Правда, Маша?

Маша. (*Очнувшись отъ задумчивости*) Что?

Катя. Ну вотъ, опять куда-то улетѣла. Андрей Семенычъ, что вы ей въ послѣдній разъ наговорили? Все это время она была такой веселой, а теперь опять скучная, вздыхаетъ...

Маша. Да что ты ко мнѣ пристаешь? Знала-бъ, не пошла съ тобой. (*Садится въ сторонѣ на пень*).

Графъ. И я замѣчаю какъ будто Марья Николаевна не въ духѣ. (*Машѣ*) Вы на Андрея не обращайте вниманія. Онъ вѣдь никого не щадитъ, даже самого себя. Не забуду нашей встрѣчи. Познакомились мы у его товарища, а моего родственника, и для перваго же раза сей господинъ принялся доказывать мнѣ очень убѣдительно, что я болванъ, негодяй.

Андрей. Не проповѣдуй такой возмутительной чепухи. Жизнь— мерзость, всѣ люди дрянь, почему слѣдуетъ плюнуть на всѣхъ и на все. Какъ-же было не отдѣлать за это?

Графъ. Ну и отдѣлалъ же! А я, представьте, за дерзости полюбилъ его и пляшу съ тѣхъ поръ подъ его дудку.

Явленіе 8-е.

Тѣ-же и Власъ (выходитъ справа).

Власъ. Э, да мнѣ, вижу, Господь гостей послалъ. Здравствуйте, миленькіе.

Андрей. Гдѣ это ты, дѣдушка, пропадалъ?

Власъ. (*Садясь на завалинку*). Все по дѣламъ, голубчикъ, ходилъ... Угомону на меня нѣтъ... (*Тихо смѣется*). Вотъ о чайной со старичками поговорилъ... Не любятъ люди новшествъ, а дѣло-то доброе, хорошее... Какъ было не потолковать... Къ Сысоевымъ зашелъ...

Катя. Я слышала, вчера младшій братъ чуть не зарѣзалъ старшаго.

Власъ. И чего, подумаешь, враждуютъ люди? При любви каждому станетъ тепло, каждому хватитъ и мѣста и хлѣба.

Андрей. Жаль только, что ни въ одной лавочкѣ любви этой нельзя купить, а люди чаще волки, нежели ангелы.

Власъ. (*Вздохнувъ*). Извѣстно, всѣ мы грѣшны. Иному самому тяжко злобствовать, первый отъ злобы своей терпитъ...

Катя. А терпитъ, стань другимъ.

Власъ. (*Мягко*). Охъ, милуша, молода ты, да прытка. Одно терпѣть, а другое мочь. Да и какъ ни злобствуетъ человѣкъ, душа же въ немъ все Божья.

Андрей. И ты воображаешь, что твои наставленья образумятъ Сысоевыхъ?

Власъ. Какъ будетъ, Богу извѣстно, а я свое сдѣлалъ: отъ сердца говорилъ, любя.

Графъ. Чудной ты, дѣдушка! Любишь людей, самъ же ушелъ отъ нихъ.

Власъ. Нѣтъ, миленькій, отъ людей грѣхъ уходить. Отъ соблазна я ушелъ: тоже горячъ былъ. А тутъ тишь, душѣ благодать и тѣлу успокоенье.

Графъ. И не страшно тебѣ бываетъ зимой одному?

Власъ. А Господь-то Богъ на что? Зачѣмъ бояться; молиться, да благодарить Его за все надо.

Андрей. За все! За хорошее еще понимаю.

Власъ. Ишь горячій! Все мы споримъ съ нимъ. Я его еще во какимъ зналъ. (*Показываетъ немного отъ земли*). И тогда пріятелями были. Ну, а что хорошо-то по твоему?

Графъ. Знаетъ языкъ что сладко, а человѣкъ что пріятно.

Власъ. Да, радуется человѣкъ радости своей, а въ ней погибель его сидитъ. Ты плачешь, анъ изъ горести твоей выростаетъ цвѣтъ счастья твоего. Нѣтъ, дружки, все хорошо, все на благо намъ, и горе, и болѣзнь, и слезы... Такъ что-ль моя, пташка?

Маша. Такъ дѣдушка, такъ мой голубчикъ.

Власъ. Ну, бесѣда бесѣдой, а надо дружковъ хоть медкомъ угостить. (*Уходитъ въ избушку*).

Явленіе 9-е.

Тѣ-же безъ Власа.

Графъ. Ай да дѣдушка Власъ! Что для него Платонъ, Спиноза, Будда? Звукъ пустой. А какая философія, какая глубина, красота мысли у этого человѣка.

Андрей. Тьфу, злость беретъ! Кругомъ чортъ знаетъ что творится: гадость, мерзость. Тутъ каждому порядочному человѣку бороться надо, пускать въ ходъ голову, зубы, когти; да, и зубы, и когти, а не прекраснодушничать. Кротость всепрощающая никуда не годится. Эта покорность, смиреніе передъ судьбой все слѣды татарской плети. И вотъ, одинъ забивается въ лѣсъ, другой бродитъ по монастырямъ, третій уходитъ на Аѳонъ... Я самъ дѣдушку люблю, но скажите, какой отъ него прокъ?!

Маша. (*Горячо*). Его всѣ любятъ и онъ всѣмъ нуженъ. Къ нему идутъ, кто о божественномъ поговорить, кто въ дѣлахъ посовѣтоваться.

Катя. А какъ уважаютъ! Семенъ Степанычъ на что козырь, и тотъ замѣтно побаивается дѣдушки: въ сторону постарается отъ него свернуть, а встрѣтится, шапку передъ нимъ скинетъ.

Графъ. По моему, сила сердечнаго ума, если можно такъ выразиться, и разумнаго сердца, одна и та же свѣтлая сила, только проявляется различно. И пускай, лишь бы результаты были хорошіе...

Маша. Какой прокъ! Да вотъ пришелъ къ намъ какъ-то дѣдушка съ просьбой по мірскому дѣлу. Заперлись они съ батюшкой, долго говорили. И батюшка просьбу уважилъ, а самъ послѣ того разговора задумчивый ходилъ, на время словно добрѣй даже сталъ.

Андрей. Навѣрно пугнулъ его дѣдушка хорошенько чертями да адомъ.

Графъ. Ну, ты извѣстный спорщикъ, споры же портятъ только пищевареніе. Такъ испортимъ его лучше медомъ.

Катя. (*Вскочивъ съ пня*). До сладкаго и я охотница. Маша!

Маша. Я здѣсь посижу. (*Графъ съ Катей уходятъ въ избушку*).

Явленіе 10-е.

Андрей и Маша.

Андрей. (*Поколебавшись, подходитъ къ Машѣ*). Отчего вы въ самомъ дѣлѣ такая грустная?.. Не хотите говорить?!..

Маша. Не могу.

Андрей. Не можете?

Маша. Ну, не умѣю—словъ нѣтъ... А такъ тяжело... хуже даже, чѣмъ раньше было... И жила-бъ я себѣ лучше какъ жила... Неправда, не лучше... Не слушайте вы меня... Сама я не знаю, что со мной...

Андрей. (*Садясь рядомъ*). Успокойтесь Маша и потолкуемъ. Авось дотолкуемся до чего нибудь путнаго...

Маша. Вотъ вы сказали: бороться надо. Разумѣется, кусками да грошами немного поможешь, а если большее-то не по силамъ?!.. Разсказывали вы въ послѣдній разъ про барышень, что въ доктора, да фельдшерицы идутъ... Вонъ и Катя... все таки ребятишекъ учитъ... А я?! На что я гожусь?!. Глупая, неученая!.. (*Отворачивается со вздохомъ*).

Андрей. (*Ласково*). Полно, Маша... Учиться никогда не поздно. А чтобъ жить по человѣчески, дѣлать честно хоть маленькое, но хорошее дѣло, особенной учености и не надо... Голова-же у васъ, дай Богъ побольше такихъ, душа хорошая, золотая душа...

Маша. (*Робко*). Вы... не смѣетесь?

Андрей. До шутокъ я не охотникъ. Да такой хорошей дѣвушки какъ вы, я и не встрѣчалъ.

Маша. Неужто? А я часто думала, что вы... что я... ну что вы меня дурочкой считаете.

Андрей. Потому что я бывалъ съ вами рѣзокъ? Такъ вы же и злили меня порой.

Маша. (*Удивленно*) Чѣмъ же?

Андрей. А чѣмъ дѣдушка сейчасъ. Кротость, всепрощенье, положимъ, прекрасныя качества, но я человѣкъ дѣла; поступковъ и дѣла, поступковъ требую отъ другихъ. И это хорошо, что вы тоскуете. Я очень доволенъ. Значитъ, я не ошибся въ васъ. А то я было хотѣлъ совсѣмъ васъ бросить.

Маша. (*Испуганно*). За что же?

Андрей. Поймите, Маша, я сильно занятъ, а впереди еще больше дѣла. Вообще затишье у насъ, пока отецъ не вернулся. Время мнѣ дорого и воду толочь я не могу. Васъ же не разберешь. Иной разъ, словно вся распуститесь. Видишь, какъ вы ловите, пьете каждое слово. Замѣчаешь, какъ вы разгораетесь, какъ внутри васъ все кипитъ, и вотъ, вотъ, броситесь вы безъ оглядки, пойдете, куда васъ поведешь. А тамъ вдругъ опять вся сожметесь, уйдете въ себя, опять чувствуешь, вся вы покорность да смиренье.

Маша. Ахъ, не знаете вы... Слушаешь васъ и словно что-то поднимается, ростетъ въ самой, сильное такое... Словно крылья за плечами... Взмахнула бъ и полетѣла... И вдругъ, какъ вспомнишь...

Андрей. Ничего не понимаю. Отчего вы остановились? поблѣднѣли вдругъ?

Маша. (*Вставъ, лихорадочно*) Не спрашивайте! Не могу сказать... Потомъ все узнаете... Хоть бы помирился батюшка съ вами.

Андрей. (*Рѣзко*). Никогда этому не бывать.

Маша. (*Горячо*). Нѣтъ будетъ, будетъ!.. Я только объ этомъ и молюсь теперь. Вы не думайте, я вѣдь не забыла васъ за эти годы. Такъ хорошо все помню. Изъ рѣки какъ меня вытащили, какъ читать учили и Василія за меня колотили. А что за радость бывала, какъ пріѣдете вы изъ города.

Андрей. Представьте, и я васъ не забылъ. (*Задумчиво*). Славная вы были дѣвочка: добрая, способная, только и тогда уже большая мечтательница.

Маша. (*Съ жаромъ*). У меня и азбука ваша цѣла, и бусы, что вы мнѣ подарили, и ленточка, все, все спрятано. А ужъ какъ я убивалась, когда вы въ Москву ушли, какъ тосковала... И ждала же я васъ! Всѣ эти шесть лѣтъ такъ ждала. (*Останавливается*).

Андрей. Ну?

Маша. (*Съ счастливой улыбкой*). Ну вотъ и дождалась. Только заговорили вы, я такъ и вздрогнула. Васъ не узнала, а голосъ сразу узнала... Сердце забилось, вся обмерла я отъ радости!.. (*Останавливается и задумывается*).

Андрей. (*Тихо*) Маша!

Маша. (*Не слыша, мечтательно*). Дождалась! Пріѣхали... (*Прислонясь къ дереву*). Да, совсѣмъ теперь другая жизнь... хорошо... И вечеръ-то какой... Тихо... Деревья, все молчитъ... словно задумалось... Хорошо, до слезъ хорошо!..

Андрей. (*Пылко, схвативъ ее за руку*). Маша!..

Явленіе 11-е.

Тѣ же и парень.

Парень. (*За сценой направо*). Марья Николавна! Марья Николавна! (*Выскакиваетъ*) Бѣгите скорѣй!.. Пріѣхалъ! Васъ требуетъ!.. Семенъ Степанычъ пріѣхалъ!!!

Маша. (*Вздрогнувъ, съ ужасомъ*). Пріѣхалъ!.. Охъ!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Комната въ домѣ Колесникова. За столомъ общество закусываетъ и пьетъ. Колесниковъ ходитъ мрачно по комнатѣ. При поднятіи занавѣса доносятся справа звуки аристона.

Явленіе 1-е.

Колесниковъ, Андреевъ, Богоявленскій, Хохловъ, Просвирниковъ.

Андреевъ. (*Глядя въ окно, злобно*) Еще и еще! Такъ и валитъ народъ въ эту анаѳемскую чайную.

Хохловъ. Еще бы! за копейку и чай, и музыка, и пріятная компанья. (*Пьетъ*).

Андреевъ. У меня у самого сколько кабаковъ. Пойдутъ чайныя открывать, вѣдь это что же будетъ?

Богоявленскій. Хорошаго не много.

Андреевъ. А вы что смотрите? Всѣ эти затѣи въ сущности антиправительственнаго характера, да-съ! Антигосударственнаго, да-съ! Знаемъ мы, что подъ разными чайными сидитъ. Такъ вы на то поставлены: слѣдить и пресѣкать! (*Стучитъ по столу*).

Богоявленскій. Пробовалъ я внушить: не дѣло молъ кабаки закрывать. А негодяи мнѣ: пить не будемъ, недоимокъ не будетъ. Да что тамъ!.. Теперь у насъ чуть что, сейчасъ: мы къ Андрею Семенычу пойдемъ, онъ законы знаетъ, вступится съ графомъ за насъ!.. Вотъ-съ вамъ, извольте. (*Пьетъ*).

Просвирниковъ. Полнѣйшая деморализація. Анархія нравовъ и умовъ поврежденье. Требуютъ подавай я даромъ лѣкарство, молъ земское. (*Пьетъ*).

Хохловъ. (*Опьянѣвъ*). А я не смѣй и тычка дать...

Андреевъ. (*Колесникову*). Нѣтъ, я вамъ удивляюсь.

Колесниковъ. (*Пріостановясь*). Удивляешься?

Андреевъ. Помилуйте! дождаться вашего возвращенья не могли. Думали. живо сократите молодчиковъ. Вы же который день здѣсь, и ничего.

Колесниковъ. Ишь задорный за чужой-то спиной. А ты щенятъ видалъ, что зря кидаются, а ихъ за то въ бокъ, да въ морду?!

Андреевъ. И что-жъ?

Колесниковъ. А то, что Семенъ Степанычъ не глупый щенокъ и ждать умѣетъ. Зато, коли укуситъ, больно укуситъ. (*Ходитъ*).

Андреевъ. (*Злобно*). И ждите себѣ. Вонъ чайная ужъ выросла. Кабаки ваши скоро закроютъ, да то ли еще будетъ. Разсказывалъ мнѣ исправникъ: заѣхалъ онъ къ графу, а тотъ давай его язвить. Разбойничье, говоритъ, гнѣздо здѣсь. А этотъ кулакъ Колесниковъ, говоритъ графъ, ростовщикъ, кровопіецъ, паукъ.

Колесниковъ. Такъ и говоритъ?! Что-жъ, конечно, куды благороднѣй всякой дряни благодѣтельствовать, да денежками пошвыривать, благо съ вѣтру его сіятельству дались, не потомъ, не кровью нажиты!.. Извѣстно, его сіятельство-то въ шелку, да въ бархатѣ росъ, на серебрѣ ѣлъ, и кожа, и сердце у него мягкія. А посадить бы графчика въ мою шкуру! Ну-ка, что я мальчишкой видѣлъ?! Черствую корку, да тычекъ на обѣдъ, корку да пинокъ на ужинъ, а то и съ пустымъ брюхомъ ложись... Ну, хорошо, я кулакъ, а все-жъ и Богъ и совѣсть у меня есть. А вотъ онъ (*указываетъ на Андреева*) и наукамъ обучался а только образъ человѣческій, сердце-жъ звѣриное,—родного брата голымъ пуститъ.

Андреевъ. (*Перебивъ*). Однако, позвольте...

Колесниковъ. Ничего. Свои тутъ люди. Ну, пускай, я ростовщикъ, паукъ! А мой отецъ кошатникомъ былъ, да! Села со мной объѣзжалъ, шкуры дохлыхъ кошекъ, собакъ, кости, тряпье скупалъ, всякую дрянь продавалъ, мѣнялъ. А жизнь-то наша хуже собачьей была. Ѣздимъ, мерзнемъ, дрогнемъ, барыша же грошъ, да еще чуть что и въ шею накладутъ. Помню, разъ обсчиталъ тамъ иль обмѣрилъ отецъ. Какъ обозлится народъ, какъ пойдетъ колотить старика чѣмъ попало, остервенѣли... А я оборонить его не могу, силенки не хватаетъ. Тятька, тятька, кричу, не бейте его, не бейте!.. (*Пауза. Говоритъ глухо*)

Замертво его домой привезъ... Ну, а меня не бьютъ, нѣтъ! Мнѣ въ ноги кланяются! Мнѣ отъ всѣхъ почетъ и уваженье.

Андреевъ. (*Язвительно*). Было, да сплыло!

Колесниковъ. (*Сверкнувъ глазами*). Сплыло?! (*Богоявленскому*) Такъ какъ-же родной? При нихъ опять скажу: ничего не пожалѣю, выживи мнѣ графчика съ сынкомъ моимъ.

Богоявленскій. Что тутъ подѣлаешь, когда у нихъ все на законномъ основаніи. У графчика же родство, связи. Чуть что, въ порошокъ меня сотрутъ.

Колесниковъ. Не можешь? (*Тотъ отрицательно качаетъ головой*). Не надо. Самъ справлюсь. (*Хохлову*). А ты къ чему хочешь прицѣпись и передери горлановъ, что на сходкѣ громче противъ кабаковъ моихъ галдѣли.

Хохловъ. (*Опьянѣвъ*). Драть?!.. Радъ... въ пребольшое удовольствіе, да слышали? (*Киваетъ на Богоявленскаго*) Не развоюешься... нельзя... (*садится*).

Колесниковъ. Такъ нѣтъ же тебѣ, пока не выдерешь, ни гроша денегъ, ни ведра водки отъ меня. Ну, идемъ на пристань! Музыку мнѣ прислали.

Андреевъ. Какую музыку?

Колесниковъ. Такую самую, какъ въ чайной анаѳемской. Десять штукъ этихъ аристоновъ по телеграфу выписалъ. Во всѣ кабаки поставлю. Пей православный на пятакъ, тѣшься на рубль.

Всѣ. Это ловко! Молодецъ Семенъ Степанычъ!

Колесниковъ. Ха, ха, ха! А вы думали и впрямь я буду сидѣть да ждать пока слопаютъ живьемъ. Погодите, дайте ангела дождаться, такое угощенье народу закачу, все село пьянымъ пьяно будетъ. (*Идетъ къ дверямъ по серединѣ*).

Хохловъ. (*Спотыкаясь*) Прре...восходно! Руси веселіе пити!.. (*Всѣ уходятъ*).

Явленіе 2-е.

Маша (выходитъ слѣва).

Маша. Ушли!.. И всѣ-то, всѣ на него... За то, что добрый онъ, хорошій... Ахъ, и хорошій же... Умный, ученый... Слушаешь его, бывало, не наслушаешься... (*Съ отчаяньемъ*). Хоть бы Катю увидѣть... Силъ моихъ нѣтъ... Какъ въ тюрьмѣ сижу, какъ злодѣйку стерегутъ... Ну, гуляла, разговаривала, развѣ это грѣхъ, ужъ такой?!

(*Пауза. Садится*). Небось Катя съ ними! Въ лѣсъ, можетъ, пошли, и хорошо имъ, весело... а я?! Убѣжала-бъ безъ оглядки... Бывало, поцѣлуетъ батюшка, и я приласкаюсь... А теперь... Чуть ближе подойдетъ, ласковѣй взглянетъ, жутко станетъ, страхъ какой-то возьметъ... Вѣдь любитъ онъ меня! Вѣдь отцомъ мнѣ былъ... отцомъ!.. Господи, да что же это со мной?!.. (*Плачетъ*). Идетъ кто-то?!.. Батюшка!... (*Сорвавшись, бѣжитъ направо*).

Явленіе 3-е.

Маша, *Аграфена* (слѣва) *Василій и Просвирниковъ* (входятъ въ среднюю дверь).

Аграфена. (*Слѣдившая за Машей въ дверь*). Куда ты? (*Слѣдя за Машей*) Не торопись, красавица, поспѣешь... (*Обѣ скрываются*).

Явленіе 4-е.

Василій и Просвирниковъ.

Василій. Давайте-жъ!

Просвирниковъ. Признаться, рефлексія, сомнѣнье, значитъ, меня беретъ...

Василій. Какъ знаете. Я вѣдь для дяденьки стараюсь, ну и вамъ награжденье было-бъ. Машину купили-бъ свою магническую...

Просвирниковъ. Электрическую. Прелюбопытная, скажу вамъ, штука.

Василій. Да, только слышно, Андрей велѣлъ вамъ бросить всякія такія штуки. Ученьемъ не дошли! Хи, хи, хи!..

Просвирниковъ. (*Горячась*). Я можетъ больше его въ гипнотизмѣ-то смыслю, а только смѣшался маленько, какъ бабье завопило: умерла, умерла!.. А тутъ принесло вашего Андрея. Дѣвку онъ изъ гипноза вывелъ и пошелъ меня при народѣ честить.

Василій. Начальство! (*Смѣется*).

Просвирниковъ. (*Азартно*). Коту на заборѣ онъ начальство, не мнѣ. Я вѣдь изъ любви къ наукѣ стараюсь. Желаю постичь тайны природы.

Василій. Нѣтъ ужъ, батенька, коли приказано, сидите смирно.

Просвирниковъ. А вотъ же не стану, не хочу. И во мнѣ можетъ отчаянность явиться. Что въ самомъ дѣлѣ! Меня можетъ слава

ждетъ, всемірная извѣстность. Вотъ же, когда такъ! (*Выхватываетъ изъ кармана бумажный пакетикъ*). Берите!.. Pereat mundus, fiat gloria!..

Василій. (*Пряча пакетикъ*). Давно бы такъ. И въ чаю не примѣтно?

Просвирниковъ. Мужичье выдуетъ... Только, знаете, рефлексія, сомнѣнье опять...

Василій. (*Съ притворнымъ страхомъ*). Кого-то Богъ несетъ. Уходите лучше! (*Толкаетъ Просвирникова къ дверямъ по серединѣ*). Чтобъ не болтали потомъ. Ступайте, скорѣй. (*Просвирниковъ уходитъ*).

Явленіе 5-е.

Василій и *Аграфена* (справа).

Василій. Ха, ха, ха! Получилъ и спровадилъ дружка. Вотъ-съ! (*Показываетъ пакетикъ*). Машку зачѣмъ оставили? Приказано глазъ не спускать.

Аграфена. Дарья съ ней на огородѣ. А не подохнутъ отъ такого угощенья?

Василій. Ничего, животы только схватитъ у мужичковъ.

Аграфена. Ой, смотри!

Василій. (*Грубо*). Учите бабушку камни грызть!

Аграфена. Дуракъ! Кабы отецъ твой не фыркалъ, и слушалъ меня, не пропалъ бы человѣкъ.

Василій. Такъ отецъ отчаянностью бралъ, а я больше хитростью. Онъ самъ въ петлю лѣзъ, а я другихъ толкну. Что-жъ мнѣ руки сложить, да смотрѣть, какъ дяденькины капиталы мимо носа проплывутъ. Ишь благодѣтель! (*Передразнивая*). Женюсь, тебѣ пять тысячъ, ступай и разживайся.

Аграфена. У, скаредъ онъ, кащей проклятый... А только, зачѣмъ ты его напрасно на графа разжигаешь?

Василій. Тонкая политика-съ. Узнай старикъ, какъ оно дѣло есть, въ ту жъ минуту повѣнчается съ Машкой. А не то еще кондрашка его со злости хватитъ. Завѣщанья-жъ нѣтъ и всѣ капиталы сынку достанутся. А тутъ, пока онъ на одного думаетъ, мы тѣмъ временемъ другого съ дѣвкой сведемъ.

Аграфена. Да вѣдь побожился чертушка, если не женится на Машкѣ, намъ ничего, на монастырь все запишетъ.

Василій. Мало что говоритъ. И медвѣдь, какъ на цѣпь попадетъ, реветъ, а пляшетъ. Такъ и дяденька. Подведу свою махинацію, слова мнѣ поперекъ не посмѣетъ сказать. Будемъ, маменька, скоро будемъ съ капиталомъ.

Аграфена. Дай-то Господи, пошли Мати Пресвятая Богородица! Пѣшкомъ въ Кіевъ пойду!..

Василій. Будемъ-съ, будемъ богаты.

Явленіе 6-е.

Тѣ же и *Пѣтушковъ* (заглядываетъ въ окно).

Пѣтушковъ. Грандъ бонжуръ съ мерси-съ! Можно?

Василій. Одни мы, заходи. (*Пѣтушковъ скрывается*).

Аграфена. Пойти, какъ бы дѣвка стречка не дала. (*Уходитъ направо*).

Явленіе 7-е.

Василій и *Пѣтушковъ*.

Пѣтушковъ. (*Входя въ среднюю дверь*). Отрапортовалъ все, какъ приказалъ. Словно ужалило ма серъ.

Василій. А!

Пѣтушковъ. Чтобъ этотъ, кричитъ, хрычъ женился на Машѣ. Да я попрошу графа къ губернатору поѣхать! Да я это, я-то сдѣлаю!.. Разбушевалась!

Василій. Превосходно! Получай же за труды, какъ обѣщано. (*Даетъ трехрублевку*).

Пѣтушковъ. Дяденькиной выручкой пахнетъ, а? Эхъ, и лафа-жъ тебѣ теперь, Аркашенька. Сиди, да лови рыбку въ мутной водицѣ.

Василій. А дяденька еще одно дѣльце надумалъ и приказалъ тебя пощупать. Говоритъ, сотенной не пожалѣю.

Пѣтушковъ. Другъ, ами! Да за сотенную я на луну полѣзу, чорта осѣдлаю!.. (*За кулисами голосъ Колесникова*).

Василій. Самъ!.. Смотри, ему ни гу-гу! Онъ хочетъ дѣльце черезъ меня обработать, а самому чтобъ въ сторонѣ...

Явленіе 8-е.

Тѣ же и *Колесниковъ* (входитъ въ среднюю дверь).

Колесниковъ. (*На порогѣ, грозя*). Стойте, собачьи дѣти! Дамъ вамъ себя знать. (*Входитъ, никого не замѣчая*). Бывало, шапки за версту ломали, а теперь, кто кланяется, а кто и рожу въ сторону воротитъ... Иду по селу и словно не Семенъ Степанычъ идетъ... Твое дѣло, сынокъ любезный!.. Охъ добраться бы мнѣ только до тебя съ графчикомъ твоимъ. (*Пѣтушкову*). Тебѣ что?

Пѣтушковъ. Я-съ... (*Василій дѣлаетъ выразительные знаки*) такъ... побесѣдовать съ нимъ зашелъ.

Колесниковъ. Для бесѣды и на дворѣ мѣста довольно.

Пѣтушковъ. Понимаемъ-съ... (*уходя*). Для васъ Семенъ Степанычъ, глазкомъ мигните, все исполню... (*Василій дергаетъ его*). Смолкаю!.. смолкаю и удаляюсь. Силянсъ!.. (*Уходитъ*).

Явленіе 9-е.

Колесниковъ и *Василій*.

Василій. Это онъ, дяденька, насчетъ того дѣла. Онъ вѣдь старался и слухи про Андрея пускалъ.

Колесниковъ. Да, старался. Видѣлъ я запись. Винища выдули на сколько рублей, а толку на грошъ.

Василій. Помилуйте, дяденька. Оно точно, въ чайную охотно идутъ, потому и дешево и въ новость. А лѣчиться къ Андрею перестаютъ таскаться. Бабье стрекочетъ про него и то и се, а мужики помалкиваютъ, свое думаютъ. Теперь этотъ дихтеритъ тоже на руку намъ. Пустимъ слухъ, лѣкарь молъ ребятишекъ портитъ, дѣтскіе трупики понадобились.

Колесниковъ. На словахъ ты какъ на гусляхъ. Уѣхалъ я, на тебя положился, а ты что? допустилъ дѣвку смущать, шашни завесть.

Василій. Что приказали, я въ акуратѣ исполнялъ. Андрей къ воротамъ нашимъ не подходилъ. Про чайную и все такое отписывалъ вамъ. А что Марья Николавна съ учительшей гуляли, на это запрета отъ васъ не было. Но лопни мои глаза, если я зналъ, что и графъ съ ними! Провалиться мнѣ на мѣстѣ.

Колесниковъ. (*Сурово*). Ладно. Слушай! Сейчасъ ѣду въ городъ повидаться кой съ кѣмъ, подмазать гдѣ надоть, можетъ, дѣла у насъ тогда иначе пойдутъ. Такъ помни: безъ меня чтобъ ни эта стрекоза учительша, ни кто чужой слова съ Машей не смѣлъ сказать. Чтобъ кошка сосѣдская не прошмыгнула! Не то раздѣлаюсь съ тобой по-свойски!..

Василій. Поперекъ двери лягу. Видятъ Богъ и Владычица, какъ я то-есть служу вамъ!..

Колесниковъ. Послѣ же завтра, въ воскресенье, народу угощенье сдѣлай. Вина, пива, пироговъ не жалѣть. Женится молъ въ скорости хозяинъ, такъ вотъ и велѣлъ угостить.

Василій. Слушаю-съ.

Колесниковъ. Въ кабакахъ никого платой не тѣснить: въ кредитъ давать.

Василій. Всѣмъ?

Колесниковъ. Всѣмъ, не обѣднѣю.

Явленіе 10-е.

Тѣ же и *Катя.*

Колесниковъ. Это еще зачѣмъ?

Катя. Мнѣ надо съ Машей повидаться.

Колесниковъ. Поворачивай оглобли. Съ чѣмъ пришла, съ тѣмъ и уйдешь.

Катя. Поглядимъ. Маша вѣдь не ребенокъ, а я не тряпка, чтобъ мной такъ помыкать.

Колесниковъ. (*Гнѣвно*). Ахъ ты! Забыла, что съ начальствомъ говоришь?! Захочу, завтра мѣста лишу.

Катя. Не испугаете, не робкаго десятка. Повыше васъ начальство найдется.

Колесниковъ. Какъ ты смѣешь, дрянь этакая, у меня же въ домѣ и мнѣ грубить, мнѣ!..

Явленіе 11-е.

Колесниковъ, Василій, Катя и *Маша* (входитъ справа).

Маша. (*Радостно*). Катя! (*Хочетъ броситься къ Катѣ*).

Колесниковъ. (*Машѣ*). Ни съ мѣста! (*Василію, указывая на Катю*). Гони эту въ шею.

Катя. } Это меня-то въ шею! Ого!..
Маша. } За что вы ее такъ? Что она вамъ сдѣлала?!

Колесниковъ. И ты разговаривать стала? Молчи лучше. (*Василію*). Выпроваживай.

Василій. (*Катѣ*). Уходите-съ, прошу васъ.

Маша. И видѣться ужъ не даютъ.

Катя. (*Энергично*). А ты чего киснешь? Никто не имѣетъ права подъ замкомъ тебя держать.

Колесниковъ. (*Яростно Василію*). Гони ее, гони!..

Василій. (*Подталкивая Катю къ дверямъ*). Пожалуйте-съ!

Катя. (*Изъ-за головы Василія*). И ты не бойся Маша, не падай духомъ! Мы за тебя постоимъ.

Колесниковъ. (*Стукнувъ кулакомъ*). Васька! (*Тотъ выпроваживаетъ Катю*).

Катя. Помни, ты вольная птица! Силой не повѣнчаютъ!..

Колесниковъ. (*Сорвавшись съ мѣста*). Ахъ ты подлая!

Катя. (*Торопливо*). Законъ за тебя!.. И графъ вступится!.. (*Василій захлопываетъ за Катей дверь*).

Явленіе 12-е.

Колесниковъ и *Маша*.

Колесниковъ. (*Трясясь отъ злобы*). А!.. вольная птица!.. Законъ... Графъ!.. Отнять ее хотите... Нѣтъ! этими руками задушу, а не отдамъ ее, нѣтъ... Такъ и ты противъ меня, Маша! Врала все... Господи, она, моя чистая голубка... Маша, Маша, да что ты дѣлаешь со мной?! (*Пауза*). Молчишь?! Подойди! (*Маша дѣлаетъ нерѣшительно нѣсколько шаговъ*). Что жъ остановилась?!. Раньше не боялась меня...

Маша. (*Дѣлая шагъ, робко*). Я... не боюсь.

Колесниковъ. (*Мрачно*). Да ближе, ближе! Не кусаюсь... Собирайся, сейчасъ свезу къ матери Серафимѣ. А когда буду изъ города назадъ ѣхать, заѣду въ монастырь за тобой... Что? Не больно, кажись, рада? Не то, что раньше, а? Конечно... То-ли дѣло въ пріятной компаньи по лѣсамъ разгуливать.

Маша. (*Умоляюще*). Батюшка!

Колесниковъ. (*Сурово*) Гляди мнѣ въ глаза! Прямо въ глаза гляди. Такъ и ты врать, да лукавить со мной?! И ты такая-жъ, какъ все бабье!

Маша. (*Твердо*). Нѣтъ, батюшка, никогда я не хитрила и врать не умѣю. Все, что было безъ тебя, не таясь разсказала.

Колесниковъ. Врешь! Было время, одной только тебѣ вѣрилъ, а теперь не вѣрю. И лучше признайся ты сама! Лучше все скажи, разомъ чтобъ... Мучаюсь вѣдь я, Маша, мучаюсь!

Маша. Господи, да въ чемъ же мнѣ признаться! Ничего за собой не знаю.

Колесниковъ. Не знаешь? Хорошо-же, я скажу. (*Стараясь принять спокойный тонъ*). И ты не бойся, Маша. Мнѣ вотъ только хитрости тяжелы... А если что, я прощу... Извѣстно, дѣло молодое... И въ сердцѣ своемъ человѣкъ не воленъ... Ну, приглянулся онъ тебѣ... Что-жъ не великъ еще грѣхъ... И молодъ, и красивъ, ну и баринъ, графъ...

Маша. (*Пораженная*). Графъ! Приглянулся мнѣ!..

Колесниковъ. Какъ крикнула! Неужто-жъ нѣтъ!

Маша. Боже ты мой! На мысль не приходило.

Колесниковъ. И ты не врешь? Маша, Богомъ прошу тебя, не ври хоть ты мнѣ.

Маша. Батюшка, правду говорю.

Колесниковъ. Такъ клянись-же памятью матери своей, клянись что не любишь графа.

Маша. Клянусь, не люблю.

Колесниковъ. Помни-же, какую клятву дала. А если соврала, знаешь-ли какія муки тебя ждутъ и на томъ и на этомъ свѣтѣ?!. Совѣсть загрызетъ тебя...

Маша. (*Перебивая*). Чиста моя совѣсть. Неужто и теперь не вѣришь?..

Колесниковъ. Вѣрю, вѣрю... Ахъ Маша, Маша, въ тебѣ только одной моя вѣра была.

Маша. Да я же...

Колесниковъ. Хорошо, хорошо... Видно померещилось мнѣ... Вѣрю... Собирайся же... (*Въ дверь*) Васька, запрягать кибитку!.. (*Машѣ*) Ты вѣдь давно въ монастырѣ побывать хотѣла... Ну вотъ собирайся... (*Маша уходитъ, опустивъ голову, налѣво*).

Явленіе 13-е.

Колесниковъ одинъ.

Колесниковъ. (*Поглядѣвъ мрачно вслѣдъ Машѣ*). Такъ нѣтъ же, нѣтъ, не вѣрю! И хотѣлъ бы вѣрить, не могу!.. Всѣ-то хитрятъ, обманываютъ, всѣ-то противъ меня... Одинъ я, одинъ... Охъ, тяжко... Кабы только десятокъ лѣтъ съ плечъ!.. Ну, да ничего... Справлюсь, одинъ справлюсь!.. Покажетъ вамъ еще себя Семенъ Степанычъ!.. Покажетъ!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Садъ Колесникова. Декорація перваго дѣйствія. Въ срединѣ дѣйствія луна.

Явленіе 1-е.

Графъ и *Катя* (входятъ въ калитку по серединѣ).

Графъ. И вышло, что не я взялъ жизнь за шиворотъ, какъ предлагалъ Андрей, а жизнь меня, да и встряхнула! Право, мечтателей и книгоѣдовъ слѣдовало бы отправлять въ такіе благословенные уголки, какъ этотъ. Кабинетная разслабленность живо вылетѣла-бъ. Повѣрите-ли, во мнѣ все кипитъ отъ злости.

Катя. Счастливъ братецъ, что удралъ. Глаза бы ему выцарапала. И самъ съ пьяна проболтался матери.

Графъ. Нѣтъ, я этого такъ не оставлю, выведу на свѣжую воду всѣ штуки Семена Степаныча, выведу!..

Катя. Непремѣнно, непремѣнно. Я готова свидѣтельницей быть. Не пощажу такого негодяя, какъ мой братецъ!

Графъ. (*Задумчиво*). Славная вы дѣвушка!

Катя. Ничего славнаго, самая обыкновенная. Однако, ступайте же за Андреемъ. Лошади пускай у калитки ждутъ. Я условилась съ Василіемъ...

Графъ. Смотрите, какъ бы этотъ Василій не провелъ насъ. Преподозрительный субъектъ.

Катя. Да ему самому выгодно, чтобъ мы увезли Машу, благо старикъ еще не вернулся. Идите же, скорѣй.

Графъ. Гмъ! вертите вы мной получше Андрея. И все у васъ скоро, да сейчасъ. Впрочемъ, пріятно подчиняться, когда командиръ такой... (*останавливается*).

Катя. (*Лукаво*) Какой?

Графъ. Потомъ скажу: теперь некогда. (*Уходитъ въ калитку по серединѣ*).

Явленіе 2-е.

Катя одна.

Катя. Чудакъ, но хорошій такой. Золотая душа... (*Задумчиво*). Кабы не графъ, и не богатый онъ былъ... (*Рѣшительно*) Вздоръ все! Пойти къ Машѣ. (*Идя направо*) Вотъ тоже чудиха... И Андрея не разберешь... Замѣтно нравилась ему Маша, теперь же словно дѣла до нея нѣтъ... Счастье ваше, дружки, что я здѣсь! (*Уходитъ. Слѣва входитъ Колесниковъ*).

Явленіе 3-е.

Колесниковъ одинъ.

Колесниковъ. (*Вполголоса*). Василій!.. Васька! Почудилось мнѣ вѣрно, никого нѣтъ... (*Садится на скамейку*). Даромъ кости трясъ и денежки разсорилъ... Мода, вишь, на эти чайныя пошла и начальство одобряетъ. А мнѣ совѣтъ: сидѣть смирно... А! воръ ежели въ окно лѣзетъ, усидишь ты?!. Тутъ же всего меня лишить хотятъ... На то ли я работалъ, богатѣлъ, наживался, чтобъ меня мальчишки, щенки въ грязь топтали?! И я сиди смирно! Я, Семенъ Степанычъ Колесниковъ?!. Господи, во снѣ ль это, иль на яву!.. Нѣтъ, закуплю, всѣхъ задарю, тысячи полетятъ, а дѣло по своему поверну... Какъ, чтобъ мошна моя свое не взяла!.. (*Пауза*). Да что этотъ дьяволъ Васька не идетъ... Скорѣй бы навѣрное все узнать. А то ни сна, ни покоя... Одно думается, чудится... Вижу, вотъ вижу ихъ вмѣстѣ... Нашептываетъ ей графъ сладкія рѣчи... Любо ей... слушаетъ... разгорѣлась вся... Ближе онъ, все ближе къ ней... Нагибается!.. Обнимаетъ!.. Цѣлуетъ!.. Охъ!.. (*Бѣшено*) Убью!.. Убью!..

Явленіе 4-е.

Колесниковъ и *Василій* (выходитъ справа).

Василій. (*Вполголоса*) Дяденька!

Колесниковъ. Здѣсь я. Ну что?

Василій. Все въ лучшемъ видѣ обработано. Марья Николаевна подъ окошкомъ сидятъ, вздыхаютъ, да графа караулятъ.

Колесниковъ. А не спрашивала отчего ты одинъ за ней въ монастырь пріѣхалъ?

Василій. Ничего не говорила. Всю дорогу словно статуй сидѣла и только вздыхала. Сама блѣдная, а вздохнетъ тяжело такъ, тяжело...

Колесниковъ. Тьфу, дьяволъ, заладилъ одно.

Василій. (*Смиренно*) Къ слову-съ дяденька.

Колесниковъ. Знаю тебя, змѣенышъ! Но помни, ежели да напрасно разжигалъ ты меня, напрасно я какъ воръ тутъ въ банѣ сидѣлъ—изувѣчу!

Василій. Сейчасъ сами все увидите-съ, услышите. Эхъ, дяденька, не вѣрите вы усердію моему, а я тутъ безъ васъ подстроилъ такую-то штучку Андрею.

Колесниковъ. Брешешь, хвастаешься все!.. Эка важность, что бабье меньше таскаться къ нему стало. Только и всего.

Василій. Нѣтъ-съ, не только. Коли соломой домъ обложить, спички довольно, огнемъ все вспыхнетъ. А я не спичку, цѣлую головешку бросилъ въ солому, хи, хи, хи!

Колесниковъ. Да что ты зубы-то скалишь! Говори толкомъ.

Василій. Вчера, по случаю праздника, надулся народъ въ чайной, къ ночи же какъ схватитъ у всѣхъ животы. И третьяго дня такая же непріятность была съ тѣми, кто въ чайной прохлаждался, да думали, огурцовъ объѣлись. Ну, а вчера смекнули, что значитъ чай всему причиной. И всю ночь фельдшеръ по избамъ бѣгалъ, отъ Андреева угощенья народъ лѣчилъ; ха, ха, ха!

Колесниковъ. Васька, Васька, отчаянная твоя башка!

Василій. Я что-жъ, я и къ чайной не подходилъ. А кто дѣльце обдѣлалъ, того и слѣдъ простылъ. Только, гнѣвайтесь, не гнѣвайтесь, сотенную ему отвалилъ.

Колесниковъ. Что сотенная! Да вѣдь за такія дѣла, что можетъ влетѣть! И грѣхъ.

Василій. Не влетитъ. А грѣха бояться, въ монастырѣ надо жить. Ну и распалился же народъ на Андрея. Онъ было въ одну избу, въ другую, а бабье двери на запоръ. Проваливай, кричатъ! Въ конецъ извести хочешь. Выгодно денежки за мертвецовъ получать... Сталъ онъ мужиковъ урезонивать, прочь отъ него идутъ... И ежели завтра, на ангела вашего да подпоить народъ, да шепнуть словечко, другое... Вотъ какъ! по бревнушкамъ чайную разнесутъ, и духа Андрея здѣсь не будетъ. Безъ Андрея же и графъ намъ наплевать.

Колесниковъ. (*Задумчиво*). А какъ разойдется народъ, да на насъ же потомъ кинется? Мало ли у меня недруговъ и завистниковъ.

Василій. А мы выкатимъ еще водки, пива, и первый недругъ станетъ пріятелемъ. Какъ вамъ угодно дяденька, только пропустимъ случай, соскочитъ злость съ народа и живо втолкуетъ ему Андрей, въ чемъ штука. Тогда, какъ хвалился Андрей, онъ васъ же выкуритъ.

Колесниковъ. Что? Да ты очумѣлъ? (*Показывается луна*).

Василій. И выкуритъ.

Колесниковъ. Выкуритъ! Меня! Отсюда!!.

Василій. (*Прислушиваясь*) Тссъ!.. дяденька! (*Идетъ къ калиткѣ по серединѣ*).

Колесниковъ. (*Не слушая*). Да я его раньше въ бараній рогъ согну... Да я его въ порошокъ сотру!.. Я его...

Василій. Прячьтесь, дяденька. Идутъ. Графъ съ Андреемъ...

Колесниковъ. И тутъ сынокъ!.. Опять онъ! Вездѣ онъ!

Василій. (*Проходя мимо скамейки, съ удареніемъ*) И кто это топоръ тутъ бросилъ! (*Уходитъ направо*).

Явленіе 5-е.

Колесниковъ и графъ съ Андреемъ. (За частоколомъ).

Колесниковъ. (*Прячась въ кустахъ*). Ну, теперь все узнаю... одинъ конецъ...

Андрей. (*Входя въ калитку*). Положительно не понимаю, зачѣмъ ты меня-то сюда притащилъ.

Графъ. Послушай, брось ты наконецъ къ чорту свои спартанскія добродѣтели. Неужели же тебѣ не жаль Маши?

Андрей. (*Мрачно*) Не жаль. Ненавижу тряпичныя натуры. Если она способна подчиняться до такой степени старику, пускай выходитъ за него.

Графъ. Однако, черствый же ты какой!

Андрей. Черствый, я! Ну да, вздыхать, киснуть даромъ не умѣю и не хочу. Видишь шрамъ? Мальчишкой меня укусила змѣя. Не долго думая, я самъ, самъ выжегъ желѣзомъ мясо до кости... Зналъ, что надо, и сдѣлалъ, и не крикнулъ, а какъ думаешь, было больно?

Графъ. Такъ Маша не змѣйка же.

Андрей. (*Перебивъ*). Но далеко не то, чѣмъ мнѣ казалась. Да и не до нея. Не видишь развѣ, наше дѣло гибнетъ. Пойми, гибнетъ!

Графъ. Очень понимаю.

Андрей. Не разскажи мнѣ Николай, я бы половины не подозрѣвалъ. Дѣтскія кости мнѣ надо на лѣченье, а за каждаго мертвеца я получу по рублю!.. Придумалъ же родитель.

Графъ. А я въ виду новаго передѣла хочу заранѣе обойти мужиковъ. Чортъ знаетъ, что за чепуха.

Андрей. Ну, да меня легко не сломишь. Не даромъ во мнѣ кровь отца. Увидимъ, чья въ концѣ концовъ возьметъ. Поборемся еще!

Графъ. И поборемся, но прежде всего надо Машу спасать.

Андрей. Спасай, никто не мѣшаетъ.

Явленіе 6-е.

Тѣ-же и Маша съ Катей (показываются справа).

Графъ. Вотъ онѣ. Отойдемъ пока въ сторонку и выслушай меня... (*отводитъ Андрея къ калиткѣ*).

Катя. Слово старику дала? Вздоръ! Ты была просто сумасшедшей, когда соглашалась на такую чудовищную вещь.

Маша. Не могу. Сама вѣдь обѣщала выйти за него. Да и что тутъ обо мнѣ толковать! Какъ въ туманѣ я. Неужто-жъ все правда, что ты разсказала?

Катя. До послѣдняго словечка. И послѣ такихъ гадостей, ты выйдешь за этого низкаго старика?

Маша. Это не онъ! Семенъ Степанычъ на такія дѣла не пойдетъ... Это все Василій, все его штуки. Боже мой, что теперь будетъ! Народъ, говоришь, озлобился на Андрея Семеныча; онъ же такой смѣлый...

Катя. Полно тебѣ о другихъ. О себѣ лучше подумай. Вернется Мамай нашъ, все тогда пропало.

Маша. (*Печально*). Будетъ какъ Богу угодно. Я все это время въ монастырѣ молилась...

Катя. (*Нетерпѣливо*). Не зли ты меня, лучше не зли! Ну, хорошо, выходи когда такъ, выходи за старика, только каково-то тебѣ будетъ, какъ начнетъ старый мужъ ласкаться...

Маша. (*Перебивъ, умоляюще*) Молчи, Катя!..

Катя. Какъ станетъ обнимать тебя, цѣловать...

Маша. Не мучь ты меня! И такъ тяжело!.. Ахъ, Катя, Катя, тяжело мнѣ!.. (*Плачетъ, припавъ къ лицу Кати*).

Катя. Видишь, бѣдненькая, теперь тяжело; что же потомъ будетъ? А если еще полюбишь другого...

Маша. (*Сквозь зубы*) Никого я не полюблю.

Катя. Полюбишь, полюбишь, непремѣнно полюбишь, если только уже не полюбила. И вотъ когда замучаешься! Жизнь опостылѣетъ, на мужа взглянуть тошно будетъ. Что-бъ ни дѣлала, куда-бъ ни шла, днемъ, ночью, все одинъ, все милый будетъ стоять передъ глазами...

Маша. (*Прерывая съ мольбой*) Да замолчи же!..

Катя. Не видя, будешь его видѣть, не слыша—слышать. Вездѣ-то будетъ чудиться онъ, слышаться голосъ его, вспоминаться слова его. Захочешь молиться, молитва на умъ не пойдетъ. Будешь тосковать, страдать безъ него. А увидишь... все забудешь!.. Отъ радости духъ захватитъ, сердце замретъ!..

Маша. (*Повторяя, какъ въ бреду*) Не видя, будешь видѣть... Не слыша,—слышать... Вездѣ будетъ чудиться... вспоминаться слова... Увидишь, сердце замретъ... (*Дико*) Такъ это любовь!.. Такъ это значитъ любить... Любить!..

Катя. Ну да, да... Что съ тобой?!

Маша. (*Съ отчаяніемъ*) Любить! Катя, Катя, что ты надѣлала со мной!

Катя. Ты вся дрожишь! Такъ я угадала. Ты любишь?!

Маша. Нѣтъ, нѣтъ! Никого я не люблю и не могу любить! И уйди ты лучше отъ меня. Оставь меня, уходи! Не хочу больше слушать тебя.

Катя. Меня не хочешь, можетъ быть другихъ послушаешь. Графъ, гдѣ же вы? (*Графъ выступаетъ впередъ, за нимъ Андрей*).

Маша. Вы! и вы здѣсь!

Графъ. Какъ видите, Марья Николаевна. У калитки же васъ ждетъ тройка лошадей.

Катя. Слышишь, Маша! Къ утру будешь въ городѣ у тетки графа, куда Семенъ Степанычъ сунуться не посмѣетъ. Рѣшайся!

Графъ. Ѣдемте!

Маша. Не могу я!

Катя. Безумная, ты губишь себя. Опомнись, что ты дѣлаешь!

Андрей. Полноте уговаривать. Каждому свое надо. Съ Марьи Николаевны довольно будетъ счастья раздавать гроши, вмѣсто содранныхъ рублей, кормить голодныхъ объѣдками. Это ли еще не счастье?!. (*Маша закрываетъ лицо руками. Катя отходитъ къ графу и пошептавшись они уходятъ черезъ калитку*). Наконецъ, какъ пріятно сознанье, что совершаешь подвигъ, приносишь себя въ жертву.

Маша. (*Сквозь слезы*). Боже мой!..

Явленіе 7-е.

Колесниковъ въ кустахъ, Маша и Андрей.

Андрей. Что-жъ, ради этого уже сознанья можно не только выйти безъ любви, но даже пожертвовать любимымъ человѣкомъ... Еще бы! воображать себя полуангеломъ, полусвятой!..

Маша. За что? За что такъ?!

Андрей. (*Порывисто*). За что... за что?.. за то, что я люблю васъ!

Маша. } Ахъ! (*Прислоняется къ дереву*).
Колесниковъ. } А!..

Андрей. Ну да, люблю! И эти твои слова только-что, когда ты говорила съ Катериной Ивановной, эти слезы теперь, все показываетъ, что и ты любишь! Да любишь меня! (*Схватываетъ Машу за руку. Колесниковъ выходитъ изъ-за куста*).

Маша. Пустите!.. (*Вырывается*). Ради Господа пустите меня!..

Андрей. Нѣтъ, не пущу, Маша!.. Я вѣдь не пустоголовый мальчишка, которому каждая юбка мила. Я не любилъ еще до сихъ поръ. Тебя первую я полюбилъ. Все въ тебѣ мнѣ мило, дорого, самая даже восторженность твоя, эти твои порывы! Ты любишь меня, и я никому тебя не отдамъ! Ты знаешь, чѣмъ и для чего я хочу жить, и ты будешь моей помощницей, моимъ вѣрнымъ другомъ, моей дорогой женкой!.. (*Хочетъ обнять Машу*).

Колесниковъ. (*Подойдя*). Твоей женкой?!.

Маша. } Батюшка!!
Андрей. } Ты?!.

Колесниковъ. (*Хрипло*) А, твоей женой! Врешь, сынокъ. Она *моя* невѣста и будетъ *моей* женой. (*Схвативъ Машу за руку*) Ну-ка, попробуй, возьми ее у меня.

Андрей. И возьму!

Колесниковъ. (*Держа одной рукой Машу, другой схвативъ топоръ*) Бери!..

Маша. (*Схвативъ Колесникова руками*). Батюшка!.. Что ты! Что ты?!.

Андрей. Такъ-то лучше прямо ужъ съ топоромъ, чѣмъ подлости дѣлать! (*Дѣлаетъ движенье къ Машѣ*).

Колесниковъ. Андрей!.. Убью!.. (*Старается оттолкнуть вцѣпившуюся въ него Машу*).

Андрей. Отойди Маша! Онъ еще убьетъ тебя!..

Колесниковъ. Васька!.. Воры, сюда!.. Прочь змѣя! (*Отталкиваетъ Машу. За сценой направо голоса, шумъ*).

Маша. (*Снова схвативъ Колесникова; послѣднiй въ борьбѣ съ ней роняетъ топоръ*). Уходи! (*Андрею*) если любишь меня!.. Ради меня!.. Слышишь, собаки!.. (*За сценой лай*). Милый, бѣги, бѣги!

Андрей (*Прыгнувъ къ калиткѣ*) Помни же, ради тебя Маша!.. (*Исчезая*) До скораго свиданья, отецъ!.. (*Со двора вбѣгаютъ Василiй, рабочiе*).

Явленiе 8-е.

Колесниковъ, Маша, Василiй, рабочiе.

Колесниковъ. (*Задыхаясь*) Бѣгите!.. Держите его!..

Маша. (*Бросившись и заслонивъ калитку*). Не пущу!..

Колесниковъ. (*Бѣшено*) Не пустишь? Такъ ты любишь его?!..

Маша. (*Рѣшительно*) Люблю!!..

Колесниковъ. (*Зашатавшись*) Охъ!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Картина первая.

Дворъ Колесникова. Налѣво часть дома съ крыльцомъ. Передъ домомъ дерево, доходящее до вышки. Направо погреба, кухня. Глубь сцены заставлена столами, скамейками. За столами народъ сильно подгулявшій. При поднятіи занавѣса въ домѣ играетъ аристонъ.

Явленіе 1-е.

Народъ, 1 и 2 крестьяне, старикъ, старуха, Василій, 1, 2 и 3 мальчики.

Народъ. Много лѣтъ здравствовать Семену Степанычу! Ура, ура. ура!.. (*Пьютъ*).

1-й мальчикъ. (*Таща съ другимъ въ домъ корзинку съ виномъ*). Ишь глотки дерутъ.

2-й мальчикъ. Какъ не драть! Сколько винища съ полудня вылакали, страсть!

3-й мальчикъ. (*Бѣжитъ изъ дома, вылизывая блюдо*). Разгулялся хозяинъ. Въ горницахъ дымъ коромысломъ. Кто пѣсни поетъ, кто подъ столъ слѣзъ, музыка жаритъ! Лихо!..

Василій. (*Угощая народъ*). Чего черти стали? Я васъ! (*Мальчишки разбѣгаются*).

Явленіе 2-е.

Тѣ-же безъ мальчишекъ.

Старикъ. (*Заплетающимся голосомъ*). Ой милые!.. Ой сердечные!.. Угостили-жъ... И на этомъ, и на томъ свѣтѣ помнить буду.

Василій. Ѣшьте, пейте православные безъ опаски... Вино у насъ чистое, нутро отъ него не воротитъ, веселѣй только станете...

Старикъ. Нда... пью я это и словно скусъ у чая не тотъ... Я ничего, стаканчикъ за стаканчикомъ дую... Какъ замутитъ это меня... Какъ замутитъ...

2-й крестьянинъ. (*Пошатываясь*). Значитъ дурманомъ... По рублю значитъ за покойника... разлакомился лѣкарь...

1-й крестьянинъ. Что ты болтаешь! Пойдетъ Андрей Семенычъ на такія дѣла.

Василій. Много ты знаешь.

2-й крестьянинъ. Молчи!.. За лиходѣя заступаться!

Старикъ. Мутило-то меня съ чего? а?!

Старуха. Огненный змій!.. Охъ, сама видѣла, огненный змій!..

Василій. Что тутъ толковать, дѣло ясное. Вотъ тоже лѣкарямъ первое, чтобъ кости человѣческія были. Безъ костей и лѣчить не могутъ.

Народъ. (*Яростно*) Ахъ они окаянные!

Василій. Въ городахъ-то большія деньги платятъ лѣкаря за эти самыя кости, особливо малыхъ ребятъ. У насъ-же и даромъ возьмутъ. (*Народъ волнуется*).

1-й крестьянинъ. Да что вы врете! Кости-то не для лѣченья, а для ученья... Мнѣ самъ Андрей Семенычъ...

Народъ. Молчи ты! Намнемъ тѣ бока съ лѣкаремъ твоимъ!..

Бабы. (*Плаксиво*). Говорили мы, не слухали насъ... Кости понадобились... Зельемъ опаиваетъ... Пропали наши головушки!.. (*1-й крестьянинъ хочетъ говорить, ему не даютъ; его толкаютъ*).

Василій. Ну-ка, молодцы! вали за мной. Выкатимъ еще боченочекъ другой водочки да пивца. Приказалъ Семенъ Степанычъ, чтобъ ничего то есть не жалѣть для васъ, гостей дорогихъ.

Народъ. Отецъ онъ нашъ! Милостивецъ!.. Ура, ура!.. (*Василій отходитъ съ нѣсколькими парнями къ погребамъ. На крыльцо выбѣгаютъ Маша съ Аграфеной*).

Явленіе 3-е

Тѣ-же и Маша съ Аграфеной.

Аграфена. (*Схвативъ Машу*). Ты это куда-жъ, голубушка, собралась?

Маша. (*Вырываясь*) Пустите меня!..

Аграфена. Шалишь, милая, не пущу! (*Маша рвется*).

Явленіе 4-е

Тѣ-же и Колесниковъ.

Колесниковъ. (*Въ дверяхъ*) Гдѣ-жъ она?!. А? (*Машѣ*) Такъ ты бѣжать хочешь?

Маша (*Смѣло*) Хочу!

Аграфена. Слышишь? Воля твоя, батюшка братецъ, не справиться мнѣ съ ней: осатанѣла дѣвка совсѣмъ. И не видала ее такой. Какъ толкнетъ меня въ грудь, а сама стречка дала.

Колесниковъ. Охъ, Маша, не шути ты лучше со мной. Угостила ты меня вчера да такъ, что сегодня и безъ вина я пьянъ, и безъ вина хмѣленъ. И все мнѣ теперь ни почемъ! Звѣрь я теперь, слышишь, звѣрь!..

Маша. Не боюсь я тебя. Попробуй, выведи силой къ гостямъ. Не стану молчать, все разскажу! Какія небылицы про Андрея распускалъ, какъ собаками его травилъ, а въ чайной велѣлъ порошки въ чай насыпать.

Колесниковъ. Такъ-то, бунтоваться противъ меня. Ладно-жъ. Съ тобой-то справлюсь. (*Аграфенѣ*) Запереть ее на вышкѣ, оттуда не убѣжитъ. (*Машѣ*) А ты знай, безъ сговора обойдемся. Волей неволей, а быть тебѣ моей женой. За деньги найду попа, озолочу его, связанной онъ тебя повѣнчаетъ. Сама обѣщалась пойти за меня. Не неволилъ я тебя.

Маша. (*Горячо*) Такъ другая тогда я была. Никого не любила, теперь же люблю! И другому обѣщалась, не тебѣ. Тотъ хоть неправдой жилъ, а на злодѣйства не шелъ, и жалѣла я его... Ты же, самъ говоришь, звѣрь ты теперь. И ненавистенъ же ты мнѣ сталъ! Сына родного загубить хочешь!..

Колесниковъ. И загублю! Двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ не жить. Вотъ сейчасъ, слово скажу, рукой махну, и духа твоего Андрея въ селѣ не будетъ.

Народъ. Покажемъ лекаришкѣ, какъ ребятъ морить... Пощупаемъ ему бока! (*Волненье. Василій продолжаетъ разжигать народъ*).

Маша. (*Вздрогнувъ*). Такъ вотъ зачѣмъ поишь всѣхъ! (*Бросившись на колѣни*). Батюшка! не губи ты его... Сынъ вѣдь!.. Пожалѣй!!.

Колесниковъ. Ха, ха, ха! Мнѣ жалѣть его, моего перваго ворога?!..

Маша. Не бери грѣха на душу!..

Колесниковъ. Нѣтъ! Все хочетъ онъ отнять! И тебя отнять. Пускай грѣхъ. Не пожалѣю его...

Маша. (*Рыдая*). Ноги твои цѣловать буду! (*Припадаетъ къ ногамъ Колесникова*).

Колесниковъ. (*Отодвигаясь, мрачно*) Такъ, значитъ, милъ онъ тебѣ, такъ любъ?!.. Не губить его?! Хорошо. Давай клятву, что подъ вѣнецъ со мной пойдешь. Выходи къ гостямъ невѣстой моей, сдѣлаемъ сговоръ... (*Василій подходитъ*).

Маша. Все прикажи, все исполню, а это не могу... Хочешь, въ монастырь уйду!.. Хочешь, клятву дамъ ни за кого не идти, при тебѣ остаться... За тобой ходить буду... Дочерью тебѣ буду...

Колесниковъ. Дочерью?.. Нѣтъ, женой тебя хочу...

Маша. (*Вскочивъ*). Не могу!

Колесниковъ. Не можешь! (*Аграфенѣ съ Василіемъ*). Ведите ее на вышку, ключъ же мнѣ принесть. Да помните: женюсь на ней, не пять, десять тысячъ дамъ.

Маша. (*Вырываясь отъ Василія*). Не пойду! (*Кричитъ*). Православные! Слушайте!..

Колесниковъ. Ротъ зажмите... вотъ такъ!.. Тащите!..

Маша. (*Глухо*) Помогите!.. Помогите!.. (*Василій и Аграфена, зажавъ ей ротъ, тащатъ въ домъ*).

Колесниковъ. И любитъ же она его какъ! (*Сходитъ съ крыльца*).

Явленіе 5-е.

Народъ. (*Восторженно*). Самъ идетъ!.. Имянинничекъ дорогой!..

Колесниковъ. Хорошо ли васъ, голубчики, угощали? Всѣмъ ли вы, гости дорогіе, довольны?!

Народъ. Всѣмъ довольны! Ввѣкъ милости твоей не забудемъ... Отецъ ты нашъ!.. Благодѣтель!..

Колесниковъ. Нѣтъ, это зачѣмъ же, братцы, душой-то кривить? Какой я вамъ отецъ, какой благодѣтель!! Есть теперь у васъ свои милостивцы... Вонъ графъ, сынокъ мой. Ихъ любите, съ ними живите... Мнѣ-же тутъ больше и мѣста нѣтъ... Отъ васъ я уйду...

Народъ. (*Пораженный*). Какъ уйдешь?! Какъ мѣста нѣтъ!..

Колесниковъ. Мнѣ о грѣхахъ своихъ подумать пора. Мнѣ покой надобенъ, жить тихо, смирно. А тутъ люди враждуютъ со мной, козни мнѣ строятъ. Извѣстно, я старикъ, по стариковскому живу, какъ отцы, дѣды наши жили. Ну, а графъ и сынокъ мой люди молодые,

ученые, любятъ новшества. Вотъ, чайную вамъ устроили... (*Темнѣетъ*).

Народъ. Чтобъ имъ пусто было съ чайной-то ихней!.. Опаивать насъ!..

Колесниковъ. Я ничего не знаю... Любы они вамъ, и живите съ ними... Мнѣ же они злые вороги и съ ними жить я не могу. Переберусь отъ васъ, уѣду въ городъ.

Народъ. Что ты?! Да на кого ты насъ покинуть хочешь? Да какъ же мы безъ тебя останемся!!.

Колесниковъ. И жаль мнѣ васъ, вотъ какъ жаль, да что подѣлаешь, голубчики?! Либо они, либо я, вмѣстѣ-жъ намъ тутъ не житье... Пейте-жъ, родные, угощайтесь въ послѣдній разокъ, а тамъ не вспоминайте лихомъ Семенъ Степаныча... (*Поклонившись, идетъ къ дому. На крыльцо выходитъ Василій и мальчишки*).

Явленіе 6-е.

Колесниковъ, народъ, Василій и мальчишки.

Народъ. (*Волнуясь*). Мы не пустимъ... Что намъ въ ученыхъ... Еще изведутъ насъ... Какъ отцы, дѣды жили, такъ и мы... Пускай молодчики проваливаютъ... Никого намъ не надо, окромя батюшки Семена Степаныча! (*Говоръ усиливается. Въ окнѣ вышки показывается Маша*).

Явленіе 7-е.

Тѣ-же и Маша.

Колесниковъ. (*Мальчишкамъ*). Эй, вы, зажигать иллюминацію! (*Стоя на крыльцѣ*). Ха, ха, ха! Вотъ, сынокъ любезный, твои друзья пріятели! Вотъ звѣрье, за которое ты распинаешься, и противъ отца родного пошелъ!.. Ха, ха, ха!.. Поставилъ водки, выкатилъ пива, и кулакъ, кровопіецъ благодѣтелемъ сталъ, и за него готовы хоть кому шею свернуть... (*Сцена освѣщается плошками*). Ну, Васька, то есть, что хочешь проси, все тебѣ дамъ, такъ ты меня разутѣшилъ... И надумалъ же ловкую штучку, ха, ха, ха!.. Доводи только дѣльце до конца!..

Василій. Готово ужъ дяденька!

Народъ. (*Народъ, начиная двигаться*) Дадимъ ему хрещеныхъ опаивать! Въ щепы чайную, въ щепы!

Маша. (*Ломая руки*). Заперта!.. Убьютъ его!..

Народъ. Пересчитаемъ лѣкарю ребра!.. Вали въ чайную!.. Все разнесемъ!.. Вали!.. (*Народъ двигается*).

Колесниковъ. Вотъ это ловко! Ха, ха, ха!.. Тащить въ горницы шампанскаго, корзиной тащить... Пущай рѣкой льется!.. Музыка что замолчала!.. Играй, всѣ гуляй!.. Веселъ имянинникъ, охъ и веселъ-же!.. (*Народъ уходитъ съ проклятьями, съ шумомъ*).

Маша. Матерь Божія, помоги! Научи спасти его! А! (*Замѣтивъ дерево*). Спущусь! (*Схватываетъ вѣтку и начинаетъ спускаться по дереву*).

ЗАНАВѢСЪ.

Картина 2-я.

Выгонъ съ большой дорогой, которая идетъ направо за лѣсъ. Слѣва околица села, справа лѣсъ. У дороги камень и дерево. При поднятіи занавѣса слышны за лѣсомъ отдаленные крики. Въ концѣ картины на горизонтѣ луна.

Явленіе 1-е

Андрей, графъ и Власъ (выходятъ справа ближе къ зрителямъ).

Андрей. Умѣешь ты, дѣдушка, человѣка успокоить. На душѣ у меня словно черти шабашъ справляли, а поговорилъ съ тобой и легче стало.

Власъ. Потерпи, родной, все обойдется, все хорошо будетъ. Надо дать только людямъ маленько поостыть, а тамъ я съ міромъ поговорю. Я вѣдь никого не боюсь и знаютъ, что въ жизнь я душой не кривилъ, такъ мнѣ повѣрятъ.

Андрей. Стемнѣло уже, пойду на село. Замучалась, я думаю, моя бѣдная Маша.

Графъ. (*Выйдя изъ задумчивости*). Да ты съ ума сошелъ! Вѣдь написала Катя, чтобы ты у меня сидѣлъ и не показывался, пока она не дастъ знать.

Андрей. Ты и пляши подъ дудку своей Кати, благо собираешься жениться на ней.

Власъ. И я скажу: не ходи, родной. Наугостился народъ у твоего родителя, самъ ты сейчасъ слышалъ: шумъ до лѣсу доносило.

Андрей. Я задами проберусь, меня никто не увидитъ. Но я долженъ переговорить съ Машей и, если возможно, сегодня же увесть

ее съ собой. Не чурбанъ же я, въ самомъ дѣлѣ! Нѣтъ, я ее, голубку, теперь никому не уступлю, у самого чорта изъ пасти вырву!

Графъ. Въ такомъ случаѣ, идемъ вмѣстѣ!

Андрей. Ни за что. Одному мнѣ легче проскользнуть незамѣтно.

Графъ. А я не пущу тебя одного все равно что въ берлогу медвѣдя.

Андрей. Слушай, дружище! Знаю, что я тебѣ дорогъ, и вѣрь, цѣню тебя и твою дружбу больше, чѣмъ умѣю высказать. Но я же не ребенокъ и понимаю, что дѣлаю. Я пойду одинъ, такъ нужно.

Власъ. (*Графу*) Оставь его, голубчикъ, не переупрямишь. Да и правда, что безъ тебя ему способнѣй будетъ.

Андрей. Разумѣется. (*Графу*) Черезъ часъ одинъ или съ Машей я буду у тебя. (*Идетъ налѣво въ глубь сцены*).

Явленіе 2-е.

Графъ и Власъ.

Графъ. Всегда вотъ такъ, всегда поставитъ на своемъ. (*Глядя вслѣдъ Андрею*). Какъ я боюсь, чтобъ не случилось съ нимъ чего.

Власъ. И, миленькій, никто какъ Богъ.

Графъ. Не знаешь ты, дѣдушка, что для меня Андрей! Да и нельзя не любить его! Кажется такимъ сухимъ, черствымъ, а сколько въ немъ сердца, души!..

Власъ. Что говорить! Такіе-то люди, словно звѣздочки въ ночку темную. Когда видишь такихъ, и жить слаще и умирать легче... (*Идетъ направо*).

Графъ. Умирать?!.. А не страшна тебѣ, дѣдушка, смерть?

Власъ. Нѣтъ, голубчикъ. Велики наши грѣхи, а милость-то Божья еще больше, и нѣтъ ей конца, нѣтъ ей предѣловъ.

Явленіе 3-е.

Тѣ-же и 1-й крестьянинъ.

1-й крестьянинъ. (*Выбѣгаетъ справа изъ за лѣсу, запыхавшись*). Кто тутъ?!.. Дѣдушка, ты!.. и баринъ!.. Гдѣ Андрей Семенычъ?!.. Надо спрятать его!.. Перепился и разбушевался народъ... Чайную въ щепы разнесли... Книги, инструменты пожгли, поломали... Теперь

на барскій дворъ побѣжали искать его... Я-жъ черезъ рѣку махнулъ, да нѣтъ тамъ Андрея Семеныча!..

Графъ. } Народъ ко мнѣ!.. Андрея искать?!
Власъ. } Господи помилуй!..

1-й крестьянинъ. Звѣри звѣрями!... Не найдутъ его, хуже разъярятся.

Власъ. Бѣги-жъ, милый, задами на село, ко двору старика. Андрей туда пошелъ... Верни его и проведи на пчельникъ; ко мнѣ не сунутся... А я навстрѣчу народу пойду...

1-й крестьянинъ. Не-то у себя спрячу! Спасъ онъ вѣдь молодуху подъ топоромъ моимъ!.. (*Бѣжитъ налѣво*).

Явленіе 4-е.

Власъ и графъ.

Власъ. (*Идя направо въ глубь*) Не приходится ждать, надо образумить, пока худшаго не натворили!... Ахъ они несчастные!...

Графъ. (*Идя съ нимъ*) Этой дорогой ближе намъ...

Власъ. (*Пріостановясь*). Не лишнимъ ли ты будешь, родной?

Графъ (*Рѣшительно*). Будь спокоенъ, дѣдушка, не лишнимъ!...

Власъ. Идемъ, когда такъ. На все вѣдь Божья воля!.. (*Уходятъ за лѣсъ. Черезъ секунду, справа, ближе къ зрителямъ выбѣгаетъ Маша. Слѣва, въ глубинѣ показывается Андрей*).

Явленіе 5-е.

Маша и Андрей.

Маша. Въ имѣньи сказали, на пчельникъ пошелъ... На пчельникѣ нѣтъ никого!.. Господи, гдѣ же Андрей?.. Гдѣ искать его?!.. (*Зашатавшись, опускается въ изнеможеніи на камень*).

Андрей. (*Глядя налѣво*). Отецъ и цѣлая толпа гостей... Идутъ сюда!.. Что это значитъ?

Маша. Андрей!... (*Вскакиваетъ*).

Андрей. Машинъ голосъ!...

Маша. (*Бросившись къ Андрею*). Ты?!.. О милый... милый... (*рыдаетъ*).

Андрей. Голубка моя! Что случилось?... Ты вся дрожишь!..

Маша. Бѣжала!... Тебя искала!.. Отецъ, Василій подпоили, подучили народъ... Хотятъ тебя убить... Спрячься, спрячься!...

Андрей. Не бойся, Маша, никто не тронетъ меня.

Маша. Нѣтъ, нѣтъ!.. Чайную вѣдь разнесли и къ графу побѣжали...

Андрей. Такъ вотъ ужъ какія дѣла творятся... Къ графу?! Значитъ крики недавно не изъ села, а съ большой дороги неслись!.. (*Дѣлаетъ движенье направо*).

Маша. (*Схвативъ его*). Куда ты?!..

Андрей. Пусти!... Александръ пошелъ сейчасъ домой... Въ темнотѣ его могутъ принять за меня...

Маша. Не пущу!.. Что ты!... Опомнись!... (*За лѣсомъ гулъ приближающейся толпы*).

Андрей. (*Вырываясь*) Маша, графъ мнѣ другъ, почти братъ!.. Опять крики!.. Пусти!.. (*Вырвавшись, бѣжитъ направо въ глубь сцены*).

Маша. И я!.. И я съ тобой!.. Умирать такъ вмѣстѣ!.. (*Бѣжитъ за Андреемъ*).

Явленіе 6-е.

Колесниковъ, Василій, Аграфена, Катя, Богоявленскій, Хохловъ, Андреевъ, Просвирниковъ, гости (большинство навеселѣ) *и десятскіе. Всѣ выходятъ слѣва.*

Колесниковъ. (*Богоявленскому*). Не портьте-жъ моего ангела. Пойдемъ назадъ.

Катя. Назадъ! Когда графа съ Андреемъ Семенычемъ убиваютъ!.. Попробуйте вернуться, на всѣхъ донесу! Къ губернатору поѣду...

Колесниковъ. Не слушайте пустоголовой дѣвченки. Ну, подпилъ народъ, побуянилъ маленько и только...

Богоявленскій. Однако, чайную-то разнесли, а я сидѣлъ у васъ и не зналъ... (*Направо крики, все усиливающіеся*). Да и гдѣ-жъ кончено! Слышите?!..

Василій. Пѣсни поютъ-съ!

Хохловъ. Ру...си... веселіе пити!.

Богоявленскій. Хороши пѣсни. Десятскіе впередъ!.

Явленіе 7-е.

Тѣ-же и бабы (выбѣгаютъ справа изъ-за лѣса).

Бабы. (*Разбѣгаясь*). Камнемъ въ голову!.. Убили!.. Убили!.. (*Крики направо близки*).

Колесниковъ. | Вотъ оно!...
Богоявленскій. | Стой, стой!...
Гости. | Кого убили?!..
Катя. | Я знаю! Графа, графа!...

Явленіе 8-е.

Тѣ-же и справа изъ-за лѣса показываются: Власъ, Андрей, Маша, графъ, народъ.

Власъ. (*Голова въ крови. Охвативъ рукой за шею Андрея, горячечно, бѣшено напирающему народу*) Меня добивайте, а его не дамъ!.. не дамъ!.. Охъ!.. (*Шатается*).

Графъ. (*Народу*). Стойте-же!.. Не видите!.. Умираетъ дѣдушка. (*Поддерживаетъ съ Андреемъ Власа. Народъ стихаетъ*).

Колесниковъ. | Власъ!..
Гости. | Дѣдушка Власъ!..

Власъ. Положьте... меня дѣтушки... (*Его кладутъ на каменъ*). Умираю...

Народъ. (*Глухо*) Господи!.. Грѣхъ-то какой...

Маша. (*Страстно, указывая на Колесникова*). Вотъ онъ убійца!.. Онъ всему причиной... Разжигалъ народъ. Деньги платилъ, чтобъ про сына небылицы распускали...

Колесниковъ. Врешь ты!..

Маша. Нѣтъ, правду говорю! Подъ присягой покажу... Велѣлъ въ чайной снадобья въ чай подсыпать.

Народъ. (*Волнуясь*). Такъ вотъ оно что!.. Вотъ оно какъ!..

Власъ. Дѣтушки... Богомъ заклинаю, стойте... меня слушайте всѣ... Въ смерти моей никто не повиненъ... Самъ я... упалъ... головой о камень...

Андрей. (*Со слезами*). Меня собой заслонилъ. За меня умираешь...

Власъ. Нѣтъ-же... говорю, самъ...

Богоявленскій. И прекрасно. Такъ никого старикъ не обвиняешь?

Власъ. Никого... Семенъ, подойди... Проститься хочу. (*Колесниковъ колеблется*).

Народъ. Грѣхъ-то, грѣхъ какой!!

Власъ. Подойди-же, сродственники съ тобой. (*Колесниковъ мрачно подходитъ*). Нагнись. (*Шепотомъ*). Помнишь, говорилъ... грѣхъ спленъ... не забывай души, а ты... За тебя умираю, но да проститъ тебѣ Творецъ Милосердный... Поцѣлуй меня... Жалко мнѣ тебя, жалко... Опомнись... не губи души въ конецъ... (*Чуть слышно*) Жалко тебя. (*Впадаетъ въ забытье. Колесниковъ, выпрямившись, стоитъ какъ окаменѣлый*).

Графъ. Да неужели же нельзя спасти его?!

Андрей. (*Грустно*). Ничего не поможетъ. Сейчасъ конецъ.

Власъ. (*Приподнявшись*). Гдѣ ты Маша?!

Маша. (*Рыдая*). Тутъ я дѣдушка..

Власъ. Не плачь, птичка моя!.. Сладко такъ умереть... Поцѣлуй и ты меня... (*Маша его цѣлуетъ*) Вотъ такъ... (*Бредитъ*) Видишь!.. Видишь!.. Свѣтло-то какъ!.. Хорошо!.. (*Тише*) Свѣтло... (*Шепотомъ*) Свѣтло!.. А!... (*Тихо умираетъ. Глубокое молчаніе*).

Андрей. (*Взявъ Власа за руку*). Умеръ дѣдушка! (*Всѣ снимаютъ шапки*).

Народъ. (*Взволнованно*). Праведникъ умеръ! Святой человѣкъ!.. Прости, дѣдушка, насъ окаянныхъ, прости! (*Бабы плачутъ, мужики вздыхаютъ*).

Колесниковъ. (*Выйдя изъ столбняка, съ отчаянной рѣшимостью*) Стойте!... Въ жизнь не лгалъ праведникъ, а передъ смертью согрѣшилъ... васъ и меня пожалѣлъ. Не могу! Себя погублю, душу спасу!..

Василій. (*Дергая Колесникова*) Дяденька, что вы?!.

Колесниковъ. (*Не слушая*) Православные, каюсь я! Неправдой жилъ, народъ обижалъ, на сына озлобился, небылицы на него взводилъ, смерти его хотѣлъ, да Господь не попустилъ, вотъ кого къ себѣ взялъ! (*Указываетъ на Власа*).

Богоявленскій. Въ такомъ случаѣ позвольте, дѣло оформить надо.

Колесниковъ. Поди ты! Дай раньше кончить. Простите-жъ меня ты, Андрей, и ты, Маша! (*Низко кланяется имъ*). Много виноватъ былъ передъ вами!

Маша. } Насъ прости!
Андрей. } Отецъ! (*Дѣлаетъ движенье къ отцу*).

Колесниковъ. Погоди! (*Народу торжественно*) Православные! мірскимъ потомъ, мірскими слезами нажилъ я богатство свое! Церкви и міру все назадъ отдаю! Сыну отъ меня ничего не надо, а самъ я, коли начальство отпуститъ, въ монастырь, грѣхи замаливать.

Василій. } Все пропало! (*Бѣшено сжимаетъ кулаки*).
Аграфена. } Чуяло мое сердце!..

Колесниковъ. (*Опустившись на колѣни, со слезами*) Простите-жъ меня въ чемъ только виноватъ передъ вами!.. Хоть ради него, ради покойника простите!.. (*Кланяется въ землю*).

Народъ. (*Низко кланяясь. Торжественно*). Богъ проститъ, Семенъ Степанычъ!.. Всѣ мы тутъ грѣшны!.. Богъ проститъ!...

Колесниковъ. (*Вставая*) Ну вотъ, теперь я готовъ!.. (*Богоявленскому*) Теперь пиши себѣ!..

Елена Зеландъ-Дубельтъ.

ЗАНАВѢСЪ.

КОНЕЦЪ.

Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ.

Профессора Генриха Дрюммонда.

(Продолженіе).

ГЛАВА V.

Умерщвленіе.

«Умертвите земные члены ваши».
Колосс. III, 5.

О звѣздоокая наука! Витала ли ты тамъ, чтобы принести намъ сюда лишь вѣсть отчаянія?
Камбрель.

По опредѣленію науки, смерть есть недостатокъ соотвѣтствія съ средой. Если, напримѣръ, человѣкъ лишается зрѣнія,—его соотвѣтствіе съ окружающимъ его міромъ уменьшается. Его жизнь ограничена въ весьма важномъ отношеніи: онъ меньше живетъ, чѣмъ прежде. Если въ добавокъ онъ лишается чувствъ осязанія и слуха,—его соотвѣтствія еще болѣе ограничены и онъ еще болѣе мертвъ. А когда всевозможныя соотвѣтствія прекращены, когда нервы отказываются отвѣчать на всякія раздраженія, когда легкія замыкаютъ входъ воздуху, когда сердце перестаетъ въ своемъ біеніи соотвѣтствовать движенію крови,—тогда безчувственное тѣло вполнѣ и навсегда умираетъ. Точно также и душа, не обладая соотвѣтствіемъ съ духовной средой, духовно мертва. Очень можетъ быть, что она никогда не обладала духовнымъ окомъ или слухомъ или сердцемъ, бившимся въ соотвѣтствіи съ любовью Бога. Если такъ, то она никогда не жила, и потому нельзя сказать, что она умерла, но она не обладаетъ этими соотвѣтствіями и, значитъ, находится въ состояніи смерти. Для духовнаго міра, для божественной среды такая душа мертва подобно камню, который никогда не жилъ для среды органическаго міра.

Когда (естественный) плотскій человѣкъ становится духовнымъ, то эту громадную перемѣну въ немъ Христосъ называетъ переходомъ отъ смерти къ жизни. До совершенія этого перерожденія, задача состояла въ томъ, чтобы опредѣлить, какъ войти въ соотвѣтствіе съ новой средой. Но какъ только это соотвѣтствіе установилось, передъ нами возникаетъ обратная задача и возникаетъ вопросъ о томъ, какъ выйти изъ соотвѣтствія съ старой средой. Съ той минуты, какъ началась новая жизнь, является естественное стремленіе порвать съ прежней, которая становится неудобной. Она сознательно не выпускаетъ насъ, она упорно соперничаетъ съ новой, требуя и себѣ извѣстную долю соотвѣтствія. Прежнія навыки, воспоминанія и страсти, привычки и установившаяся связь понятій прежней жизни сотнями различныхъ способовъ осложняютъ теперь новыя отношенія. Осложнившаяся и спутавшаяся душа очутилась въ соотвѣтствіи съ двойной средой, изъ которыхъ каждая предъявляетъ настоятельныя, несовмѣстимыя требованія, и получается раздвоенность души, живущей въ двухъ мірахъ, обитатели которыхъ смертельно враждуютъ и ведутъ непрерывную борьбу.

Положеніе дѣлъ крайне затруднительно. Очевидно, что никакой человѣкъ не можетъ жить этой двоякой жизнью; одновременно слѣдовать и по плотскому и по духовному пути нравственно невозможно. „Никто не можетъ служить двумъ господамъ“, часто повторялъ Христосъ. И однакожъ непреложна истина, что это вновь рожденное существо, эта смущенная и колеблющаяся душа находится въ общеніи и съ той и съ другой средой: съ грѣхомъ и чистотой, съ свѣтомъ и мракомъ, съ временемъ и вѣчностью, съ Богомъ и дьяволомъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Какъ освободиться новой жизни отъ упорно продолжающагося прошлаго? Легкимъ разрѣшеніемъ этого труднаго вопроса была бы смерть. Умереть органически, умереть и „отправиться на небо“—значило бы разомъ прервать всѣ соотношенія съ низшей средой, такъ какъ органическая смерть безспорно означаетъ полное прекращеніе всѣхъ естественныхъ соотвѣтствій съ этимъ грѣшнымъ міромъ. Но, къ счастью или несчастью, такого жребія не дано намъ. Пребываніе здѣсь нашего тѣла и души опредѣлено на извѣстный промежутокъ времени, и мы нравственно обязаны принять это опредѣленіе, а потому намъ предстоитъ искать другого рѣшенія.

Отказавшись отъ дѣйствительной смерти, намъ предстоитъ спросить себя, нѣтъ ли чего-нибудь подобнаго ей, какой-нибудь искусственной замѣны, которая могла бы служить нашей цѣли? Если мы не можемъ еще умереть, то конечно лучшее, что мы можемъ избрать, это—временную замѣну смерти. Если мы не можемъ сейчасъ же умереть со-

всѣмъ, то лучше всего умереть, насколько можемъ. И мы знаемъ, что это возможно, и какимъ образомъ возможно. Умереть для какой-нибудь среды значитъ отбросить соотношеніе съ ней, отрѣшиться насколько возможно отъ нея и отъ всякаго общенія съ ней. Такимъ образомъ рѣшеніе задачи будетъ просто состоять въ томъ, чтобъ безпрерывно уничтожать воздѣйствіе плотской жизни. Духовный человѣкъ перейдетъ отъ смерти къ жизни, а плотскій человѣкъ долженъ отъ жизни перейти къ смерти. Открывъ новый рядъ соотвѣтствій,—онъ долженъ добровольно покончить съ старыми. Словомъ, возрожденіе духовное должно сопровождаться вырожденіемъ плотскимъ.

Теперь насъ не можетъ удивлять, что это именно постоянно указывается и предлагается Основателемъ и апостолами христіанства. Ихъ предложеніе плотскому человѣку или, вѣрнѣе, плотской части духовнаго человѣка по отношенію къ цѣлому ряду враждебныхъ отношеній сводится къ слѣдующему: если онъ не можетъ совсѣмъ умереть, то онъ долженъ по возможности приближаться къ смерти, считая себя умершимъ для плоти.

Видя, что пока кругъ его органической жизни не завершенъ, онъ не можетъ тѣлесно умереть,—онъ долженъ умереть нравственно, считая себя нравственно умершимъ для этой среды, которая, требуя его соотвѣтствія съ собою, стала для него препятствіемъ къ духовной жизни.

Разнообразіе способовъ, которые предлагаются новозавѣтными писателями для этой цѣли, достойно вниманія. И хотя въ сущности мысль всюду одна и та же, тѣмъ не менѣе, чтобы яснѣе обрисовать свойство самого дѣйствія, мы разсмотримъ отдѣльно три различныхъ способа выраженія, употребляемыхъ въ ихъ твореніяхъ. Способовъ, которыми духовный человѣкъ можетъ отрѣшиться отъ старой среды или по крайней мѣрѣ отъ той ея части, которая непосредственно препятствуетъ его духовной жизни, — три, а именно: *распятіе плоти, умерщвленіе, воздержаніе.*

Мы увидимъ, что эти различные способы соотвѣтствуютъ тремъ различнымъ видамъ искушенія, такъ что мы имѣемъ достаточное основаніе для краткаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Во-первыхъ,—*распятіе плоти.* Выражаясь просто, совѣтъ апостола Павла христіанамъ по отношенію къ нѣкоторой части ихъ природы состоитъ въ томъ, чтобы совершить надъ ней казнь. Если христіанинъ хочетъ жить для Бога, онъ долженъ умереть для грѣха. Если онъ не убьетъ грѣха, грѣхъ неизбѣжно убьетъ его. Соглашаясь съ этимъ, онъ долженъ стараться ограничить число своихъ соотношеній, удерживая и развивая тѣ изъ нихъ, которыя ведутъ къ болѣе полной жизни и безусловно уничтожая тѣ, которыя такъ или иначе стремятся къ противо-

положному направленію. Это прекращеніе соотношеній есть дѣйствіе добровольное, распятіе плоти.

Теперь даже малѣйшій жизненный опытъ дѣлаетъ очевиднымъ, что въ одной области грѣха, очень обширной, распинаніе плоти есть единственное средство, имѣющее смыслъ. Отличительная черта смерти черезъ него заключается въ томъ, что она не только налагается на себя добровольно, но и совершается мгновенно. А есть много грѣховъ, требующихъ дѣйствія быстраго или иначе неодолимыхъ. Къ этому разряду должны быть отнесены главнымъ образомъ вожделѣнія и страсти.

Другіе грѣхи, по особенности своей природы, могутъ излѣчиваться только менѣе рѣшительными средствами. Но быстрое дѣйствіе скальпеля есть единственное дѣйствительное средство противъ грѣховъ плоти. Напримѣръ, соотношеніе пьяницы съ виномъ есть такая связь, отъ которой постепенно отвязаться можно только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Желаніе дѣйствовать постепенно есть попытка, которая можетъ быть удачна только въ единичномъ случаѣ, но даже и тогда это продолженное удовольствіе не вознаграждаетъ за медленную пытку постепенно уменьшающейся снисходительности. „Если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя“. Это средство можетъ показаться съ перваго взгляда очень суровымъ, но если принять во вниманіе съ одной стороны муки и медленность постепеннаго отвыканія, а съ другой несомнѣнную погибель, то придется сознаться, что правило это столь же вѣрно, какъ и разумно. Выраженіе „полное воздержаніе“ есть въ данномъ случаѣ выраженіе строго біологическое. Оно предполагаетъ внезапное уничтоженіе извѣстной части соотношеній посредствомъ полнаго удаленія всѣхъ связующихъ звеньевъ. Конечно, совершенно ясно, что слѣдуетъ давать болѣе широкое примѣненіе полному воздержанію, чѣмъ случаямъ невоздержанія. Это единственный рѣшительный способъ воздѣйствовать на грѣхи плоти. Самая сущность отношеній вызываетъ полнѣйшую необходимость, чтобы каждая жертва незаконныхъ вожделѣній, въ какомъ бы то ни было отношеніи, воздерживалась вполнѣ.

Вотъ почему рѣчь Христа, повидимому, крайняя и рѣшительная, указываетъ на единственно возможное и единственно вѣрное средство: „Если правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя. И если правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя“.

Никогда не настаивали въ должной мѣрѣ, насколько это необходимо для человѣчества, на „внезапномъ превращеніи“. Было уже замѣчено, говоря о „Біогенезисѣ“, что въ то время, какъ ростъ есть явленіе медленное и постепенное, переходъ отъ смерти къ жизни въ области ве-

щественной, какъ и духовной, есть дѣло одного мгновенія. Какъ бы ни опредѣляли мы время второго рожденія въ возмужалость,— оно, вѣроятно, опредѣляется первой дѣйствительной побѣдой надъ грѣхомъ,— несомнѣнно то, что совершаетъ его,—одно мгновеніе. Но это ученіе, дурно понятое, искаженное и вслѣдствіе этого пренебрегаемое, можетъ быть защищаемо тоже на основаніи нравственности и человѣчности. Если бы преобразователь, вполнѣ знакомый съ человѣческой жизнью, поставилъ себѣ цѣлью указать средство спасенія грѣшниковъ, онъ пришелъ бы вѣроятно къ заключенію, что въ концѣ концовъ внезапное дѣйствіе есть лучшее, а можетъ быть, и единственное средство отвратить грѣшника отъ грѣховнаго пути.

Предположимъ, что совѣтуютъ пьяницѣ уменьшить обыкновенное количество напитка въ первую недѣлю на одинъ пріемъ, во вторую недѣлю на два и т. д., или предположимъ прежде, что онъ позволитъ себѣ напиваться только каждый день вечеромъ, потомъ черезъ день вечеромъ, затѣмъ только въ субботній вечеръ и наконецъ только на новый годъ? Но какимъ бы образомъ измѣнился ночной воръ, перестал ли бы онъ быть воромъ, медленно сокращая количество своихъ кражъ, или негодяй, бьющій свою жену, постепенно уменьшая количество своихъ ударовъ? Доводъ отзывается нелѣпостью. „Пусть ворующій болѣе не воруетъ“. Вотъ единственное прямое средство, на которое можно указать, единственное нравственное и человѣчное. Это примѣнимо, конечно, не ко всякому случаю; но если возможно излѣчить грѣховную часть жизни человѣка внезапнымъ распинаніемъ плоти, то доводить его до этого излѣченія, если бы даже это было и возможно, посредствомъ умиранія на медленномъ огнѣ, было бы чудовищной жестокостью. Между тѣмъ, когда идетъ рѣчь о „внезапномъ превращеніи“, вотъ что обыкновенно возражаютъ: внезапная перемѣна, окончательная остановка, полный разрывъ съ прошлымъ, быстрое удаленіе отъ грѣха есть какъ будто бѣгство отъ жизни. Люди забываютъ, должно быть, что это, наоборотъ,— бѣгство къ жизни. Пусть же бѣжитъ, если хочетъ, бѣдный плѣнникъ, какъ обезумѣвшій, потому что страхъ смерти преслѣдуетъ его и, Богъ знаетъ, когда настанетъ для него время покоя и сколько времени прежнія цѣпи будутъ терзать его.

Особенность условій грѣха состоитъ въ томъ, что вообще люди связаны со зломъ главнымъ образомъ однимъ соотношеніемъ. Рѣдко кто нарушаетъ весь законъ. Къ счастью природа наша не настолько широка, чтобы мы были способны быть виновными во всемъ, и ограниченныя условія и обстоятельства обыкновенно таковы, что въ жизни каждаго человѣка даютъ преобладаніе только одному грѣху, привычному и пер-

венствующему. Но легко понять, что это сведеніе нашихъ соприкосновеній со зломъ къ одному соотношенію ослѣпляетъ насъ относительно нашего истиннаго положенія. При нашихъ расчетахъ, относительно духовныхъ нашихъ условій, мы беремъ не всѣ наши соотношенія со зломъ, мы беремъ во вниманіе скорѣе многія несоотношенія, чѣмъ единое дѣйствительно существующее соотношеніе. Мы склонны думать, что небольшая слабость позволительна каждому человѣку, и даже требуетъ извѣстной снисходительности къ этой естественной кажущейся необходимости, которую мы называемъ нашимъ грѣшкомъ. Между тѣмъ прервать свои отношенія съ низшей средой для многихъ значитъ порвать именно въ этой единственной точкѣ. Это единственный важный узелъ ихъ соприкосновенія съ ней, такъ какъ въ силу обстоятельствъ или природныхъ наклонностей соотношеніе со всей низшей средой для нихъ невозможно. Словомъ, грѣховная среда представляетъ для нихъ узкую и рѣзко опредѣленную полосу. И если соприкосновеніе не порвано въ этомъ мѣстѣ, человѣкъ явно продолжаетъ находиться въ соприкосновеніи со всей средой. Между старой и новой жизнью можетъ существовать только одна узкая тропинка, можетъ быть маленькій подземный проходъ, но его достаточно для полнаго сохраненія старой жизни. И пока это остается, жертва не умерла для грѣха, а слѣдовательно и не можетъ жить для Бога. Поэтому справедливы слова: „Кто соблюдаетъ весь законъ и согрѣшитъ въ одномъ чемъ-нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ“.

Въ вещественномъ мірѣ достаточно одной неправильности тѣла, чтобы обусловить смерть. Не нужно быть чахоточнымъ или страдать сахарнымъ мочеизнуреніемъ или подагрой, чтобы довести тѣло до могилы, если оно обладаетъ порокомъ сердца. Человѣкъ, страдающій смертельной болѣзнью одного органа, платится жизнью, хотя бы другіе органы и были здоровы. Таково же точно и таинственное единство и соотношеніе отправленій и въ духовномъ организмѣ: болѣзнь одного члена можетъ повести къ разрушенію цѣлаго. Основаніе, въ силу котораго Христосъ возвѣщаетъ свое ученіе объ отсѣченіи членовъ, или частичнаго самоубійства, находитъ здѣсь свое оправданіе и поясненіе. „Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя: ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геенну. И если правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя: ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геенну“.

Во-вторыхъ—*умерщвленіе*. Основаніе для употребленія этого выраженія мы находимъ въ хорошо извѣстныхъ словахъ апостола Павла: „А если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете“ и „умертвите

земные члены вашп“. Слово умерщвлять буквально значитъ здѣсь убивать. Оно не употреблено, конечно, въ техническомъ, частномъ смыслѣ и было бы странно и неумѣстно пытаться извлечь частную мораль о патологіи умерщвленія. Но безъ насилія смысла очевидно, что мы имѣемъ здѣсь небольшое добавленіе къ нашему понятію о смерти для грѣха. Въ противоположность самоубійству, умерщвленіе предполагаетъ скорѣе постепенное, чѣмъ внезапное дѣйствіе. Противоположенія, въ которыхъ встрѣчаются изреченія, до такой степени уясняютъ его смыслъ, являясь кромѣ того крайне поучительными для общей связи, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ изъ Новаго Завѣта: „Ибо живущіе по плоти о плотскомъ помышляютъ, а живущіе по духу—о духовномъ. Помышленія плотскія суть смерть, а помышленія духовныя—жизнь и миръ: потому что плотскія помышленія суть вражда противъ Бога; ибо закону Божію не покоряются, да и не могутъ. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ. Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его. А если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, но духъ живъ для праведности. Если же Духъ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живетъ въ васъ, то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ. И такъ, братія, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти: ибо, если живете по плоти, то умрете, а если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете“. И дальше: „Итакъ, если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. О горнемъ помышляйте, а не о земномъ. Ибо вы умерли, а жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ. Когда же явится Христосъ, жизнь ваша, тогда и вы явитесь съ Нимъ во славѣ. И такъ умертвите земные члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжаніе, которое есть идолослуженіе, за которыя гнѣвъ Божій грядетъ на сыновъ противленія, въ которыхъ и вы нѣкогда обращались, когда жили между ними. А теперь вы отложите все: гнѣвъ, ярость, злобу, злорѣчіе, сквернословіе устъ вашихъ; не говорите лжи другъ другу, совлекшись ветхаго человѣка съ дѣлами его и облекшись въ новаго, который обновляется въ познаніи по образу Создавшаго его“.

Изъ смысла всего, здѣсь сказаннаго, очевидно, что внезапное дѣйствіе не можетъ окончательно перенести человѣка изъ стараго состоянія въ новое. Порвать вполнѣ, во всѣхъ частяхъ съ старой средой положительно невозможно. Пока переродившійся человѣкъ остается въ этомъ мірѣ, онъ долженъ находить въ прежней средѣ сильнѣйшія искушенія во многихъ отношеніяхъ. Только постепенно можно выработать

силу противостоять самымъ обыкновеннымъ соблазнамъ, и какъ ни желательно было бы примѣнить при всякомъ данномъ случаѣ рѣшительный способъ, однакоже вскорѣ оказывается, что на дѣлѣ это невыполнимо. Разница, напримѣръ, между грѣхомъ пьянства и грѣховностью нрава заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ жертва, желающая измѣниться, имѣетъ дѣло только съ средой, въ послѣднемъ же съ соотношеніемъ. Искушеніе пьяницы—величина извѣстная и опредѣленная. Успѣхъ излѣченія зависитъ отъ того, насколько избѣгаются нѣкоторые внѣшніе вещественные предметы. Въ сущности, конечно, дѣло идетъ о внутреннемъ отношеніи каждый разъ, когда онъ не поддается искушенію. Тѣмъ не менѣе умъ его менѣе поглощенъ вожделѣніемъ, чѣмъ средой. И когда онъ можетъ стоять въ отдаленіи отъ „внѣшнихъ условій", ему, по выраженію Герберта Спенсера, гораздо легче справиться съ „внутренними своими отношеніями". Съ другой стороны человѣкъ дурного нрава можетъ очень мало воспользоваться средой. Какъ бы онъ ни старался ограничить ее въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, все же останется обширная, измѣняющаяся область, способная возбудить его раздражительность. Словомъ, его среда—колебающаяся величина, такъ что самые тщательные разсчеты и предосторожности часто не оправдываютъ его ожиданій.

Тутъ онъ, главнымъ образомъ, долженъ дѣйствовать на самый свой нравъ. И онъ знаетъ, что съ этимъ связано долгое и унизительное самообузданіе. Тутъ дѣло не хирургіи, а медицины, и скальпель не болѣе пригоденъ здѣсь, чѣмъ при лихорадкѣ. Особый ядъ отравилъ его кровь, и рѣзкіе порывы, проявляющіеся въ теченіе всей его жизни, могутъ быть побѣждены только постепеннымъ смягченіемъ его души. Теперь извѣстно, что человѣческое тѣло представляетъ какъ бы почву для нѣкоторыхъ зародышей, вызывающихъ лихорадку. Человѣку съ чистой кровью нечего бояться; очищенный и умиротворенный онъ закаленъ противъ соблазновъ грѣха. Гнѣвъ, ярость, злоба и насмѣшка не могутъ укорениться на подобной почвѣ.

Можно освѣтить и другимъ подобіемъ различіе между этимъ способомъ отношенія къ грѣху и предыдущимъ. Оба дѣйствія зависятъ отъ двухъ различныхъ естественныхъ положеній. Отнятіе члена, напримѣръ, подобно обрѣзыванію лишнихъ вѣтвей, употребляемому въ садоводствѣ и имѣющему цѣлью усилить жизненный ростъ полезной вѣтви на счетъ вредной. Часть растенія, пользовшаяся раньше значительной долей силы цѣлаго организма, не отдавая обратно ничего существеннаго, вдругъ отрѣзается, чтобы дать возможность жизненному развитію идти усиленнѣе въ нѣкоторыхъ плодоносныхъ частяхъ. Употребленіе

этого уподобленія Христомъ извѣстно. „Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ и всякую приносящую плодъ очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода“. Такимъ образомъ, чтобы сохранить въ растеніи силу, идущую исключительно на образованіе древесныхъ его частей, нужно разомъ прервать извѣстное количество вредныхъ соотношеній и обратить силу на соотношенія полезныя. Умерщвленіе члена основано на законѣ вырожденія. Безполезный членъ не отсѣкается здѣсь, но только оставляется, насколько возможно, безъ всякаго упражненія. Это ускоряетъ послѣдовательную гибель его частей и при все большемъ и большемъ бездѣйствіи членъ перестаетъ наконецъ быть проводникомъ жизни. Такимъ образомъ организмъ убиваетъ свои члены.

Въ третьихъ—*воздержаніе.* Въ то время какъ, значительное число соотношеній можетъ быть установлено между человѣкомъ и его средой, есть не мало такихъ, которыхъ нельзя ни ограничить постепеннымъ умерщвленіемъ, ни уничтожить внезапной смертью. Одна изъ причинъ этого заключается въ томъ, что примѣняя, слишкомъ много лѣкарствъ къ этимъ соотношеніямъ можно разрушить и жизнеспособныя части, тѣсно съ ними связанныя. Кромѣ того, есть органы, дѣйствительно необходимые для правильной жизни организма, которыхъ онъ не имѣетъ возможности лишиться даже тогда, когда они вредятъ ему. Многія соотношенія, напримѣръ, не дурны сами по себѣ и становятся таковыми только въ своихъ крайностяхъ. До извѣстной степени онѣ законны и необходимы; переступивъ же границу, они становятся не только безполезными, но и преступными. Лѣченіе, приноровленное къ этимъ и подобнымъ случаямъ, состоитъ въ ограничиваніи. Примѣненіе этого средства, надо признаться, требуетъ очень умѣлой руки. Кромѣ того это искусство, которому нельзя научить. А между тѣмъ, если оно не усваивается всѣми, желающими вести христіанскую жизнь, то это не отъ недостатка въ упражненіи, потому что, какъ мы сейчасъ увидимъ, рѣдкія вещи требуютъ отъ христіанина такого частаго упражненія. Въ средѣ, насъ окружающей, есть безчисленное множество такого, поддерживать и даже развивать соотношеніе съ чѣмъ вполнѣ законно, но отъ чего въ концѣ концовъ лучше отказаться. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обстоятельства складываются такъ, что мы должны охотно ограничить кругъ нашихъ законныхъ удовольствій, до такой степени настоятельны могутъ быть нужды другихъ людей. Или же, наконецъ, требованія могутъ предъявляться не другими людьми, а исходить изъ болѣе высокаго источника. Духовная жизнь человѣка состоитъ въ многочисленныхъ и полныхъ соотношеніяхъ съ Богомъ. Для развитія этихъ соотношеній можетъ быть необходимо уединить ихъ, отдѣлить отъ другихъ соотношеній, замкнуться

съ ними. Во многихъ случаяхъ ограниченіе естественной жизни есть необходимое условіе полнаго торжества жизни духовной.

На этомъ-то началѣ зиждется истинная мудрость самоотверженія. Ни отъ кого не требуется жизни, полной самоотреченій, во имя только самоотреченія, но для достиженія награды, которую не легко иногда увидѣть, но которая всегда дѣйствительна и соразмѣрна заслугѣ. Въ практической религіи нѣтъ, можетъ быть, истины, которая бы болѣе этой упускалась изъ виду. Мы, такъ или иначе, поддерживаемъ длящееся противодѣйствіе заповѣди самоотреченія, какъ будто наша природа, обстоятельства и наша совѣсть поступаютъ съ нами сурово, налагая на него ежедневный крестъ. Но не ясно ли вообще, что самоотверженная жизнь—жизнь наиболѣе содержательная, и чѣмъ больше отрѣшенія отъ узкой жизни, тѣмъ она полнѣе. Не ясно ли, что тутъ обмѣнъ, и обмѣнъ, всѣ преимущества котораго на нашей сторонѣ. Мы отказываемся отъ соотношеній, въ которыхъ мало жизни, чтобы наслаждаться соотношеніями, въ которыхъ—полнота жизни. Что же происходитъ, если мы пожертвуемъ сотней этихъ соотношеній? Мы очистимъ мѣсто для остального обширнаго міра ихъ. Поученіе о жертвѣ, т. е. ограниченіи, требуетъ сосредоточенности. Оно говоритъ намъ: Не портите, во первыхъ, вашей жизни недостойными и ничтожными соотношеніями и, если она разовьется дѣйствительно пышно и богато, остерегайтесь подмѣшивать къ вѣчнымъ ея качествамъ что-нибудь земное. Сосредоточьтесь на немногихъ великихъ соотношеніяхъ и до самой смерти боритесь противъ жестокихъ возмущеній, производимыхъ въ нашей жизни постоянными мелочами. Вотъ условія, необходимыя для того, чтобы наслаждатся наиболѣе возвышенной и счастливой жизнью. Только ограниченіе можетъ обозпечить безграничное.

Страданіе, которое навлекаютъ на себя люди, уклоняясь отъ жертвы, заключается въ томъ, что они достигаютъ меньшаго блага вмѣсто большаго. Наказаніе за грѣхъ тѣсно связано съ самимъ грѣхомъ. Отказываясь отъ самоотреченія, мы неизбѣжно остаемся при своемъ не самоотвержимомъ „я“. Когда будутъ подводиться итоги жизни, въ нихъ будетъ преобладать личное, себялюбивое я. Заповѣдь жизни имѣла цѣлью уничтожить это себялюбивое я, но такъ какъ мы уклонились отъ этой заповѣди, а мы всѣ до извѣстной степени имѣемъ возможность, которою часто и пользуемся, идти кратчайшимъ путемъ по узкой тропинкѣ—то цѣль этого правила не была достигнута, и душа осталась въ убыткѣ. Стараясь пріобрѣсти жизнь, она въ дѣйствительности потеряла ее. Это-то и подразумѣвалъ Христосъ, говоря: „Любящій жизнь свою погубитъ ее, а ненавидящій жизнь свою въ мірѣ семъ,

сохранитъ ее въ жизнь вѣчную“. Почему Христосъ говоритъ: „Ненавидьте жизнь свою“? Хочетъ ли онъ этимъ сказать, что жизнь есть грѣхъ?—Нѣтъ, жизнь не грѣхъ, а между тѣмъ онъ говоритъ, что нужно ее ненавидѣть. Но намъ нужно жить. Почему же должны мы ненавидѣть то, что должны дѣлать? Нѣтъ, жизнь—не грѣхъ, но любовь къ жизни по своему ея опредѣленію можетъ быть грѣхомъ. А лучшее средство не любить жизни состоитъ въ томъ, чтобы ненавидѣть ее. Но развѣ грѣхъ любить жизнь? Не грѣхъ собственно, но заблужденіе. Грѣшно любить нѣкоторую жизнь и ошибочно остальную, потому что любовь эта—потеря. Все посвященное ей потеряно. Христосъ не говоритъ, что дурно любить жизнь, онъ говоритъ только: это потеря. Каждый обладаетъ только извѣстнымъ количествомъ жизни, времени, вниманія, количествомъ, опредѣленнымъ и измѣреннымъ. Если онъ отдаетъ хоть какую-нибудь часть этой жизни, это будетъ потеря. Вотъ почему Христосъ говоритъ: Ненавидьте жизнь, ограничивайте ее, иначе вы похищаете эту любовь у чего нибудь болѣе достойнаго ея.

Но это не относится ко всякой жизни. Только жизнь грѣховную въ этомъ мірѣ нужно ненавидѣть, потому что такая жизнь въ этомъ мірѣ требуетъ и соотвѣтствія съ этимъ міромъ. Подъ этимъ можетъ подразумѣваться не только преслѣдованіе свѣтскихъ удовольствій или посѣщеніе свѣтскихъ кружковъ, а и нѣчто другое: молчаливая уступчивость общественному мнѣнію, невольное низведеніе вѣры до уровня окружающей насъ свѣтской религіозности; глупое сопротивленіе нѣжнымъ порывамъ души къ болѣе высокому служенію изъ равнодушія къ широтѣ или изъ боязни смѣшного. Это и подобныя этому вещи Христосъ велитъ намъ ненавидѣть. Потому что это составляетъ саму сущность мірской жизни. „Кто любитъ міръ (въ этомъ же смыслѣ), въ томъ нѣтъ любви Отчей“.

Есть два пути ненавидѣть жизнь, истинный и ложный. Нѣкоторые люди ненавидятъ жизнь потому, что она ихъ ненавидитъ. Они разсмотрѣли ее насквозь и она отвернулась отъ нихъ. Они испили ее и дошли до дна; вотъ почему они ненавидятъ ее. Это одно изъ средствъ, благодаря которому тотъ, кто любитъ жизнь, буквально теряетъ ее. Онъ любитъ, пока не потерялъ ее, а потомъ онъ ее ненавидитъ потому, что она насмѣялась надъ нимъ. Другой путь есть путь вѣры. Человѣкъ по благочестивымъ причинамъ рѣшается преднамѣренно дойти до постоянной ненависти къ жизни. Никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Нерадѣть о другомъ значитъ ненавидѣть жизнь, ограничивать ее. Это не человѣконенавидѣніе, а христіанство.

Эта заповѣдь, какъ было сказано, заключаетъ въ себѣ истинную мудрость самоотреченія. Въ ней же содержится и тайна, при помощи которой легко можно нести крестъ самоотреченія. Подъ обычнымъ пониманіемъ самоотреченія разумѣется то, что множество вещей, изъ которыхъ складывается жизнь, должны быть насильственно отброшены при самомъ ихъ появленіи.

Это искушенія, которыя должны быть тотчасъ же подавлены трудомъ и усиліемъ.

Итакъ жизнь становится постояннымъ и тягостнымъ уничтоженіемъ вещей, которыя мы любимъ, какъ свою правую руку. Но теперь предположимъ, что кто-нибудь пробуетъ смѣло возненавидѣть эти вещи. Предположимъ, что мы приняли твердое рѣшеніе относительно вещей, изъ которыхъ впредь должна составиться наша жизнь. Предположимъ, что мы намѣчаемъ данное пространство изъ нашей среды и разъ навсегда рѣшаемъ, окружить это пространство нравственно неприступной стѣной, что наши соотношенія не перейдутъ этой границы. Дѣйствительно, нѣкоторымъ покажется, что мы живемъ болѣе скудной жизнью; они видятъ только нашу ограниченную среду и называютъ насъ узкими, потому что пространство узко. Но цѣлесообразно устроенная эта ограниченная жизнь была бы въ дѣйствительности наиболѣе полною жизнью; она была бы богата высшими и достойнѣйшими соотношеніями и бѣдна низкими и ничтожными соотношеніями. Духовная, хорошо поставленная жизнь есть не только наивысшая, но и самая легкая жизнь. Цѣлый крестъ легче нести, чѣмъ половину его. Человѣкъ же, старающійся взять наилучшее изъ обоихъ міровъ, не получаетъ ничего ни отъ того, ни отъ другого. И тотъ, кто желаетъ служить двумъ господамъ, лишается благодарности обоихъ. Но тотъ, кто занялъ свое мѣсто и обвелъ вокругъ своей духовной жизни рѣзкую и глубокую черту, опредѣливъ, что все находящееся за этою чертой навсегда ему запрещено, тотъ находитъ, что иго его благо и бремя его легко. Потому что эта запрещенная среда становится для него какъ бы несуществующей. Его способности, лишаясь своихъ соотношеній, теряютъ мало помалу свою чувствительность. А утѣшеніе смерти, притупляя его низшую природу, подготовляетъ его къ общенію съ болѣе высокой жизнью, и эта „смерть есть побѣда“.

Л. П. Никифоровъ.

(Продолженіе будетъ).

Перстень.

(Поволжская бывальщина.)

Загорѣлась рѣка отъ холодныхъ лучей,
Отъ холодныхъ лучей блѣднолицей луны;
Смотритъ-воззрилась ночь взоромъ звѣздныхъ очей
На песчаное дно, гдѣ лежатъ валуны...

Посреди валуновъ, утопая въ пескѣ,
Зóлотъ-перстень блеститъ; въ немъ алмазъ-самоцвѣтъ;
Красовался-горѣлъ онъ на бѣлой рукѣ,
Да прошло съ той поры, много минуло лѣтъ...

Тайны крѣпко хранятся въ рѣчной глубинѣ,
Да не всякую тайну схоронишь навѣкъ:
Говорлива бываетъ волна по веснѣ,
А подслушать гораздъ и волну человѣкъ!..

По народу—окрестъ ходитъ-бродитъ разсказъ,—
Что въ забытые дни стародавнихъ времёнъ
Здѣсь былъ лѣсъ, а въ лѣсу хоронился отъ глазъ
Воровской городокъ—молодецкій притонъ...

Налетали на Волгу, за лѣсъ, удальцы;
Далекó заводилъ ихъ орелъ-атаманъ...
Натерпѣлись отъ кречетовъ вольныхъ купцы,—
Рѣдкій—мимо ихъ рукъ проплывалъ караванъ!..

А съ налёта—на станъ возвращались они;
Тамъ дѣлили дувáнъ, зарывали казну;
Тамъ—свои коротали веселые дни,
Заливая виномъ добытую вину...

Съ гнѣздъ однажды снялись разудалые прочь,—
Полетали за лѣсомъ, слетѣлись опять:
Смѣхъ-веселье у всѣхъ; только тёменъ, что ночь,
Атаманъ: онъ привезъ небывалую кладь!..

Изъ добычи несмѣтной онъ взялъ—лишь её:
Злата, жемчуга, тканей персидскихъ не жаль,—
Всё смѣнялъ на одну; развѣ горе свое
Взялъ въ придачу, да лютую думу-печаль!..

Грѣхъ таить,—не въ примѣръ дорога кладь была:
И не видывалъ станъ краше этой красы,—
И статна, и пышна, и румяна-бѣла,
И чернѣли, что смоль, двѣ змѣи—двѣ косы...

Зазнобила-зажгла молодецкую кровь:
Пить не пьетъ, ѣсть не ѣстъ, спитъ и видитъ во снѣ!
У лихихъ—атамана отбила любовь
Къ полонянкѣ-красѣ, къ чужемужней женѣ...

Ночь-полночь, атаманъ—черной ночки темнѣй,
Бѣлый день, атаману—свѣтъ ясный не милъ...
На запорѣ сидитъ, хороводится съ ней,
А склонить на любовь вольной волей—нѣтъ силъ!..

Не сдаётся на ласку, пыталъ и грозитъ,—
Не берутъ и угрозы:—«Въ твоихъ я рукахъ,
«Да убей ты, зарѣжь—не заставишь любить,
«Коль жена я другому!..» И пламя въ очахъ...

«Ой, со мной не шути!.. Силой, слышь ты, возьму!..»
Анъ не взять,—понапрасному тратитъ слова!
А люба; да вѣдь такъ полюбилась ему,
Что отъ думъ тяжела на плечахъ голова...

Не слыхать про наѣзды... Заржавѣетъ мечъ
Въ золочёныхъ ножнахъ у него на боку...
Борзый конь позабудетъ, какъ духомъ изъ сѣчъ
Выносилъ атамана на полномъ скаку...

Заскучали по крови давно молодцы,
Отлежали бока на тиснёной кошмѣ;
А лежать не охочи совсѣмъ удальцы,
И не роздыхъ, не сонъ у лихихъ на умѣ!..

Время шло... зашумѣлъ весь притонъ воровской...
До ушей атамана молва донеслась:
«Ужъ не сиднемъ-ли сталъ онъ за бабьей спиной?
«Али больно, знать, по̀ сердцу ласка пришлась?!.

«Баба, мы-ли,—одно что ни есть,—выбирай!..»
Слышитъ молвь удалой... А краса:—«Отпусти!
«Отпусти, аль убей!.. Не круши, не терзай!..»
—«Отпустить?!. Нѣту, нѣтъ!.. Удаль-воля, прости!.

«Эхъ, прости ты, прощай, удалое житьё!..
«Нѣтъ!.. Коль ласки ужъ мнѣ не извѣдать твоей,
«Такъ никто отъ меня не дождётся её,
«Такъ никто-жъ и твоихъ не увидитъ очей!..»

Взялъ онъ, на руки поднялъ её со скамьи,—
Вышелъ за́ дверь, да вмѣстѣ—съ обрыва, въ рѣку...
Только ночь, да луна услѣдить и могли,—
Гдѣ любовь атаманъ схоронилъ, гдѣ тоску!..

Крѣпко обнялъ лихой полонянку-красу,
Крѣпче-жарче впился поцѣлуемъ въ уста;
Не застигъ ихъ никто въ сыръ-дремучемъ лѣсу,—
Тайну крѣпко хранили глухія мѣста!..

Много-ль, мало-ли времени-вѣку прошло,—
Подняла ихъ со дна прибылая вода;
По теченью тѣла́ далеко́ унесло,
Гдѣ имъ пристань нашлась—не узнать никогда...

А съ руки у красавицы, съ бѣлой, упалъ
Золотой перстенёкъ,—въ нёмъ алмазъ-самоцвѣтъ,—
И упалъ онъ въ песокъ, и въ пескѣ пролежалъ
Вплоть до нашей поры—много дней, много лѣтъ...

Аполлонъ Коринфскій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Наши тарифы.

Въ № 23 „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли" какой-то неизвѣстный авторъ приложилъ много труда для разбора моего доклада, сдѣланнаго 11-го марта сего 1895 года III-му Отдѣленію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества „О роли желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ сельско-хозяйственномъ кризисѣ" и напечатаннаго въ „Трудахъ" Общества и отдѣльными оттисками.

Въ длиннѣйшей, длиннѣе, кажется, моего доклада, статьѣ онъ обрушивается на меня цѣлымъ потокомъ упрековъ и укоровъ, обвиняя меня въ незнаніи тарифовъ, о которыхъ я говорю въ своемъ докладѣ, и для доказательства этого избираетъ весьма странный пріемъ извращенія моихъ словъ и искаженія фактовъ.

Расчленивъ мой докладъ по группамъ грузовъ, о тарифахъ на которые я говорю, а именно: 1) хлѣбные грузы, 2) животныя и продукты животноводства, 3) ввозные грузы и 4) всѣ вообще грузы, обнимаемые дѣйствующимъ тарифомъ желѣзныхъ дорогъ I и II группъ,— авторъ статьи начинаетъ по пунктамъ критиковать или, вѣрнѣе сказать, огульно и пристрастно отрицать справедливость всего сказаннаго мною. Это вовсе не разборъ моего доклада, а только бойкое, переполненное софизмами и самыми безцеремонными искаженіями дѣйствительности, возраженіе на него. Въ виду этого появившаяся безъ подписи статья не заслуживала бы опроверженія, но такъ какъ она помѣщена въ офиціальномъ изданіи и такъ какъ софизмы въ ней прикрыты ссылками на цифры и тарифы, въ которыхъ далеко не всякій можетъ легко разобраться, то я и считаю долгомъ для возстановленія истины дать нѣкоторыя свои объясненія.

По первой статьѣ мой противникъ начинаетъ съ того, что отвергаетъ правильность сказаннаго мною, что *хлѣбные грузы перевозятся у насъ въ вывозномъ сообщеніи несообразно дорого на короткія разстоянія, весьма дорого на среднія и дешево на большія разстоянія,* и въ опроверженіе этого приводитъ нѣсколько тарифныхъ ста-

вокъ изъ моего же доклада за провозъ хлѣбныхъ грузовъ на различныя разстоянія, изъ которыхъ видно, что хлѣбъ везется на 357 верстъ по 9,99 коп. за пудъ или по $^{1}/_{36}$ коп. съ пудо-ведсты, а на 3.057 верстъ по 36,20 коп. за пудъ или по $^{1}/_{84}$ (это ошибка, слѣдуетъ по $^{1}/_{85}$) коп. съ пудо-версты и, замалчивая, что хлѣбъ везется на болѣе короткія разстоянія по $^{1}/_{25}$ коп. съ пудо-версты, дѣлаетъ ни на чемъ не основанный выводъ, что хлѣбъ дешево везется на короткія разстоянія и дорого на длинныя, и что приведенныя мною цифры не подтверждаютъ сдѣланной мною оцѣнки хлѣбныхъ тарифовъ, а, наоборотъ опровергаютъ ее. Развѣ это доказательство или серьезное возраженіе противъ того, что хлѣбъ перевозится дорого на короткія и среднія разстоянія?

Изъ всего сказаннаго моимъ противникомъ на основаніи моихъ же цифръ можно вывести только одно заключеніе, что стоимость провоза хлѣба увеличивается съ увеличеніемъ разстоянія, но не знаю, кому нужно это доказательство, такъ какъ я ничего подобнаго не отвергалъ, и какое это имѣетъ отношеніе къ вопросу о томъ, дорого или дешево перевозится хлѣбъ на извѣстныя разстоянія?

По существующему тарифу въ вывозномъ сообщеніи хлѣбъ перевозится повагонно на разстояніи до 180 верстъ почти по $^{1}/_{25}$ коп. съ пудо-версты, что составляетъ за это разстояніе 45 руб. съ вагона или 7,38 коп. за пудъ, попудно же по $7^{1}/_{2}$ коп. за пудъ. Этотъ тарифъ болѣе чѣмъ несообразно дорогъ, такъ какъ при хорошемъ состояніи грунтовыхъ дорогъ, въ мало-мальски свободное отъ полевыхъ работъ время, даже теперь, когда извозный промыселъ значительно упалъ, гужевая доставка обойдется дешевле, и въ доказательство этого можно привести слѣдующую выдержку изъ работы, составленной въ 1890 году А. И. Чупровымъ и М. І. Мусницкимъ для коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. фонъ-Плеве, озаглавленной „Упорядоченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ“ (стр. 26): „хлѣбные грузы до сихъ поръ направляются гужемъ къ Сызрани, Саратову и др. пристанямъ за 100—150 в. параллельно желѣзнымъ дорогамъ, уменьшая доходность послѣднихъ. Замѣтимъ кстати, что вообще, благодаря нынѣ дѣйствующимъ тарифнымъ порядкамъ, гужевая доставка грузовъ въ обходъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ нерѣдкое явленіе. Въ районахъ дорогъ Оренбургской, Моршано-Сызранской, Саратовской, Царицынской, Козлово-Воронежско-Ростовской и др. указывается не мало случаевъ движенія гужевыхъ транспортовъ на протяженіи 100 и болѣе верстъ параллельно желѣзнымъ дорогамъ“. Нужно замѣтить, что это писалось еще тогда, когда провозъ хлѣба на короткія разстоянія обходился дешевле, чѣмъ теперь, когда онъ сталъ съ 1 августа 1893 года

дороже на 2 руб. 28 коп. съ вагона, вслѣдствіе повышенія на эту сумму дополнительныхъ сборовъ. Вообще теперь очень часто можно встрѣтить въ газетахъ извѣстія, что параллельно желѣзнодорожной линіи (въ особенности къ Одессѣ) тянутся почти непрерывно обозы съ хлѣбомъ. Это совершенно понятно, если принять во вниманіе, что этотъ непомѣрно дорогой тарифъ долженъ быть еще увеличенъ на стоимость: 1) подвоза и сдачи хлѣба на станцію, 2) дополнительныхъ сборовъ въ 1,03 коп. съ пуда и 3) доставки до складовъ или гаваней по вѣтвямъ въ пограничныхъ мѣстахъ, а все это составитъ не менѣе 4 коп. на пудъ расходовъ, которыхъ при гужевой доставкѣ не бываетъ. Такимъ образомъ доставка обходится не въ $^1/_{25}$, а не менѣе, чѣмъ въ $^1/_{16}$ коп. съ пудоверсты!

Возвращаясь къ разсматриваемому тарифу въ 45 руб. за провозъ вагона хлѣба на разстояніе 180 верстъ, нельзя не признать его исключительно высокимъ даже среди тарифныхъ ставокъ нашего общаго тарифа I и II группъ желѣзныхъ дорогъ. Для этого необходимо прибѣгнуть къ ненавистнымъ моему противнику сравненіямъ. Къ прискорбію его, я долженъ ему напомнить, что вещи лучше всего познаются чрезъ сравненія, а въ данномъ случаѣ оцѣнка размѣра провозной платы можетъ быть произведена исключительно способомъ сравненій. Что касается избитой фразы, высказанной имъ, что въ тарифахъ Comparaison n'est pas raison, то она именно въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла, тѣмъ болѣе, что въ моемъ докладѣ я сравниваю устанавливаемыя произвольно провозныя платы на разные грузы, то есть, вещи однородныя, сравнимыя, а не несравнимыя.

Напротивъ, эти сравненія пріобрѣтаютъ особое значеніе и цѣну въ виду заявленія моего противника, что наши тарифныя ставки вообще охотно понижаются по просьбамъ заинтересованныхъ лицъ.

Почти за тождественную повагонную плату въ 45 руб. 75 коп. на то же разстояніе въ 180 верстъ по тарифу I и II группъ перевозятся слѣдующіе предметы: билліарды (стоимостью до 1.000 руб. каждый) гнутая буковая мебель въ собранномъ и разобранномъ видѣ, всякая мебель вообще, всякіе умывальники въ собранномъ и разобранномъ видѣ (для этихъ грузовъ допускается и сборная отправка), паровыя пожарныя трубы (стоющія тысячи рублей), тминъ, анисъ, сѣмена древесныя (продаваемыя на фунты весьма дорого), сандалъ (продаваемый на золотники и лоты), канареечное сѣмя и т. п. товары, довольно цѣнные и далеко не представляющіе изъ себя предметовъ первой необходимости.

Классъ или дифференціалъ.	НАИМЕНОВАНІЯ ПРЕДМЕТОВЪ.	Стоимость провоза на 180 верстъ.		
		Повагонно.		Попудно.
		руб.	коп.	коп.
	Хлѣбные грузы при вывозѣ	45	—	7,50
	Выжимки масличныхъ растеній при вывозѣ	45	—	7,50
	Масличныя сѣмена при вывозѣ	45	—	7,50
	Хлѣбные грузы во внутреннемъ сообщеніи	32	40	7,50
№ 14.	Подковы	42	70	7,00
VI.	Конскіе галеты	36	60	6,00
№17 и VI.	Арбузы и дыни	36	60	6,00
№ 16.	Посуда стеклянная столовая и лабораторная.	34	16	—
№ 23.	Мякоть кокосовыхъ орѣховъ (копра)	30	50	—
VIII.	Рѣшета проволочныя и сита волосяныя	27	45	—
VIII.	Солодковый корень	27	45	—
VIII и VI.	Артишоки, земляныя груши, помедоры, спаржа, томаты и т. п.	27	45	6,00
IX.	Составы огнеупорные и огнегасительные.	24	40	4,00
X и VIII.	Выжимки кокосовыя.	16	89	4,50
№ 31 и X.	Туки землеудобрительные	16	89	2,77
№ 27.	Клей гусеничный	14	70	2,41
№ 29.	Ковры и половики кокосовые, изъ камыша, соломы и травы	11	89	—
№ 29.	Корзины и корзинки плетеныя и вообще всякія, кромѣ проволочныхъ	11	89	—
№ 29.	Салфетки камышевыя для сахарныхъ заводовъ	11	89	—
№ 29.	Мебель плетеная изъ камыша и т. п.	11	89	—
№ 29.	Плетеныя издѣлія изъ лозы, стружекъ, соломы, травы, прутьевъ, особо непоименованныя	11	89	—

Но этого еще мало, многіе предметы, гораздо болѣе цѣнные, чѣмъ хлѣбъ, и далеко не имѣющіе того хозяйственнаго значенія въ жизни населенія страны, какъ хлѣбъ, составляющій главный источникъ для оплаты государственныхъ налоговъ, везутся вдвое, втрое и даже почти вчетверо дешевле хлѣба, при чемъ дешевая провозная плата удерживается для нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ даже и при попудной перевозкѣ.

Въ числѣ поименованныхъ предметовъ находятся даже такіе, какъ, напримѣръ, мякоть кокосовыхъ орѣховъ (копра), ввозимая къ намъ исключительно изъ-за границы (преимущественно изъ Англіи) съ цѣлью добыванія кокосоваго масла, которое частью потребляется для поддѣлки деревяннаго масла, а главнымъ образомъ является соперникомъ нашего сала и сѣменныхъ маселъ въ свѣчномъ и мыловаренномъ производствахъ. Давая большіе выходы масла и пользуясь болѣе дешевымъ провозомъ, чѣмъ наши масличныя сѣмена, мякоть кокосовыхъ орѣховъ несомнѣнно представляетъ изъ себя довольно цѣнный предметъ и особенно удобный для ввоза въ страну съ цѣлью возможнаго угнетенія такихъ производствъ, какъ техническая переработка сала и сѣмянныхъ маселъ, то-есть такихъ произведеній сельскаго хозяйства, сокращеніе сбыта которыхъ, разумѣется, отзывается очень вредно на нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Кромѣ того, этимъ пониженнымъ тарифомъ еще въ значительной степени ослабляется вліяніе таможенной пошлины, повышенной, при послѣднемъ пересмотрѣ, до 15 коп. золот. съ пуда съ цѣлью удорожить у насъ кокосовое масло, успѣшно соперничающее съ саломъ отечественнаго производства. Для бо̀льшаго же удешевленія кокосоваго масла еще установленъ особо пониженный тарифъ на перевозку выжимокъ кокосовыхъ, которыя обратно вывозятся за границу, такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ много бѣлковинныхъ веществъ, весьма цѣнныхъ для каждой культурной страны. Вѣроятно, были весьма настоятельныя ходатайства для подобнаго пониженія тарифовъ на мякоть и выжимки кокосовыхъ орѣховъ, потому что пониженіе это совершалось неоднократно и въ значительныхъ размѣрахъ.

По этому вопросу можно привести чрезвычайно любопытную историческую справку.

До 1888 года мякоть кокосовыхъ орѣховъ, или копра, ввозилась къ намъ безпошлинно и перевозилась она по $^1/_{12}$ коп. съ пудо-версты, что составляло, напримѣръ, плату отъ Одессы до Москвы за 1553 версты 1 руб. съ пуда. Для сокращенія размѣра ввоза копры въ Россію циркуляромъ особаго присутствія Министерства Финансовъ отъ 4 мая 1888 года она причислена къ частямъ растеній, обложенныхъ

пошлиной въ 10 коп. золот. съ пуда. Какъ бы въ отвѣтъ на это, въ ввозныхъ тарифахъ, составленныхъ, по словамъ моего противника, „подъ руководствомъ правительственныхъ тарифныхъ учрежденій“ и которые введены были въ дѣйствіе съ 20 декабря 1890 года, плата за провозъ копры была понижена на разстояніе отъ Одессы до Москвы до 38,81 коп. или на 61,19 коп. съ пуда. Когда привозъ копры принялъ столь значительные размѣры, что вредное вліяніе ея для русскаго сельскаго хозяйства сдѣлалось нетерпимымъ, то Министерство Финансовъ по Департаменту Торговли и Мануфактуръ вошло съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ въ 1891 году объ увеличеніи пошлины на копру еще на 5 коп. золот. съ пуда, что было уважено, и по Высочайше утвержденному 11 іюня 1891 года общему таможенному тарифу копра была обложена пошлиной по 15 коп. золот. съ пуда. 5 декабря 1892 года былъ обнародованъ Департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ Министерства Финансовъ тарифъ на перевозку товаровъ въ прямомъ сообщеніи желѣзныхъ дорогъ III группы, въ которомъ попудная плата за провозъ копры во внутреннемъ сообщеніи понижается до IV класса или до $^1/_{18}$ коп. съ пудо-версты. Въ общемъ тарифѣ I и II группъ, введенномъ въ дѣйствіе съ 1-го октября 1893 года, провозъ копры попудно по IV классу распространяется на всѣ дороги, а вслѣдъ затѣмъ вводится впервые повагонная перевозка копры по дифференціалу № 23, который начинается съ платы по VII классу, или по $^1/_{36}$ коп. съ пудо-версты, а затѣмъ переходитъ въ X классъ, или $^1/_{65}$ коп. съ пудо-версты, вслѣдствіе чего плата по этому тарифу во внутреннемъ сообщеніи отъ Одессы до Москвы понижается до 23,89 коп. съ пуда. Наконецъ въ новомъ ввозномъ тарифѣ, обнародованномъ Департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ Министерства Финансовъ и вступившемъ въ дѣйствіе съ 20 декабря 1894 года, плата за провозъ копры отъ Одессы до Москвы понижается еще до 21,55 коп. съ пуда.

Такимъ образомъ, всѣ хлопоты и труды Министерства Финансовъ по Департаменту Торговли и Мануфактуръ, чтобы какъ-нибудь оградить русское сельское хозяйство обложеніемъ копры пошлиною въ 15 коп. золот., къ прискорбію, не только не увѣнчались успѣхомъ, но даже получилось совершенно неожиданно положеніе, прямо противоположное цѣли этого обложенія, потому что какимъ-то, вѣроятно, чудомъ, которое я предоставляю объяснить автору возраженія, копра въ то же время получила черезъ Департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ того же Министерства Финансовъ пониженіе провозной платы, напримѣръ, при разстояніи Одесса—Москва на 78,45 коп. кредитн., что составляетъ

сравнительно съ прошлымъ, за вычетомъ пошлины, премію около 55 коп. на пудъ за ввозъ ее въ Россію.

Если къ этому еще добавить, что вывозъ кокосовыхъ выжимокъ удешевленъ за время съ 1892 года по сей день съ $^1/_{30}$ коп. съ пудоверсты до $^1/_{65}$ коп. съ пудо-версты, то нечего и удивляться быстрому развитію ввоза къ намъ копры, или мякоти кокосовыхъ орѣховъ, и остается лишь скорбѣть о той неудачѣ, которую потерпѣло Министерство Финансовъ по Департаменту Торговли и Мануфактуръ въ своихъ благихъ намѣреніяхъ поддержать своихъ главныхъ плательщиковъ—сельское населеніе Россіи.

Далѣе мы встрѣчаемся съ совсѣмъ пониженными какъ повагонными, такъ и попудными тарифами на артишоки, спаржу, земляныя груши, помидоры, томаты и т. п. предметы исключительно роскоши и гастрономіи. Но для насъ совершенно непонятны тѣ основанія, по которымъ за провозъ этихъ гастрономическихъ яствъ слѣдуетъ брать дешевле, чѣмъ за перевозку хлѣба даже во внутреннемъ сообщеніи, за которую какъ будто можно брать какую угодно плату потому, что ее волей-неволей будетъ платить голодный, а при вывозѣ хлѣба эта провозная плата пойдетъ изъ кармана земледѣльца, вынужденнаго хотя бы за безцѣнокъ продать свой хлѣбъ для уплаты повинностей.

Я всегда приписывалъ подобныя тарифныя недоразумѣнія недосмотру, ошибкѣ и т. п. причинамъ и охотнѣе этому вѣрю, чѣмъ высказанному въ высшей степени авторитетнымъ тономъ свидѣтельству моего противника, что все это дѣлается тарифными учрежденіями послѣ всесторонняго обсужденія вопроса. Я думаю, что въ этомъ случаѣ мой противникъ, ради возможности авторитетно возразить, не постѣснился даже оклеветать цѣлое учрежденіе.

Изъ приведенныхъ данныхъ, мнѣ кажется, нельзя не убѣдиться въ томъ, что на короткія разстоянія до 180 верстъ, хлѣбъ перевозится дѣйствительно ни съ чѣмъ несообразно дорого.

Далѣе, за перевозку хлѣба вагонами на разстояніе отъ 180 до 980 верстъ взимается по 9 коп. съ вагона или почти $^1/_{68}$ коп. съ пудоверсты, то-есть—въ $2^2/_3$ раза болѣе дешевая пудоверстная ставка, чѣмъ была на разстояніе до 180 верстъ. Но эта плата въ 9 коп. съ вагоноверсты хотя значительно понижена, но въ общей сложности съ платой, взимаемой за разстояніе до 180 верстъ, все-таки настолько дорога, что въ настоящее время мало соотвѣтствуетъ цѣнности хлѣба и значенію этого груза въ государственномъ хозяйствѣ.

На первые десятки и даже сотни верстъ, съ начала ея дѣйствія, пониженіе провозной платы проявляется въ совершенно ничтожной степени; такъ, напримѣръ, на 300 верстъ она составитъ за первыя 180 верстъ 45 руб., а за остальныя 120 верстъ 10 руб. 80 коп., а всего 55 руб. 80 коп., то-есть по 9,15 коп. за пудъ или $^1/_{33}$ коп. съ пудоверсты; но если къ этому прибавить дополнительные сборы и накладные расходы, то окажется, что доставка хлѣба обойдется не дешевле $^1/_{23}$ коп. съ пудоверсты, что далеко не можетъ удовлетворять мѣстное земледѣльческое населеніе, такъ какъ въ былыя времена, когда существовала удовлетворительная организація извознаго промысла, стоимость гужевой перевозки грузовъ составляла около $^1/_{20}$ коп. [1]) съ пуда и версты, а слѣдовательно населеніе съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ ничего не выиграло, а только потеряло заработки отъ извознаго промысла и еще равную сумму отдаетъ желѣзнымъ дорогамъ за провозъ ихъ грузовъ, да кромѣ того, еще приплачиваетъ милліоны по гарантіямъ, вѣроятно, только за честь имѣть желѣзныя дороги, пользованіе которыми или недоступно или же убыточно. Въ этомъ случаѣ гораздо болѣе умѣстно вспомнить о нуждахъ населенія, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣлаетъ это мой противникъ, и задать вопросъ: за что населеніе всей трехсотверстной пограничной полосы несло и несетъ всѣ тяготы по постройкѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ при столь разорительныхъ условіяхъ пользованія ими для передвиженія главныхъ своихъ грузовъ?

Далѣе, до 980 верстъ пудоверстная ставка понемногу понижается и на 980 верстѣ доходитъ до $^1/_{51}$ коп. съ пудоверсты. Хотя отправители хлѣба съ этого разстоянія пользуются общей вдвое болѣе дешевой пудоверстной ставкой, чѣмъ такіе же отправители съ разстоянія до 180 верстъ, но тѣмъ не менѣе ставка эта высока настолько, что плата за провозъ пуда хлѣба доходитъ до 19, 18 коп., что, при современномъ пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ, является совершенно разорительнымъ для сельскихъ хозяевъ.

Въ теченіе почти двухъ послѣднихъ лѣтъ цѣны на хлѣба въ нашихъ главныхъ мѣстахъ отправленія, черноморскихъ, азовскихъ и балтійскихъ портахъ, нерѣдко стояли отъ 40 до 50 коп. за пудъ, а на ячмень и овесъ цѣны падали даже до 26—27 коп. [2]) за пудъ. При

---

[1]) Докладъ предсѣдателя Высочайше учрежденной въ 1888 году комиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія въ пятилѣтіе 1883—1887 гг., стран. 59.

[2]) Цѣны изъ офиціальныхъ таблицъ, издаваемыхъ Департаментомъ торговли и мануфактуръ.

этихъ цѣнахъ, если заплатить за провозъ 19, 18 коп. да къ этому прибавить дополнительные сборы, стоимость доставки хлѣба до станціи, мѣшки, коммиссіонные расходы и барышъ торговца, то хозяину, производителю хлѣба, остается лишь одно доброе слово, вмѣсто денегъ, которыя пойдутъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ, но зато онъ долженъ будетъ исправно и не добрымъ словомъ, а деньгами оплатить всѣ повинности, проценты въ банкъ, если земля заложена, заплатить аренду, заплатить рабочимъ и вообще покрыть не мало всякихъ расходовъ да еще и самому прожить съ семьей. Такія мысли едва ли приходили когда-либо въ голову моему противнику, а между тѣмъ, совѣтую ему подумать надъ этимъ и не увѣрять голословно, что ставка въ $^1/_{36}$ или $^1/_{50}$ чрезвычайно низка для провоза хлѣба. Это его воображеніе, а дѣйствительность говоритъ совсѣмъ другое.

Несомнѣнно, что мнѣ гораздо непріятнѣе и тяжелѣе говорить о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, чѣмъ моему критику, потому что примѣненіе весьма многихъ изъ нихъ я вынесъ на собственныхъ плечахъ и поплатился за это имущественно, но именно, только насладившись этими примѣненіями тарифовъ вполнѣ, можно было добровольно посвятить года, какъ я это сдѣлалъ, на изученіе всей нашей тарифной абракадабры съ цѣлью опредѣленія, наконецъ, тѣхъ основаній, которыми руководствуются для столь страннаго направленія этого обще-экономическаго и даже государственной важности вопроса.

Можетъ ли какой бы то ни было сельскій хозяинъ говорить хладнокровно о томъ, напримѣръ, что въ настоящее время мякоть кокосовыхъ орѣховъ (копра), стоющая гораздо дороже хлѣба и распространеніе которой по Россіи по дешевой цѣнѣ признано Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта вреднымъ для сельскаго хозяйства страны, перевозится повагонно на разстояніе 980 верстъ по 17, 97 коп. за пудъ, а хлѣбъ, какъ во внутреннемъ, такъ и въ вывозномъ сообщеніяхъ, по 19, 18 коп. за пудъ, масляничныя же сѣмена по 21, 15 коп. за пудъ или на 19 руб. 38 коп. дороже копры съ вагона.

Еще возмутительнѣе то, что если сельскій хозяинъ хочетъ послать или купить за 980 верстъ, какъ это часто случается, для обмѣна сѣмянъ хлѣбъ въ количествѣ меньшемъ 610 пудовъ, то долженъ заплатить или за весь вагонъ или же попудно по 34, 71 коп. за пудъ, а если понадобятся для параднаго обѣда или для какого нибудь ресторатора артишоки, цвѣтная капуста, спаржа и т. п. предметы лакомства то за провозъ ихъ на 980 верстъ придется уплатить лишь по 27, 77 коп. съ пуда.

Это называется дешевый хлѣбный тарифъ!

Наконецъ, за разстояніе, начиная отъ 980 верстъ и далѣе за провозъ хлѣбныхъ грузовъ повагонно взимается по 5 коп. съ вагона, или $^{1}|_{122}$ коп. съ пудо-версты, то-есть ровно въ 5 разъ дешевле везется хлѣбъ въ этомъ поясѣ, чѣмъ въ первомъ, на разстояніи отъ 1 до 180 верстъ, гдѣ платится по 25 коп. съ вагона, или почти $^{1}|_{25}$ коп. съ пудоверсты.

Противъ этого мой критикъ съ жаромъ возражаетъ и обвиняетъ меня въ незнакомствѣ съ тарифными разсчетами и въ непониманіи ихъ. Но въ этомъ я вижу нѣкоторую пристрасность и, мнѣ кажется, что именно мое знаніе и пониманіе всѣхъ этихъ тарифныхъ разсчетовъ смущаетъ и злитъ моего противника.

Мнѣ какъ-то даже странно, что мой противникъ во всемъ своемъ возраженіи всѣми силами старается убѣдить какъ меня, такъ и всѣхъ читателей въ томъ, что при обсужденіи тарифовъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ вдаваться въ какія-либо сравненія, ни тѣмъ болѣе въ изслѣдованіе происхожденія какой-либо тарифной ставки, а исключительно брать провозную плату на извѣстный предметъ на какое-либо разстояніе и доказывать, но опять-таки не относительную, не сравнительную, а безусловную ея дороговизну или дешевизну или вообще ея неудовлетворительность. Это самый лучшій способъ для отклоненія всякой возможности какого-либо основательнаго доказательства, такъ какъ въ отдѣльности взятая стоимость провоза груза на какое-либо разстояніе собственно сама по себѣ ровно ничего не говоритъ о возможномъ и даже должномъ размѣрѣ этой платы.

Древніе авгуры безъ смѣха не могли встрѣчать другъ друга и никого не допускали познать и проникнуть тайны ихъ святилищъ. Мой противникъ также ни за что не соглашается на обсужденіе ни основаній тарифныхъ ставокъ, ни самой системы тарифныхъ разсчетовъ, мнѣ кажется,—потому только, что если эти сокровенныя святилища тарифнаго дѣла сдѣлаются достояніемъ всѣхъ, то нельзя будетъ не возбуждая всеобщаго смѣха: опровергать неопровержимыя истины, какъ это дѣлаетъ мой критикъ.

Обращаясь къ общей попудоверстной платѣ за провозъ хлѣба на разстоянія, превышающія 980 верстъ, мы видимъ довольно быстрое ея пониженіе вслѣдствіе того, что за пробѣгъ каждой версты взимается лишь $^{1}/_{122}$ коп. съ пуда, такъ что, напримѣръ, на 1500 верстъ провозъ хлѣба обходится всего по $^{1}/_{73}$ коп. съ пудоверсты, на 2170 верстъ $^{1}/_{75}$ съ пудоверсты или втрое дешевле, чѣмъ при перевозкѣ на 180 верстъ; наконецъ, на разстояніи 3347 верстъ, то-есть, примѣрно, отъ

Челябинска до Александрова, провозная плата уменьшается до $^1/_{87}$ коп. съ пудоверсты, или въ три съ половиною раза, противъ провозной платы за разстояніе до 180 верстъ, когда взимается почти по $^1/_{25}$ коп. съ пудоверсты. Противъ этого разсчета тоже возражаетъ мой противникъ, но, кажется, трудно спорить противъ того, что $^1/_{87}$ въ три съ половиною раза (или, какъ я выразился, „почти вчетверо") меньше $^1/_{25}$.

Вообще всѣ возраженія моего противника до крайности туманны и запутаны, тогда какъ для провѣрки моихъ цифръ нужно лишь четыре дѣйствія ариѳметики.

Что касается абсолютной стоимости перевозки хлѣбныхъ грузовъ, то она съ разстоянія въ 980 верстъ, хотя медленно. потому что прибавляется только 1 копѣйка за каждыя пройденныя 122 версты, но всетаки увеличивается, доходя при разстояніи въ 1500 верстъ до 23, 44 к., при разстояніи въ 2170 верстъ до 28, 93 коп. и при разстояніи въ 3347 верстъ до 38, 58 коп. съ пуда.

Но раньше, чѣмъ перейти къ обсужденію размѣровъ провозной платы, я вернусь нѣсколько назадъ къ ставкѣ въ $^1/_{122}$ съ пудоверсты, по которой везутся хлѣбные грузы на разстоянія, превышающія 980 верстъ, чтобы отвѣтить моему противнику, который въ своемъ возраженіи отвергаетъ даже существованіе въ тарифахъ ставки въ $^1/_{122}$ коп. съ пудо-версты, хотя самъ тутъ-же, обвиняя меня, въ не пониманіи тарифныхъ разсчетовъ, подтверждаетъ, что хлѣбъ на разстоянія свыше 980 верстъ дѣйствительно перевозится по $^1/_{122}$ коп. съ пудо-версты, но въ общей сложности при перевозкѣ хлѣба на 3057 верстъ получается $^1/_{84}$ коп. съ пудо-версты. Хотя трудно, собственно говоря, понять, что желаетъ мой противникъ доказать своимъ отрицаніемъ, а затѣмъ признаніемъ ставки въ $^1/_{122}$ коп. съ пудо-версты, но я его вполнѣ понимаю: ему опять во что-бы то ни стало хочется отклонить меня и читателей отъ разбора, какимъ образомъ происходитъ ставка въ $^1/_{84}$ коп., для того только, чтобы затемнить дѣло и не дать вторгаться въ святая святыхъ тарифныхъ разсчетовъ.

Для доказательства полной неосновательности возраженія моего противника я приведу слѣдующій примѣръ. Положимъ, что за провозъ какого-либо товара на 1000 верстъ опредѣлена высокая плата въ 1 р. съ пуда, или по $^1/_{10}$ коп. съ пудоверсты, съ оговоркой, что на разстояніе свыше 1000 верстъ онъ везется даромъ. Предположимъ, что товаръ этотъ отправленъ на разстояніе въ 3000 верстъ. По толкованію моего противника выходитъ, что дароваго провоза этого товара не будетъ, а онъ провезется по $^1/_{30}$ коп. съ пудоверсты. Это вычисленіе будетъ совершенно вѣрно для разсчета дорогъ, участвовавшихъ въ пере-

возкѣ этого груза на 3000 верстъ, между собою, но для казны, напримѣръ, если всѣ эти дороги были казенныя, и для населенія всетаки останется вѣрнымъ то, что грузъ прошелъ 1000 верстъ за плату въ 1 рубль, а остальныя 2000 верстъ провезенъ даромъ, въ прямой убытокъ дорогамъ и главное тѣмъ, которыя могли-бы вмѣсто $33^1|_3$ коп. за пудъ, взять весь рубль за провозъ этого груза всего на 1000 верстъ. Еслибы было указано, что за всякую лишнюю 1000 верстъ, пройденную этимъ грузомъ, брать по 1 коп. сверхъ 1 руб. за первую 1000 верстъ, то опять-таки нельзя сказать, что тарифъ на этотъ грузъ установленъ въ $^1|_{29}$ коп., а правильно будетъ опредѣленіе, что онъ свыше 1000 верстъ везется по $^1|_{1000}$ коп. съ пудо-версты.

Такое же значеніе имѣетъ и $^1/_{122}$ коп. съ пудо-версты, по которой везется хлѣбъ свыше 980 верстъ, и такъ, мнѣ кажется, понимаетъ этотъ вопросъ всякій человѣкъ, не желающій туманить себя и другихъ. Если этою $^1/_{122}$-й не окупаются эксплоатаціонные расходы дорогъ, то хлѣбъ въ настоящее время на разстояніе свыше 980 верстъ везется въ убытокъ дорогамъ или, лучше сказать, провозится за деньги, вырученныя отъ пробѣга груза на разстояніи до 980 верстъ.

Такимъ образомъ плата въ $^1/_{122}$ коп. съ пудо-версты существуетъ и отрицать ее нельзя, а можно только затемнить ея существованіе различными туманными объясненіями.

Говоря проще и языкомъ удобопонятнымъ для всѣхъ, этотъ хлѣбный тарифъ имѣетъ видъ предложенія желѣзныхъ дорогъ хлѣбоотправителямъ такого рода, что въ виду того, что за провозъ хлѣба до 980 верстъ взимается слишкомъ высокая плата, то на дальнѣйшее разстояніе предлагается перевозить хлѣбъ даже по убыточной цѣнѣ въ $^1/_{122}$ коп. съ пудо-версты, такъ какъ эти убытки свободно покрываются тѣми прибылями, которыя получатся за пробѣгъ груза до 980 верстъ. Изъ этого, кажется, ясно, что всѣ отправители хлѣба съ разстояній, превышающихъ 980 верстъ, пользуются баснословно дешевымъ, даже убыточнымъ для желѣзныхъ дорогъ тарифомъ для провоза ихъ хлѣбныхъ грузовъ на той части общаго разстоянія до мѣста назначенія, которая превышаетъ 980 верстъ, то-есть если везется, напримѣръ, хлѣбъ на 2,000 верстъ, то 1,020 верстъ онъ везется по крайне дешевому въ $^1/_{122}$ коп. съ пудоверсты тарифу.

Обращаясь къ оцѣнкѣ абсолютной стоимости провоза хлѣбныхъ грузовъ на разстоянія, превышающія 980 верстъ, необходимо принять во вниманіе, что если за провозъ до 980 верстъ назначена столь высокая плата въ 19,18 коп. съ пуда, которой не выдерживаютъ хлѣбные грузы, то, разумѣется, всякая надбавка къ этой платѣ въ какомъ

бы она ни была маломъ размѣрѣ, ведетъ лишь къ большимъ убыткамъ сельскихъ хозяевъ, вынужденныхъ отправлять свой хлѣбъ. Въ этомъ отношеніи нужно принимать во вниманіе и разстоянія. Много грузовъ есть, которые по своей малоцѣнности не выдерживаютъ стоимости провоза на большія разстоянія даже и по крайне низкому тарифу. Въ настоящее время къ подобнымъ грузамъ смѣло могутъ быть причислены и хлѣбные.

Какое значеніе можетъ имѣть перевозка хлѣба хотя бы по $^1/_{100}$ коп. съ пудо-версты на разстояніе въ 3,000 верстъ, то-есть за плату въ 30 коп. за пудъ, когда продажная цѣна его на мѣстѣ назначенія будетъ въ 26 коп. за пудъ? Разумѣется, никто его не повезетъ, потому что въ итогѣ пришлось бы отдать хлѣбъ не только даромъ, но еще доплатить за его вывозъ.

Въ настоящее время хлѣбъ съ нашихъ восточныхъ окраинъ, какъ, напримѣръ, изъ Челябинска, можетъ провозиться на разстояніе выше 3,000 верстъ до западной границы сравнительно очень дешево отъ $^1/_{85}$—$^1/_{87}$ коп. съ пудоверсты, но такъ какъ это выходитъ отъ 35 до 37 коп. за пудъ, то естественно никто его оттуда не повезетъ, чтобы продать за стоимость провоза. Совершенно другое значеніе для хлѣбныхъ грузовъ имѣетъ низкая провозная плата на болѣе короткія разстоянія, тутъ она дѣйствительно является благодѣяніемъ для земледѣльцевъ, вынужденныхъ вывозить свой хлѣбъ за границу, давая имъ возможность соперничать своими хлѣбами на всемірномъ рынкѣ съ другими странами.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ нашихъ хлѣбныхъ тарифовъ, я снова, на основаніи всего изложеннаго, настаиваю на своемъ заключеніи, что хлѣбные грузы на короткія разстоянія перевозятся у насъ за ни съ чѣмъ несообразно дорогую плату, на разстоянія среднія—около 1,000 верстъ—по столь высокимъ тарифамъ, которыхъ хлѣбъ по своей малоцѣнности не можетъ выдерживать, и потому ихъ должно признать разорительными для земледѣльцевъ Россіи, въ особенности средней, и наконецъ, на значительныя разстоянія—около 3,000 верстъ—везется безусловно дешево, но разстояніе настолько даетъ себя чувствовать, что, даже при сравнительно дешевой пудоверстной платѣ, хлѣбъ, при своей малоцѣнности, не выдерживаетъ стоимости провоза.

Самымъ важнымъ для насъ представляется то, что хлѣбъ перевозится несоотвѣтственно дорого на короткія и среднія разстоянія. Выражаясь болѣе опредѣленно, можно указать это разстояніе отъ 300 до 1,500 верстъ, потому что на разстояніе менѣе 300 верстъ провозная плата за хлѣбъ по желѣзнымъ дорогамъ не ниже гужевой, а свыше 1,500 верстъ попудоверстная плата значительно уже понижается.

Этой высокой платой за провозъ хлѣба вынуждена пользоваться почти вся Европейская Россія, то-есть ядро ея, производящее главнымъ образомъ хлѣбъ. Самое большое количество хлѣба изъ Россіи вывозится черезъ пристани Чернаго, Балтійскаго и Азовскаго морей, куда и направляются почти всѣ грузы. Такъ какъ разстояніе даже по ломанной линіи отъ нашего самаго сѣвернаго порта—Петербурга до Одессы 1,818 верстъ, а до Ростова-на-Дону 1,778 верстъ, то отъ всѣхъ пунктовъ Россіи, лежащихъ между Балтійскимъ, Чернымъ и Азовскимъ морями, разстояніе по кратчайшему направленію до этихъ портовъ нигдѣ не превышаетъ 980 верстъ. Свыше 980 верстъ хлѣбные грузы должны проходить лишь изъ мѣстностей, лежащихъ къ востоку отъ линіи Вологда, Кострома, Нижній-Новгородъ, Тамбовъ, Борисоглѣбскъ, причемъ свыше 1,600 верстъ встрѣчается разстояніе только по Самаро-Златоустовской дорогѣ, начиная отъ Самары къ востоку.

Такимъ образомъ, хлѣбные грузы при вывозѣ заграницу со всего пространства Россіи, находящагося къ западу отъ линіи Нижній-Новгородъ-Борисоглѣбскъ, перевозятся нашими желѣзными дорогами по кратчайшимъ направленіямъ къ портамъ не дешевле $^1/_{50}$ коп. съ пудоверсты, при чемъ эта плата повышается еще на болѣе близкія разстоянія до $^1/_{25}$ коп. съ пудоверсты. Для всѣхъ остальныхъ восточныхъ губерній, имѣющихъ желѣзные пути, исключая прилегающихъ къ Самаро-Златоустовской дорогѣ, провозная плата начинаетъ колебаться отъ $^1/_{51}$ коп. до $^1/_{65}$ коп. съ пудо-верты и, наконецъ, только для мѣстностей, лежащихъ къ Самаро-Златоустовской дорогѣ, тарифъ понижается для дальнѣйшихъ разстояній до $^1/_{87}$ коп. съ пудоверсты.

Эти тарифы на хлѣбные грузы, какъ раньше мы видѣли, при разборѣ въ подробностяхъ отдѣльныхъ ставокъ, совершенно не могутъ по своей высотѣ удовлетворять нуждъ земледѣлія страны при современномъ паденіи цѣнъ на хлѣбъ, и если они не будутъ значительно понижены, то необходимо ожидать весьма сильнаго упадка земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полнаго разоренія земледѣльческаго, то-есть почти всего населенія Россіи.

Мой противникъ, возражая противъ необходимости пониженія провозной платы на хлѣбные грузы до $^1/_{100}$ коп. съ пудо-версты во всѣхъ сообщеніяхъ, приводитъ какіе-то туманные, не имѣющіе ни смысла, ни значенія произвольные цифровые подсчеты какихъ-то „отношеній между окраинами къ центральнымъ мѣстностямъ“, не знаю съ какою цѣлью, кромѣ затемнѣнія и безъ того сложнаго тарифнаго вопроса, потому что всѣ его подсчеты сводятся къ тому, что съ примѣненіемъ ставки въ $^1/_{100}$ коп. съ пудо-версты къ перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ, эти от-

ношенія, происходящія, по его мнѣнію, отъ особаго достоинства нынѣ дѣйствующаго тарифа, нисколько не измѣняются *). Очень радъ, что эти отношенія не измѣняются, и что ставка въ $^1/_{100}$ коп. съ пудо-версты удовлетворяетъ моего противника съ этой стороны, хотя я этому не придаю даже малѣйшаго значенія, но я совершенно недоумѣваю, какимъ образомъ мой противникъ на основаніи этого подсчета могъ прійти къ заключенію, что „о необходимости общаго пониженія (хлѣбныхъ тарифовъ) авторъ брошюры не говоритъ, необходимости этой не пытался даже доказывать—не она составляетъ его цѣль“.

Какую же, позволяю себѣ спросить, цѣль я преслѣдовалъ, говоря нѣсколько разъ на страницѣ 7-й о необходимости пониженія хлѣбныхъ тарифовъ и затѣмъ заключая докладъ слѣдующими словами:

„Въ виду всего изложеннаго, я имѣю честь предложить Императорскому Вольному Экономическому Обществу ходатайствовать:

1) О немедленномъ пониженіи тарифовъ на нынѣ обезцѣненные хлѣбные грузы до низшаго XII класса существующей тарификаціи, то-есть $^1/_{100}$ коп. съ пудо-версты во всѣхъ сообщеніяхъ“?

Бумага все терпитъ, но зачѣмъ ее безцѣльно марать для писанія вещей, завѣдомо несогласныхъ съ истиной.

Относительно замѣчанія моего противника, что съ пониженіемъ провозной платы на хлѣбные грузы до $^1/_{100}$ коп. съ пудо-версты, доходы желѣзныхъ дорогъ уменьшатся на многіе милліоны, опредѣляя эту сумму приблизительно въ 30 милліоновъ рублей, я не только вполнѣ согласенъ, но даже предвидѣлъ это на страницѣ 7-й доклада въ словахъ: „вполнѣ справедливо было бы, если бы желѣзныя дороги перевозили хлѣбные грузы даже безъ барышей (по $^1/_{100}$ коп.), наверстывая это на другихъ весьма цѣнныхъ предметахъ, которые онѣ раньше возили почти даромъ, а теперь возятъ за ничтожную плату“.

Дѣйствительно, одно пониженіе провозной платы на хлѣбные грузы, безъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ нашихъ тарифахъ, отозвалось бы неблагопріятно на нашей государственной росписи, а косвенно на тѣхъ же земледѣльцахъ. Приплаты по гарантіямъ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ равно для всѣхъ не желательны, но и увеличеніе доходности желѣзныхъ дорогъ исключительно повышеніемъ тарифовъ на самое главное и малоцѣнное призведеніе народнаго хозяйства страны—хлѣбъ, что мы видимъ начиная съ 1890 года, при сохраненіи крайне

*) По моему, всѣ эти цифры и разсчеты сводятся снова къ доказательству того, что плата за провозъ хлѣба увеличивается съ увеличеніемъ разстоянія, чего никто, ни я никогда не отвергалъ.

Сравнительная таблица стоимости провоза хлѣбныхъ грузовъ до подчиненія желѣзнодорожныхъ тарифовъ вѣденію тарифныхъ учрежденій и по нынѣ дѣйствующимъ тарифамъ, примѣняемымъ съ 1-го августа 1893 года.

СТАНЦІЯ ОТПРАВЛЕНІЯ.	СТАНЦІЯ НАЗНАЧЕНІЯ.	Число верстъ.	Стоимость провоза вагона хлѣба въ 610 пуд. до 1 ноября 1888 года. Тарифныя ставки. руб.	коп.	Дополнительный сборъ. руб.	коп.	ИТОГО. руб.	коп.	Стоимость провоза вагона хлѣба, т. е. 610 пуд., съ 18 іюля 1890 г. до 1 августа 1893 года. Тарифныя ставки. руб.	коп.	Дополнительный сборъ. руб.	коп.	ИТОГО. руб.	коп.	Стоимость провоза вагона хлѣба, т. е. 610 пуд., съ 1 августа 1893 года. Тарифныя ставки. руб.	коп.	Дополнительный сборъ. руб.	коп.	ИТОГО. руб.	коп.	На сколько дороже (+) или дешевле (—) перевозится хлѣбъ съ 1 августа 1893 г. сравнительно съ 1888 г. Проценты.	руб.	коп.
Курскъ. (Курско-Харьково-Азовской ж. д.) . .	Одесса. Черезъ Харьковъ-Елизаветградъ	1058	88	71	4	62	93	33	100	36	4	60	104	96	120	65	6	28	126	93	36%	+ 33	60
	Севастополь. Черезъ Лозовую . .	940	77	04	4	60	81	64	95	40	4	60	100	—	113	40	6	28	119	68	46,6%	+ 38	04
	Таганрогъ	698	55	20	4	—	59	20	69	84	4	—	73	84	91	62	6	28	97	90	65,4%	+ 38	70
	Либава. Черезъ Орелъ-Двинскъ-Калкуны	1253	124	79	4	60	129	39	137	74	5	86	143	60	130	65	6	28	136	93	5,8%	+ 7	54
	Граево. Черезъ Бахмачъ-Гомель-Бѣлостокъ . . .	1121	100	27	3	69	103	96	—	—	—	—	—	—	124	05	6	28	130	33	25,4%	+ 26	37
	Волочискъ. Черезъ Кіевъ	845	85	68	3	29	88	97	98	65	6	47	105	12	104	85	6	28	111	13	24,9%	+ 22	17
	Радзивиловъ . . .	883	85	68	3	29	88	97	98	65	6	47	105	12	108	27	6	28	114	55	28,8%	+ 25	58
Оренбургъ	С.-Петербургъ. . .	2038	249	97	7	—	256	97	190	17	7	—	197	17	169	90	6	28	176	18	31,4%	— 80	79
	Рига	2338	271	49	8	20	279	69	193	17	7	—	200	17	184	90	6	28	191	18	31,3%	— 88	51
	Либава	2508	272	69	7	—	279	69	200	67	7	—	207	67	193	40	6	28	199	68	28,6%	— 80	01
	Таганрогъ	2048	238	78	7	—	245	78	213	92	7	—	220	92	170	45	6	28	176	73	28,1%	— 69	05
	Ростовъ	1987	222	64	6	40	229	04	150	60	5	80	156	40	167	35	6	28	173	63	24,2%	— 55	41

Сравнительная таблица стоимости провоза хлѣбныхъ грузовъ до подчиненія желѣзнодорожныхъ тарифовъ вѣденію тарифныхъ учрежденій и по нынѣ дѣйствующимъ тарифамъ, примѣняемымъ съ 1 августа 1893 года.

ОТЪ СТАНЦІЙ:	ДО СТАНЦІЙ:	Число верстъ по послѣднимъ даннымъ.	Стоимость провоза вагона хлѣба до 1890 года.	Въ томъ числѣ дополнительныхъ сборовъ.	Стоимость провоза вагона хлѣба съ 1 августа 1893 г. (Въ томъ числѣ дополнительныхъ сборовъ 6 р. 28 к.).	На сколько дороже перевозится хлѣбъ съ 1 августа 1893 г.	
						Въ рубляхъ и копѣйкахъ.	Въ процентахъ.
Тосно	С.-Петербургъ	50	11,98	1,00	18,78	6,80	56,8
Ростовъ	Таганрогъ	66	20,14	4,00	22,78	2,64	13,1
Симферополь	Севастополь	75	22,54	4,00	25,03	2,49	11,0
Чудово	С.-Петербургъ	111	22,35	1,00	34,03	11,68	52,3
Крейцбургъ	Рига	122	24,68	4,00	36,78	12,10	49,0
Луга	С.-Петербургъ	129	29,80	4,00	38,53	8,73	29,3
Никитовка	Таганрогъ	164	35,20	4,00	47,28	12,08	34,3
Раздивилишки	Либава	177	39,43	4,00	50,53	11,10	28,2
Веребье	С.-Петербургъ	185	35,16	1,00	51,73	16,58	47,1
Константиновка	Таганрогъ	191	35,20	4,00	52,27	17,07	48,5
Торбино	С.-Петербургъ	197	38,21	1,00	52,81	14,60	38,2
Динабургъ	Рига	204	35,11	4,00	53,44	18,33	52,2
Ново-Алексѣевка	Севастополь	219	41,11	4,00	54,79	13,68	33,3
Знаменка	Николаевъ	222	44,00	4,00	55,06	11,06	25,1
Геническъ	Севастополь	232	43,48	4,00	55,96	12,48	28,7
Угловка	С.-Петербургъ	248	47,36	1,00	57,40	10,04	21,2
Елизаветградъ	Николаевъ	270	44,00	4,00	59,38	15,38	35,0
Дрисса	Рига	294	47,46	4,60	61,54	14,08	29,7
Мелитополь	Севастополь	304	47,40	4,00	62,44	15,04	31,7
Вильно	Кенигсбергъ	325	52,75	5,32	64,33	11,58	21,9
Лозовая	Таганрогъ	331	47,69	4,00	64,87	17,18	36,0
Синельниково	»	355	44,35	4,60	67,03	22,68	51,1
Вильно	Рига	370	57,42	4,60	68,38	10,96	19,1
Динабургъ (Кальқуны)	Либава	373	58,40	4,00	68,65	10,25	17,6
Екатеринославъ	Таганрогъ	407	45,40	4,60	71,71	26,31	57,9
Александровскъ	Севастополь	409	46,55	4,00	71,89	25,34	54,4
Торжокъ	С.-Петербургъ	442	59,87	4,60	74,86	14,99	25,0
Елизаветградъ	Одесса	442	48,80	4,00	74,86	26,06	53,4

ОТЪ СТАНЦІЙ:	ДО СТАНЦІЙ:	Число верстъ по послѣднимъ даннымъ.	Стоимость провоза вагона хлѣба до 1890 года.	Въ томъ числѣ дополнительныхъ сборовъ.	Стоимость провоза вагона хлѣба съ 1 августа 1893 г. (Въ томъ числѣ дополнительныхъ сборовъ 6 р. 28 к.).	На сколько дороже перевозится хлѣбъ съ 1 августа 1893 г.	
						Въ рубляхъ и копѣйкахъ.	Въ процентахъ.
Мерефа	Таганрогъ	446	55,65	4,00	75,22	19,57	35,2
Верхнеднѣпровскъ	»	460	50,70	4,60	76,48	25,78	50,8
Харьковъ	»	469	55,65	4,00	77,29	21,64	38,9
Гродно	Либава	472	60,81	4,60	77,56	16,75	27,5
Синельниково	Севастополь	480	62,15	4,00	78,28	16,13	25,9
Знаменка	Одесса	491	47,30	4,00	79,27	31,97	27,6
Старица	С.-Петербургъ	498	59,87	4,60	79,90	20,03	33,5
Фастовъ	Николаевъ	504	65,60	4,60	80,44	14,84	22,6
Екатеринославъ	Севастополь	534	55,60	4,60	83,14	27,54	49,5
Ржевъ	С.-Петербургъ	537	59,87	4,60	83,41	23,54	39,3
Бѣлгородъ	Таганрогъ	549	58,78	4,00	84,49	25,71	43,7
Бѣлостокъ	Либава	550	69,72	4,60	84,58	14,86	21,3
Лозовая	Севастополь	572	62,15	4,00	86,56	24,41	39,3
Кривой-Рогъ	Таганрогъ	577	61,60	4,60	87,01	25,41	41,2
Верхнеднѣпровскъ	Севастополь	587	55,60	4,60	87,91	32,31	58,1
Марьино	Таганрогъ	626	59,20	4,00	91,42	32,22	54,4
Ровно	Одесса	679	67,03	4,03	96,19	29,16	43,5
Мерефа	Севастополь	688	76,25	4,60	97,00	20,75	27,2
Ворожба	Николаевъ	690	75,30	4,00	97,18	21,88	29,1
Марьино	Ростовъ	691	75,70	4,00	97,27	21,57	28,5
Сумы	Николаевъ	697	75,30	4,00	97,81	22,51	29,9
Грязи	Ростовъ	707	82,03	4,00	98,71	16,68	20,3
Харьковъ	Севастополь	711	76,25	4,60	99,07	22,82	29,9
Сарны	Одесса	750	67,21	4,60	102,58	35,37	52,6
Долинская	Севастополь	757	62,30	4,60	103,24	40,91	65,7
Козловъ	Ростовъ	763	82,03	4,00	103,75	21,72	26,5
Льговъ	Таганрогъ	788	84,24	4,60	106,00	21,76	25,8
Екатеринославъ	Одесса	789	80,74	5,21	106,09	25,35	31,4
Бѣлгородъ	Севастополь	791	79,94	4,60	106,27	26,33	32,9
Екатеринославъ	Одесса	804	64,32	4,72	107,44	43,12	67,0
Тамбовъ	Ростовъ	835	87,92	5,80	110,23	22,31	25,3
Орелъ	Таганрогъ	844	92,03	4,66	111,04	19,01	20,7
Марьино	Севастополь	868	82,04	4,60	113,20	31,16	38,0
Тамбовъ	Таганрогъ	903	101,96	5,20	116,35	14,39	14,1
Орелъ	Ростовъ	909	100,46	4,66	116,89	16,43	16,4
Брестъ	Одесса	919	60,81	4,00	117,79	56,98	93,7
Люблинъ	»	958	84,10	4,60	121,30	37,20	44,2
Сергіево	Таганрогъ	961	98,46	4,66	121,57	23,11	23,3
Барановичи	Одесса	973	89,02	4,60	122,65	33,63	37,8
Береза	»	1016	74,69	4,60	125,08	50,39	67,5
Тула	Таганрогъ	1021	98,46	4,66	125,33	26,87	27,3

ОТЪ СТАНЦІЙ:	ДО СТАНЦІЙ:	Число верстъ по послѣднимъ даннымъ.	Стоимость провоза вагона хлѣба до 1890 года.	Въ томъ числѣ дополнительныхъ сборовъ.	Стоимость провоза вагона хлѣба съ 1 августа 1893 г. (Въ томъ числѣ дополнительныхъ сборовъ 6 р. 28 к.).	На сколько дороже перевозится хлѣбъ съ 1 августа 1893 г.	
						Въ рубляхъ и копѣйкахъ.	Въ процентахъ.
Нижній-Новгородъ.	С.-Петербургъ . . .	1025	108,00	4,20	125,53	17,53	16,2
Бѣлостокъ	Одесса	1050	60,82	4,03	126,78	65,96	108,4
Столбцы via Барановичи	»	1054	80,86	4,60	126,98	46,12	57,0
Сергіево	Рига	1056	104,54	5,86	127,08	22,54	21,5
Орелъ	Севастополь. . .	1086	99,87	5,26	128,58	28,71	28,8
Тула	Ростовъ	1086	107,46	4,66	128,58	21,12	19,7
Граево	Одесса	1118	60,82	4,03	130,18	69,36	114,0
Малоархангельскъ .	»	1126	99,45	3,05	130,58	31,13	31,3
Гомель	»	1147	101,65	4,60	131,63	29,98	29,5
Вильно	»	1160	96,82	4,60	132,28	35,46	36,6
Саратовъ	Ростовъ	1191	116,75	5,80	133,83	17,08	14,6
Орелъ	Одесса	1197	103,66	3,05	134,13	30,47	29,4
Сергіево	Севастополь. . .	1203	114,26	5,26	134,43	20,17	17,7
»	Либава.	1226	113,09	5,26	135,58	22,49	19,8
Раздѣльная . . .	Кенигсбергъ . . .	1246	92,63	8,68	136,58	43,95	47,4
Елизаветградъ . .	» . . .	1262	107,90	8,68	137,38	29,48	27,3
Царицынъ	Ростовъ	1273	111,08	4,60	137,93	26,85	24,2
Бендеры	Кенигсбергъ . . .	1301	101,60	8,68	139,33	37,73	37,1
Одесса	» . . .	1314	96,97	8,68	139,98	43,01	44,4
Сергіево	Одесса	1314	104,97	3,05	139,98	35,01	33,3
Царицынъ	Таганрогъ	1333	126,32	5,20	140,93	14,61	11,6
Кишиневъ	Кенигсбергъ . . .	1355	120,78	8,68	142,03	21,25	17,6
Елецъ	Севастополь. . . .	1362	126,06	5,81	142,38	16,32	12,9
Тула	Одесса	1374	108,94	3,05	142,98	34,04	31,2
Унгены.	Кенигсбергъ . . .	1454	120,70	8,68	128,45	7,75	6,4
Сызрань	Ростовъ	1466	137.28	5,80	147,58	10,30	7,5
Самара	»	1594	144,41	6,40	153,98	9,57	6,6
Кинель	»	1634	150,59	6,40	155,98	5,39	3,6
Звѣрево	С.-Петербургъ. . .	1635	152,00	5.80	156,03	4,03	2,7
Ростовъ	» .	1765	154,80	5,80	162,53	7,73	5,0
»	Либава	1842	156,24	5,20	166,38	10,14	6,5
Царицынъ	Севастополь. . . .	1952	166,14	6,41	171,88	5,74	3,5

низкихъ тарифовъ на перевозку даже предметовъ роскоши, является дѣломъ въ высшей степени несправедливымъ.

Хотя авторъ статьи и обвиняетъ меня въ незнаніи происхожденія современныхъ хлѣбныхъ тарифовъ, но онъ долженъ будетъ жестоко разочароваться въ этомъ, послѣ приводимыхъ мною далѣе точныхъ цифръ, характеризующихъ измѣненіе нашихъ хлѣбныхъ тарифовъ. Эти цифры, мнѣ кажется, будутъ много доказательнѣе тѣхъ громкихъ фразъ и жалостныхъ словъ, которыми пересыпаетъ мой противникъ свое возраженіе.

Въ этой таблицѣ представлено измѣненіе стоимости провоза хлѣба за время съ 1888 года по сей день. Для этого я взялъ провозныя платы къ нашимъ портамъ и пограничнымъ станціямъ отъ такого срединнаго мѣста Россіи, какъ Курскъ и отъ одного изъ отдаленныхъ, какъ Оренбургъ (Таблица на стран. 88 и 89). Затѣмъ, что бы кто не подумалъ, что это случайность, еще беру много пунктовъ на различныя разстоянія для характеристики измѣненія провозной платы для всей Россіи. (Таблица на стран. 90).

Обзоръ этихъ таблицъ можетъ произвести только тяжелое, удручающее впечатлѣніе на всякаго человѣка маломальски причастнаго къ нашему земледѣлію и сельскому населенію.

Оказывается, что для средней Россіи, какъ, напримѣръ, отъ Курска, плата за провозъ хлѣба за послѣднее время повышена до 65,4% или до 38 руб. 70 коп. съ вагона. Повышеніе платы въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже еще увеличивается какъ безотносительно, такъ и въ процентномъ отношеніи, какъ, напримѣръ отъ Бѣлостока и Граева до Одессы до 65,96—69,36 р. или 108—114%. Даже на незначительныя разстоянія, какъ отъ Тосны до Петербурга (49 в.) или отъ Крейцбурга до Риги (121 в.) повагонная плата повышается на 6 р. 80 к., 12 р. 10 к. или на 56—49%. Въ общемъ повышеніе платы, и весьма крупное, за провозъ хлѣба замѣчается съ самыхъ незначительныхъ разстояній и до 1500 верстъ, а далѣе, на большія разстоянія, начинается, наоборотъ, постепенное пониженіе провозной платы противъ существовавшей, причемъ это пониженіе на разстояніе свыше 2000 верстъ доходитъ до 31% или до $88^1/_2$ руб. съ вагона.

На пониженіяхъ платы за провозъ хлѣбныхъ грузовъ на разстоянія свыше 1500—2000 верстъ я долго останавливаться не буду, такъ какъ даже со сдѣланными пониженіями я считаю всетаки этотъ тарифъ дорогимъ. Онъ несправедливо дешевъ сравнительно съ тарифами, примѣняемыми для хлѣбныхъ грузовъ на болѣе короткія разстоянія, но по безотносительному своему размѣру онъ всетаки высокъ, потому что при современномъ паденіи цѣнъ на хлѣбъ не можетъ удовлетворять хозяевъ отда-

ленныхъ восточныхъ губерній, вынужденныхъ, не смотря даже на значительно меньшую стоимость производства хлѣбовъ въ этихъ губерніяхъ Россіи, нести почти одинаковые убытки при продажѣ своего дешеваго хлѣба, какъ и хозяева центральной Россіи при продажѣ своего сравнительно дорогого хлѣба. Одного только я не понимаю, это страннаго желанія моего противника, во что бы то ни стало, преуменьшить количество перевезеннаго хлѣба на разстояніе свыше 1500 верстъ. Возражая противъ сказаннаго мною, что при существующемъ тарифѣ, хозяева средней Россіи должны переплачивать при вывозѣ своего хлѣба до 10 коп. за пудъ, для того, чтобы дать возможность понизить провозную плату на хлѣбъ на большія разстоянія, какъ бы съ цѣлью поощренія хлѣбопашества на далекихъ восточныхъ окраинахъ, увеличеніе привоза хлѣба откудова можетъ только еще уронить на него цѣну, авторъ возраженія пишетъ слѣдующее:

„А между тѣмъ простая справка изъ статистики перевозки хлѣбныхъ грузовъ, убѣдитъ насъ въ томъ, что ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ; такъ, на разстоянія свыше 1500 верстъ изъ всей массы хлѣба, перевозимаго русскими желѣзными дорогами, приходится едва три милліона пудовъ. Три милліона пудовъ во внутреннемъ и внѣшнемъ сообщеніяхъ, взятыхъ вмѣстѣ, — можно-ли при такихъ условіяхъ серьезно говорить объ угнетеніи нашего „культурнаго ядра“ хлѣбомъ изъ далекихъ окраинъ“!

Обращаясь къ статистикѣ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ за 1893 годъ, изданной Департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ Министерства Финансовъ, выпускъ 5-й на стран. 109 и 117 [1]), мы находимъ, что въ вывозномъ сообщеніи свыше 1,500 верстъ, перевозится 21.424,000 пудовъ, а во внутреннемъ—3.618,000 пудовъ, что составляетъ всего 25.042,000 пудовъ, то-есть въ восемь слишкомъ разъ болѣе, чѣмъ говорится въ возраженіи, причемъ для этого подсчета приняты только тѣ станціи, съ которыхъ отправляется не менѣе 50,000 пудовъ, между тѣмъ еще не мало должно быть такихъ станцій, которыя отправляютъ и меньшее количество хлѣба. Изъ этого видно, что мой противникъ или никогда не видалъ статистики передвиженія хлѣбныхъ грузовъ и не имѣетъ о ней понятія, или же для возраженія не постѣснился прибѣгнуть къ завѣдомо ложнымъ цифрамъ, вѣроятно, упустивъ изъ вида, что въ этомъ его можно всегда уличить.

---

[1]) Общіе итоги отправленія и пазначенія и таблица распредѣленія перевозокъ въ вывозные и главнѣйшіе внутренніе пункты по разстояніямъ пробѣга.

Такимъ образомъ, количество хлѣбныхъ грузовъ, перевозимыхъ на разстоянія свыше 1500 верстъ, далеко не такое ничтожное, какъ объ этомъ говорится въ возраженіи. Вообще же объ этихъ пониженіяхъ тарифовъ при перевозкѣ хлѣба на громадныя разстоянія, сдѣланныхъ какъ бы въ угоду сельскимъ хозяевамъ Россіи, не стоитъ даже такъ много говорить, потому что ими пользоваться могутъ хозяева 3 — 4 губерній, а для желѣзныхъ дорогъ недоборъ отъ этихъ перевозокъ, въ виду того, что онѣ составляютъ всего 5,4°/o общаго передвиженія хлѣбныхъ грузовъ, совершенно незамѣтенъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ лихвою покрывается выгодой отъ перевозки остальныхъ 94,6°/o хлѣбныхъ грузовъ на болѣе короткія разстоянія по весьма высокой цѣнѣ.

Обращаясь къ сдѣланнымъ повышеніямъ хлѣбныхъ тарифовъ, нельзя не замѣтить, что они относятся почти ко всему передвиженію хлѣбныхъ грузовъ и почти ко всѣмъ мѣстамъ Россіи на всемъ ея протяженіи къ западу отъ Волги. Увеличеніе платы за провозъ вагона хлѣба, начинается съ кратчайшихъ разстояній съ нѣсколькихъ рублей, далѣе доходитъ до 38 и даже 65—67 руб. и наконецъ, приближаясь къ разстояніямъ въ 1500 верстъ, а иногда и болѣе, снова уменьшается до нѣсколькихъ рублей съ вагона. При этомъ нельзя незамѣтить, что, кромѣ повышенія самой провозной платы, съ 1 августа 1893 года сдѣлано огульное повышеніе дополнительныхъ сборовъ для короткихъ разстояній отъ 2 руб. 28 коп. до 5 руб. 28 коп. съ вагона; нѣсколько меньшія повышенія этихъ сборовъ сдѣланы и для прямыхъ сообщеній; въ то же время для значительныхъ разстояній сборы эти понижены. Такимъ образомъ и на кратчайшихъ разстояніяхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда провозная плата не увеличилась, общая стоимость доставки хлѣба повысилась не менѣе какъ на 2 руб. 28 коп. съ вагона безъ какихъ либо удобопонятныхъ основаній.

Возвращаясь снова къ той же статистикѣ перевозки хлѣбныхъ грузовъ, можно подсчитать, что на разстояніе до 200 верстъ перевозится 34,3°/o общаго количества хлѣбныхъ грузовъ, а на разстоянія свыше 1500 верстъ—5,4°/o, слѣдовательно 60,3°/o всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ перевозится на разстоянія отъ 200 до 1500 верстъ. На основаніи этихъ данныхъ и приведенныхъ въ таблицѣ размѣровъ послѣдовавшаго повышенія провозной платы на хлѣбные грузы, является возможность хотя приблизительно опредѣлить ту сумму, которую приплачиваетъ теперь населеніе средней Россіи за провозъ хлѣба въ пользу желѣзныхъ дорогъ. Хотя повышеніе провозной платы въ вывозномъ сообщеніи начинается гораздо ранѣе 200-верстнаго разстоянія, но такъ какъ во внутреннемъ сообщеніи хлѣбные грузы везутся на разстояніе до 320

верстъ по нѣсколько пониженному тарифу, то можно считать, что одно другимъ покрывается.

Далѣе, во избѣжаніе всякихъ споровъ, положимъ, что изъ всѣхъ передвигающихся хлѣбныхъ грузовъ на разстояніяхъ отъ 200 до 1500 верстъ еще 10,3% или около 55.000,000 пуд. перевозятся безъ особыхъ доплатъ.

Что касается остальныхъ 50% хлѣбныхъ грузовъ, составляющихъ 271.146,000 пудовъ или 441,501 вагонъ, то они уже безспорно перевозятся за значительно повышенную плату, и размѣръ этого повышенія долженъ быть, согласно даннымъ, приведеннымъ въ таблицѣ, въ среднемъ, отъ 20 до 25 рублей съ вагона, что въ общей сложности составитъ приблизительно сумму отъ 9 до 11 милліоновъ рублей.

Противъ этихъ цифръ, кажется, едва-ли мой противникъ въ состояніи будетъ возразить. Вообще эта таблица стоимости провоза нашихъ хлѣбныхъ грузовъ представляетъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова скорбный листъ нашего земледѣлія и землевладѣнія за послѣдніе года. Въ этихъ милліонахъ рублей, излишне взимаемыхъ желѣзными дорогами съ сельскаго населенія страны именно во время переживаемаго имъ тяжелаго положенія отъ крайняго паденія цѣнъ на хлѣбъ съ 1893 года, и кроется разгадка съ одной стороны малоуспѣшнаго и сопряженнаго съ большими затрудненіями выколачиванія за эти годы податей съ сельскаго населенія, а съ другой—публикацій о продажѣ съ аукціоннаго торга многихъ тысячъ имѣній и участковъ земель, заложенныхъ въ дворянскомъ, крестьянскомъ и частныхъ банкахъ, за недоимки, не составляющія въ общей сложности даже и половины суммы, излишне взимаемой желѣзными дорогами ежегодно съ сельскаго населенія за провозъ ихъ главнаго произведенія—хлѣба.

Ни ходатайства сельскихъ хозяевъ, земствъ и биржевыхъ комитетовъ о пониженіи даже существовавшихъ до 1889 года тарифовъ на хлѣбные грузы до $^1/_{80}$ коп. съ пудоверсты; ни вполнѣ выясненная комиссіей, подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. фонъ Плеве, невозможно дорогая, и безотносительно и сравнительно съ другими соперничающими съ нами странами, стоимость перевозки у насъ хлѣбныхъ грузовъ; ни изслѣдованія министерствъ государственныхъ имуществъ, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствовавшія о безотрадномъ положеніи нашего земледѣлія при существующемъ уровнѣ цѣнъ на хлѣба, не окупающихъ стоимости ихъ производства; ни само учрежденіе министерства земледѣлія для охраны нуждъ сельскаго хозяйства страны, ни даже послѣднія чрезвычайныя мѣры министерства финансовъ для повышенія цѣнъ на хлѣбъ—ни что не помогло. Всѣ доводы, всѣ ходайства, всѣ оче-

видныя для всѣхъ истины не были признаны достаточно вѣскими не только для пониженія существовавшихъ хлѣбныхъ тарифовъ, но даже и для предотвращенія дальнѣйшаго ихъ повышенія.

Изъ этого можно судить, что далеко не такъ легко достигнуть пониженія тарифовъ по ходатайству заинтересованныхъ лицъ, какъ это говоритъ мой противникъ, и, должно быть, достигнутыя пониженія тарифовъ на нѣкоторые раньше указанные предметы, какъ: копру, выжимки кокосовыхъ орѣховъ, билліарды, буковую мебель, артишоки и т. п., были обставлены болѣе вѣскими доказательствами, чѣмъ ходатайства всей Россіи о пониженіи хлѣбныхъ тарифовъ, основанныя только на цѣлыхъ томахъ статистическихъ и другихъ данныхъ и подкрѣпленныя участіемъ только нѣсколькихъ министерствъ.

Старые хлѣбные тарифы дѣйствительно были „горбаты", допускали нѣкоторыя тарифныя несправедливости и отличались безпорядкомъ изданія, а потому требовали многихъ улучшеній, но зато они все-таки давали возможность кое-какъ дышать нашему земледѣлію. Существующій хлѣбный тарифъ изданъ несравненно проще и лучше, но горбы и тарифныя несправедливости въ немъ, вслѣдствіе существованія навигаціонныхъ и спеціальныхъ тарифовъ, также существуютъ; что же касается общаго повышенія провозныхъ платъ и дополнительныхъ сборовъ на разстояніи до 1500 верстъ, то оно затягиваетъ въ настоящее время прямо мертвую петлю на земледѣліи страны и благосостояніи всего сельскаго населенія.

Не такъ обидно было бы, если бы установленіе столь высокаго тарифа на такой главный предметъ производства страны, какъ хлѣбъ, вызывалось настоятельной необходимостью для огражденія государственныхъ нуждъ, но нужно совсѣмъ не знать русскихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и общаго ихъ духа, чтобы этому повѣрить.

Русскіе желѣзнодорожные тарифы всегда отличались той особенностью, что малоцѣнные грузы отечественнаго происхожденія провозились за невозможно дорогую плату, а иностраннаго—за крайне ничтожную. До сего еще 1895 года иностранные грузы, преимущественно предметы роскоши, возились по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ со скидкой до 60, 70 и даже до 96 коп. на пудъ съ платы, причитающейся для провоза такихъ же грузовъ во внутреннемъ сообщеніи; а вѣдь иностранныхъ грузовъ не менѣе 200.000,000 пудовъ ввозилось и ввозится къ намъ ежегодно, и эти скидки съ тарифовъ внутренняго сообщенія въ общей сложности за ихъ провозъ навѣрное составляли не меньшую сумму, чѣмъ выручается за провозъ всѣхъ вывозимыхъ хлѣбныхъ грузовъ. Къ этому еще слѣдуетъ присоединить многіе охотно даваемые пониженные и

специальные (дешевые) тарифы на различные предметы роскоши даже во внутреннемъ сообщеніи.

Какъ, напримѣръ, можно совмѣстить столь несовмѣстимыя явленія, какъ значительное повышеніе, для огражденія государственнаго казначейства отъ приплатъ по гарантіямъ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, тарифовъ на хлѣбъ, предметъ необходимой пищевой потребности, съ пониженіемъ въ тоже время тарифовъ на такіе пищевые предметы, какъ: ананасы, гранаты, мандарины, апельсины, померанцы, орѣхи американскіе, бразильскіе, кокосовые, миндаль, каштаны, финики, винныя ягоды и т. п., привозимые къ намъ изъ-за границы и составляющіе прямо лакомства, да кромѣ того, еще и на такіе предметы, частью ввозимыя къ намъ, а частью производимые въ Россіи, какъ изюмъ, кишмишъ, персики сушеные, айва сушеная, маслины, сливы, груши сушеныя, черносливъ и т. п. Кромѣ того, по цѣлому множеству предметовъ послѣдовало пониженіе провозной платы, какъ, напримѣръ, на различныя масла: деревянное, касторовое, кокосовое, орѣховое, прованское, на пряжу джутовую, кокосовую, бумажную и т. п., на пальмовыя свѣчи, на хлопокъ... Всѣ эти пониженія далеко не могутъ быть названы ничтожными; такъ, напримѣръ, ананасы, померанцы и т. п. при перевозкахъ на большія разстоянія уравнены провозной платой съ хлѣбомъ; сушенная айва, черносливъ и т. п. перевозятся значительно дешевле хлѣба.

Что касается самого размѣра пониженій платы, то объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. По раньше дѣйствовавшему тарифу провозъ пуда ананасовъ, померанцевъ, гранатъ и т. п. предметовъ, положимъ, отъ Новороссійска до Оренбурга стоилъ 1 р. 70 к., а по нынѣ дѣйствующимъ тарифамъ всего 71 коп., т.-е. удешевленъ тарифъ почти на цѣлый рубль съ пуда. На это могутъ отвѣчать, что такихъ предметовъ такъ мало перевозится по желѣзнымъ дорогамъ, что они не могутъ влiять на ихъ доходность, но это будетъ жестокая ошибка, потому что однихъ перечисленныхъ лакомствъ ввозится къ намъ изъ-за границы 4.643,000 пуд., да вѣроятно, не меньшее количество ихъ перевозится отечественнаго производства. При такихъ почтенныхъ количествахъ всякая копѣйка пониженія въ тарифахъ дастъ недоборъ въ десятки и сотни тысячъ рублей.

За такую особенность нашихъ тарифовъ населеніе ежегодно приплачивало десятки милліоновъ рублей по гарантіямъ и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Вопросъ объ уничтоженіи этихъ приплатъ былъ весьма просто разрѣшенъ установленіемъ весьма высокихъ тарифовъ на главный предметъ производства того же населенія—на хлѣбъ, чѣмъ дѣйствительно нѣсколько

возвысилась доходность дорогъ. Но справедливо ли это было сдѣлано, — это другой вопросъ. Мое мнѣніе, что хлѣбные грузы вообще должны были перевозиться за возможно дешевую плату, и тарифы на нихъ не должны были быть повышаемы съ цѣлью увеличенія доходовъ желѣзныхъ дорогъ ни въ какомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока не были повышены до возможныхъ предѣловъ провозныя платы на всѣ предметы роскоши и вообще цѣнные, выдерживающіе высокую провозную плату, какъ иностраннаго, такъ и отечественнаго происхожденія, и только тогда, когда и по приведеніи этой мѣры въ исполненіе не хватало бы выручки на покрытіе расходовъ по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ,—повышеніе до извѣстной степени тарифовъ на хлѣбъ имѣло бы нѣкоторое основаніе. Вопроса этого, однако, придется еще касаться, такъ какъ онъ затрогивается и въ остальныхъ частяхъ моего доклада и возраженія на него.

Въ настоящее время, въ виду послѣдовавшаго повышенія ввозныхъ тарифовъ и ожидаемаго отъ этого увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ, смѣло можно понизить хлѣбные тарифы безъ всякой опасности для государственнаго казначейства и этимъ хотя нѣсколько облегчить и безъ того угнетенное положеніе нашего земледѣлія, значительно еще ухудшенное несправедливымъ повышеніемъ хлѣбныхъ тарифовъ.

Въ доказательство того, что наши хлѣбные тарифы совсѣмъ не составляютъ какой-то особой неприкосновенной святыни, можно указать на изданіе особаго хлѣбнаго тарифа къ Австрійской и Румынской границамъ во время таможенной войны съ Германіей. По этому тарифу, дѣйствовавшему съ 11 августа 1893 года до 16 апрѣля 1894 года, хлѣбные грузы отъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ станцій Россіи провозились за слѣдующую плату: отъ 1 до 120 верстъ по 25 коп. съ вагона или почти $^{1}/_{25}$ коп. съ пуда и версты, отъ 121 до 1537 верстъ прибавляется къ платѣ въ 30 руб. за 120 верстъ по 4,5 коп. съ вагона или по $^{1}/_{136}$ коп. съ пуда и версты и на разстоянія, превышающія 1537 верстъ хлѣбъ перевозился по 6,1 коп. съ вагона или по $^{1}/_{100}$ коп. съ пуда и версты за все разстояніе.

Если тогда признавалось возможнымъ установить провозную плату на хлѣбъ [1]) въ $^{1}/_{100}$ коп. съ пуда и версты, то почему же теперь та же провозная плата въ $^{1}/_{100}$ коп. съ пуда и версты можетъ смущать кого-либо и вызывать особыя возраженія противъ нея?

---

[1]) По настоянію Министра Финансовъ, полагавшаго этимъ облегчить сельское хозяйство.

По этому тарифу, напримѣръ, провозъ вагона хлѣба отъ Курска до Волочиска, вмѣсто 111 руб. 13 коп., стоилъ всего 68 руб. 91 коп., до Границы, вмѣсто 142 руб. 98 коп., всего 92 руб. 71 коп., до Радзивилова, вмѣсто 114 руб. 55 коп., всего 70 руб. 62 коп.

Къ сожалѣнію, этотъ тарифъ былъ установленъ только къ границамъ Австріи и Румыніи, которыя совсѣмъ не нуждаются въ нашемъ хлѣбѣ, и сами посылаютъ свой хлѣбъ по сухопутной границѣ въ Германію, вслѣдствіе чего это пониженіе тарифовъ почти никакой пользы дѣлу не принесло. Совсѣмъ иное было бы, если бы этотъ тарифъ былъ установленъ къ нашимъ Балтійскимъ и Черноморскимъ портамъ; тогда съ увѣренностью можно сказать, мы не только бы ничего не потеряли, но напротивъ, выиграли бы, вытѣснивъ своимъ дешевымъ хлѣбомъ съ остальныхъ европейскихъ рынковъ, кромѣ германскаго, всѣхъ нашихъ соперниковъ и расширили бы свой сбытъ, вмѣсто того, чтобы сократить его, какъ это произошло за время таможенной войны, чему не мало способствовало значительное повышеніе хлѣбныхъ тарифовъ къ портамъ съ 1 августа 1893 года, то есть въ самый разгаръ таможенной войны.

Эта мѣра, то есть громадное пониженіе, съ цѣлью облегченія сельскаго хозяйства, хлѣбныхъ тарифовъ къ границамъ, къ которымъ невозможно было ожидать значительнаго движенія хлѣбныхъ грузовъ и одновременно весьма значительное повышеніе тарифовъ на хлѣбъ къ портамъ и границамъ, куда онъ всегда обязательно направлялся и все-таки пошелъ, не смотря на повышенный тарифъ,—весьма удивительно.

Разумѣется, если бы, напримѣръ, отъ Курска провозъ вагона хлѣба до Либавы обходился всего 87 руб. 24 коп. вмѣсто 136 руб. 93 коп., или до Одессы всего 78 руб. 49 коп., вмѣсто 126 руб. 93 коп., что составило бы пониженіе провозной платы почти на 9 коп. съ пуда, то и американцы не въ состояніи были бы съ нами соперничать, а Германія, упуская нашъ дешевый хлѣбъ, должна была бы пользоваться сравнительно дорогимъ хлѣбомъ другихъ государствъ и странъ, не принося намъ ни малѣйшаго вреда. Несомнѣнно, что при такихъ обстоятельствахъ Германія первая сложила бы оружіе и прекратила бы распрю на выгодныхъ для насъ условіяхъ, а на дѣлѣ вышло наоборотъ: мы съ повышенными тарифами начали терпѣть такой сильный застой въ хлѣбной торговлѣ, приносившій намъ милліонные убытки, что вынудило насъ самихъ итти на всякія уступки во избѣжаніе этихъ убытковъ.

Какъ бы мы дешево ни производили хлѣбъ, но при существующихъ порядкахъ перевозки, и торговли хлѣбомъ мы по настоящему ни съ кѣмъ не можемъ соперничать, и существующій вывозъ хлѣба по убыточнымъ цѣнамъ это, собственно говоря, какое-то уже безсознательное

напряженіе нашего находящагося въ агоніи земледѣлія, разорившаго за послѣднее время всѣхъ занимающихся имъ съ промышленной цѣлью! На что мы можемъ далѣе надѣяться при подобномъ положеніи дѣлъ и томъ глубокомъ имущественномъ истощеніи всего сельскаго населенія земледѣльческой полосы Россіи—это вопросъ, который пока разрѣшается самымъ безотраднымъ образомъ. Можемъ ли мы еще соперничать по вывозу хлѣба на иностранныхъ рынкахъ съ другими странами безъ окончательнаго экономическаго погрома, покажетъ намъ ближайшее будущее. Что мы можемъ сдѣлать, напримѣръ, съ такимъ фактомъ, что американцамъ провезти хлѣбъ отъ Чикаго до Нью-Іорка за 1523 версты стоитъ 14,7 коп. кредитныхъ съ пуда, а намъ на то же разстояніе, положимъ отъ Тамбова до Либавы,—23,63 коп.? Какъ мы можемъ соперничать при этихъ условіяхъ съ американцами, имѣя въ виду еще, что и фрахтъ отъ Нью-Іорка (4,72 коп. кред.) до Лондона дешевле, чѣмъ отъ Либавы почти на копѣйку съ пуда?

Чтобы закончить съ хлѣбными тарифами, слѣдуетъ упомянуть о томъ странномъ пріемѣ, къ которому прибѣгаетъ мой противникъ для доказательства справедливости установленія пониженныхъ навигаціонныхъ тарифовъ.

Главнымъ основаніемъ справедливости ихъ по отношенію къ сельскому хозяйству, онъ выставляетъ то, что противъ ихъ установленія не возражали представители Херсонской и Воронежской губерній, которымъ, собственно говоря, никакого дѣла нѣтъ до того, по какой цѣнѣ будетъ возить хлѣбъ отъ волжскихъ пристаней до Петербурга и другихъ мѣстъ сѣверной Россіи. Возраженіе, что иначе хлѣбъ пойдетъ по водному пути, также не имѣетъ существеннаго значенія, потому что желѣзныя дороги ни въ какомъ случаѣ не могутъ соперничать въ стоимости перевозки грузовъ съ водными путями, а слѣдовательно установленіе пониженныхъ навигаціонныхъ тарифовъ, напримѣръ, отъ волжскихъ пристаней является самой простой и очевидной несправедливостью противъ земледѣльцевъ всей средней Россіи, которые вынуждаются понижать свои цѣны на хлѣбъ ниже уровня ихъ на волжскихъ пристаняхъ на всю разницу въ стоимости провоза для того, чтобы не потерять покупателей. Если эта пониженная плата за провозъ выгодна для желѣзныхъ дорогъ, то почему же ее не распространить на всю сѣть дорогъ, а если она устанавливается лишь съ цѣлью уменьшенія цѣнъ на хлѣба во внутреннихъ губерніяхъ, то это совершенно не соотвѣтствуетъ государственному значенію желѣзныхъ дорогъ. Такъ какъ мой противникъ требуетъ еще доказательства этой очевидной для всякаго истины, то я привожу здѣсь

выдержку изъ доклада комиссіи сенатора В. К. фонъ-Плеве, которая можетъ быть уяснитъ ему значеніе навигаціонныхъ тарифовъ.

„Другой недостатокъ желѣзнодорожной классификаціи, вызывающій жалобы сельскихъ хозяевъ, а именно *чрезмѣрныя пониженія тарифовъ* для отдаленнѣйшихъ раіоновъ, вслѣдствіе чего искусственно подавляется промышленное развитіе раіоновъ, ближайшихъ къ рынку, по мнѣнію Комиссіи, могъ быть устраненъ введеніемъ въ законъ оговорки, безусловно воспрещающей назначать отъ ближайшихъ станцій высшую провозную плату, нежели отъ дальнѣйшихъ. Такого рода правило, издавна существующее въ желѣзнодорожномъ законодательствѣ Пруссіи, Франціи и Австріи и въ недавнее время введенное въ Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, не чуждо и нашему желѣзнодорожному правилу. § 12 устава Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, введенный въ уставы почти всѣхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, назначая для товарныхъ грузовъ извѣстныя предѣльныя ставки и устанавливая для нихъ опредѣленныя скидки при различныхъ разстояніяхъ перевозки, требуетъ, „чтобы при пониженіи тарифа по разстояніямъ провозная плата за большее разстояніе ни въ какомъ случаѣ не была меньше той, какая причитается за разстояніе меньшее“. Однако, это ясное указаніе закона примѣнялось нашею желѣзнодорожною практикою лишь къ нѣкоторымъ тарифнымъ разрядамъ, при назначеніи же тарифовъ пониженныхъ и спеціальныхъ, по которымъ перевозится наибольшее количество хлѣбныхъ грузовъ, желѣзныя дороги нерѣдко назначали за большее разстояніе сравнительно меньшую плату, и товаро-хозяевамъ былъ иногда разсчетъ отправлять грузъ на одну изъ станцій, лежащихъ въ направленіи, противоположномъ совершаемой перевозкѣ, для того, чтобы воспользоваться пониженнымъ тарифомъ. Едва-ли нужно указывать, что предоставленіе особыхъ выгодъ отдаленнымъ мѣстностямъ, которыя по сравненію съ ближайшими пользуются низшими цѣнами на землю и на рабочія руки, противорѣчитъ справедливости. Конечно, желѣзныя дороги, подчиняясь свойственному имъ стремленію сглаживать мѣстныя разницы, могутъ выравнивать провозную плату съ отдаленныхъ и ближайшихъ станцій, предоставляя раіонамъ тѣхъ и другихъ одинаковыя условія при взаимномъ соперничествѣ на тѣхъ же рынкахъ; но ставить отдаленныя мѣстности въ привилегированное положеніе онѣ не должны, такъ какъ этимъ нарушаются всѣ разсчеты, на которыхъ строится хозяйство вообще, а въ особенности сельское. Сельскій хозяинъ ближайшихъ къ рынку мѣстностей не имѣетъ права сѣтовать на желѣзную дорогу, если она распространяетъ блага дешеваго провоза на отдаленныя мѣстности, но онъ имѣетъ полное основаніе настаивать на

томъ, чтобы его отдаленному сопернику не было оказываемо большаго покровительства по части перевозки, чѣмъ-то, какимъ пользуется онъ самъ. Такое настояніе представляется лишь требованіемъ, вытекающимъ изъ общаго начала, въ силу коего желѣзнымъ дорогамъ не дозволяется предоставлять одному какому-либо классу отправителей такихъ льготъ при тарификаціи, которыми не пользуются другіе, находящіеся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ".

Приведенныя слова весьма поучительны и могутъ быть съ одинаковой пользой отнесены какъ къ навигаціоннымъ тарифамъ, такъ и къ общему строю нашихъ хлѣбныхъ тарифовъ.

Доказывать цифрами вредъ, который наносятъ навигаціонные тарифы, хотя бы отъ волжскихъ пристаней, земледѣлію средней Россіи, даже не стоитъ, достаточно только привести такой примѣръ, что доставка до Петербурга вагона пшеницы отъ Курска на 1,111 вер. обойдется на 7 руб. 62 коп. дороже, чѣмъ отъ Самары на 1,645 верстъ. Слѣдовательно, Курскъ долженъ или понизить цѣну на хлѣбъ на 7 руб. 62 коп. на вагонъ пшеницы противъ стоимости ея въ Самарѣ, или лишиться такого громаднаго рынка сбыта, какъ Петербургъ. Но если принять во вниманіе, что въ Курской губерніи вслѣдствіе втрое или вчетверо болѣе значительной цѣнности земли, чѣмъ въ Самарской губерніи, стоимость производства хлѣба обходится на 15—20 коп. на пудъ дороже, чѣмъ въ Самарской губерніи, то понятно, что курянину невозможно безъ полнаго разоренія продать свой хлѣбъ дешевле, чѣмъ земледѣльцу Самарской губерніи. Обратно, самарскій земледѣлецъ можетъ выручать за свою пшеницу дороже на 7 руб. 62 коп. съ вагона, чѣмъ курскій, несмотря на болѣе дешевую стоимость ея производства. Между тѣмъ Петербургъ и Петербургская губернія далеко не такой малый хлѣбный рынокъ, которымъ можно было бы пренебрегать; къ одному Петербургу по желѣзнымъ дорогамъ подвозится около 41 милліона пудовъ хлѣба, изъ которыхъ болѣе 30 милліоновъ доставляется съ Приволжскихъ дорогъ. Если мы такъ дорожимъ германскимъ хлѣбнымъ рынкомъ, который потребовалъ нашего хлѣба, напримѣръ, въ 1893 году всего около 26 милліоновъ пудовъ, то естественно хозяевамъ всей Россіи дорожить такимъ крупнымъ хлѣбнымъ рынкомъ, какъ Петербургъ; и отдавать его въ монопольное пользованіе всего нѣсколькихъ губерній, и то самыхъ отдаленныхъ, по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Вообще какъ навигаціонные наши тарифы отъ волжскихъ пристаней, такъ и весь строй нашихъ хлѣбныхъ тарифовъ, повидимому, направлены къ одной цѣли — возможнаго обезцѣненія главнаго продукта населенія срединной густо населенной Россіи—хлѣба и возможно искус-

ственнаго поднятія цѣны на него въ пустынныхъ восточныхъ окраинахъ, что производитъ коренную ломку экономическихъ и сельскохозяйственныхъ условій Россіи, съ одной стороны, лишая послѣднихъ средствъ къ существованію населеніе среднихъ густо населенныхъ губерній и обезцѣнивая тамъ землю до полнаго разоренія ея владѣльцевъ, съ другой же—баснословно поднимая цѣнность земель на восточныхъ окраинахъ, которыя раньше, при своей дешевизнѣ, служили прекраснымъ мѣстомъ для отлива избытка населенія изъ среднихъ губерній, но теперь по своей дороговизнѣ начинающихъ дѣлаться недоступными для покупки малоимущими переселенцами, которые могутъ находить тамъ себѣ заработки лишь батрачнымъ трудомъ у владѣльцевъ, предусмотрительно захватившихъ раньше эти земли даромъ (башкирскія) или за безцѣнокъ. Не знаю, можно ли признать такое направленіе хлѣбныхъ тарифовъ правильнымъ или нѣтъ, но съ увѣренностью говорю, что это поведетъ къ безусловному разоренію всей средней Россіи.

Предложеніемъ пониженія хлѣбныхъ тарифовъ до $^1|_{100}$ коп. съ пудоверсты во всѣхъ сообщеніяхъ нисколько не нарушаются существующія условія для восточныхъ губерній, напротивъ, цѣна хлѣба тамъ еще должна будетъ повыситься съ уменьшеніемъ провозной платы, но нужно же дать хотя сколько-нибудь свободнѣе вздохнуть земледѣльческому населенію остальной Европейской Россіи, дошедшему до полнаго имущественнаго изнеможенія, хотя бы предоставленіемъ ему возможности перевозить свое главное произведеніе—хлѣбъ по сколько-нибудь божеской цѣнѣ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о морскихъ фрахтахъ, о которыхъ такъ развязно говоритъ мой противникъ, подкрѣпившись опять невѣрно подобранными цифрами.

Если я говорилъ о повышеніи фрахтовъ, то не голословно, а на основаніи офиціальныхъ данныхъ изъ трудовъ коммиссіи сенатора В. К. фонъ-Плеве, гдѣ на стран. 84 и 85 говорится:

„Далѣе къ недочетамъ нашей отпускной торговли слѣдуетъ отнести и то, что изъ заграничной цѣны, выручаемой нашимъ хлѣбомъ, приходится исключать расходы на морской фрахтъ и страхованіе, такъ какъ вслѣдствіе отсутствія у насъ торговаго флота руководство фрахтовымъ дѣломъ лежитъ за предѣлами Россіи, и колебаніе фрахтовъ въ нашихъ портахъ доходитъ до 50—100%. Средніе фрахты, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ портахъ за послѣдніе годы повысились. Фрахтъ до Лондона на пудъ пшеницы въ кред. коп. обходился:

	Отъ Ревеля.	Либавы.	Одессы.
1885	4,7	5,5	8,9
1886	4,3	5,0	7,3
1887	5,7	6,4	10,8
1888	6,8	7,2	13,0

Это повышеніе очень невыгодно для Россіи въ виду удешевленія фрахтовъ для Америки, гдѣ ихъ низкій уровень поддерживается значительнымъ пассажирскимъ движеніемъ и главное двухстороннимъ транспортомъ груза, дающимъ возможность держать правильные рейсы, наиболѣе выгодные для торговли. На нашъ вывозъ иностранныя компаніи смотрятъ, какъ на дополнительную работу для своихъ судовъ, незанятыхъ срочными и правильными рейсами въ другихъ болѣе устойчивыхъ сообщеніяхъ, дающихъ кромѣ того и обратные грузы".

Простая ариѳметика подтверждаетъ, что фрахтъ отъ Одессы повысился съ 1886 года по 1888 годъ на 75%. Что касается приведенныхъ моимъ противникомъ свѣдѣній о фрахтахъ за послѣдующіе года безъ указанія источника, а именно, начиная съ 1888 по 1895 годъ, и его заключенія на этомъ основаніи о томъ, что у насъ фрахты вообще понизились на 37%, какъ и повсюду это замѣчается—то это совершенно не вѣрно.

Если даже принять на вѣру данныя моего противника, то выводъ всетаки выйдетъ противоположный тому, къ которому онъ пришелъ. Соединивъ цифры, приведенныя мною и имъ, такъ какъ я не имѣю другихъ офиціальныхъ данныхъ, получимъ слѣдующую таблицу фрахтовъ отъ Одессы за время съ 1885 г. по 1895 годъ.

1885 годъ	8,9 коп.	1890 годъ	8,59 коп.
1886 „	7,3 „	1891 „	11,10 „
1887 „	10,8 „	1892 „	8,13 „
1888 „	13,0 „	1893 „	7,97 „
1889 „	11,27 „	1894 „	8,21 „

Изъ этой таблицы мы видимъ, что самый низкій фрахтъ былъ въ 1886 году, затѣмъ онъ сильно повысился — до 75%, а потомъ колебался до 1892 года; когда же настало затишье въ хлѣбной торговлѣ онъ, можетъ быть, и понизился, но не доходилъ до уровня 1886 г. Если взять среднее изъ приведенныхъ фрахтовъ за время съ 1887 г. по 1895 годъ, то сравнительно съ 1886 годомъ повышеніе фрахтовъ окажется въ 35,62%, а никакого пониженія на 37% въ дѣйствитель-

ности не послѣдовало, и это невѣрное утвержденіе вводитъ читателей лишь въ заблужденіе.

Не могу я допустить, чтобы мой противникъ, обладая значительнымъ матеріаломъ о фрахтахъ, не зналъ о размѣрѣ ихъ въ 1885 и 1886 годахъ, слѣдовательно онъ выбралъ годъ (1888) самыхъ высокихъ фрахтовъ и съ ними дѣлаетъ сравненія.

Еще болѣе невѣрныя цифры приведены въ опроверженіе моего предположенія о нѣкоторой зависимости повышенія фрахтовъ на вывозъ хлѣба изъ черноморскихъ портовъ отъ сокращенія привоза къ этимъ портамъ каменнаго угля, обложеннаго таможенной пошлиной. Разумѣется, все это касается преимущественно Одесскаго порта, потому что каменный уголь почти исключительно къ нему и подвозился, а кромѣ того, Одесскіе фрахты пріобрѣли, повидимому, руководящее значеніе и для другихъ портовъ.

До установленія пошлины на уголь въ 1883 и 1884 году, къ намъ его привозилось по Черноморской границѣ не 18 милліоновъ пуд., а болѣе 20 мил., изъ коихъ болѣе 19 мил. пуд. въ одинъ Одесскій портъ; привозъ угля сократился не до 6 мил. пуд., а до 2.144,631 пуда въ 1892 году, изъ которыхъ прибыло въ Одесскій портъ 2.040,702 пуда.

Что касается количества вывозимаго нами хлѣба, мой противникъ говоритъ: „а хлѣба нашего вывозится изъ черноморскихъ портовъ не меньше 250 мил. пудовъ въ годъ, то-есть слишкомъ въ 20 разъ больше, чѣмъ то количество, на которое сократился подвозъ иностраннаго угля— какъ же могъ такой маленькій фактъ произвести такія (повышеніе фрахтовъ на хлѣбъ) громадныя послѣдствія?"

Непонятно, какъ можно съ такой самоувѣренностью говорить, основываясь опять-таки на совершенно вымышленныхъ цифрахъ? За періодъ времени съ 1886 по 1893 годъ по европейской границѣ изъ черноморскихъ портовъ, въ среднемъ, вывозилось по 142 мил. пудовъ, при колебаніяхъ отъ 61 мил. до 207 мил. пудовъ, при чемъ изъ Одесскаго порта, въ среднемъ, вывозилось 82 мил. пудовъ, при колебаніяхъ отъ 29 до 118 мил. пудовъ. Итакъ невѣрность въ приведенной цифрѣ всего только на сто слишкомъ милліоновъ пудовъ! Если бы къ этому даже присоединить еще вывозъ по азіатской границѣ не только пароходами, но даже разными парусными суденышками и лодками, составлявшій, въ среднемъ, за это время по 18 мил. пудовъ въ годъ, то и при этомъ оставалась бы еще невѣрность на цѣлые 90 мил. пуд. Для того, чтобы писать и помѣщать въ офиціальномъ журналѣ министерства финансовъ подобныя возраженія, основанныя на вымышленныхъ цифрахъ, нужно совершенно потерять уваженіе къ самому себѣ и къ читателямъ.

Для вывоза нашихъ грузовъ изъ Одессы требуется, въ среднемъ, около 900 пароходовъ, изъ нихъ около 600 пароходовъ приходитъ съ иностранными товарами, то-есть, спросъ на пароходы превышаетъ ихъ предложеніе на 50%, и фрахтъ сообразно этому всегда стоитъ повышенный; остальные 300 пароходовъ мы должны еще нанять по той цѣнѣ, какую они пожелаютъ взять. Не имѣя грузовъ для Одессы, они, разумѣется, требуютъ фрахтъ, который окупилъ-бы имъ оба конца пути. Дѣйствительно, пароходовладѣльцу почти все равно посылать пароходъ съ грузомъ или же съ балластомъ, расходы одни и тѣ же, а потому онъ естественно долженъ брать одинаково, везетъ ли онъ въ одну сторону балластъ, а въ обратную грузъ, или же везетъ въ обѣ стороны грузъ. Разъ такіе пароходовладѣльцы, нанимающіе свои пароходы для односторонней перевозки грузовъ, назначатъ какой либо фрахтъ, а онъ долженъ быть двойнымъ, то, разумѣется, и остальные пароходовладѣльцы, приславшіе свои пароходы съ грузами, имѣютъ полную возможность и себѣ требовать такой же двойной фрахтъ, нисколько не опасаясь чьего либо соперничества. Такимъ образомъ, имѣя надобность нанять 300 пароходовъ, хотя бы и за двойной фрахтъ, мы оказываемся вынужденными платить совершенно незаслуженно такой-же двойной фрахтъ и остальнымъ 600 пароходамъ. Это вполнѣ оправдывается дѣйствительностью. Фрахты повсюду въ мірѣ быстро и значительно понижаются. За время съ 1860-хъ годовъ до 1886 года фрахтъ отъ Одессы до Лондона понизился съ 31 коп. золот. до 7,3 коп. кред. за пудъ, а затѣмъ сильно повысился—почти на 75%—и теперь колеблется, не доходя до размѣровъ, бывшихъ въ 1886 году. Въ то же время съ 1880 года по 1890 годъ фрахтъ на перевозку угля изъ Англіи въ Одессу постепенно продолжалъ понижаться и съ 10 шиллинговъ дошелъ до 5—6 шиллинговъ за тонну, что составитъ 4—4½ кред. коп. за пудъ. Теперь намъ приходится платить за хлѣбные грузы фрахтъ отъ Одессы до Лондона не ниже 8 коп. въ то время, когда хлѣбъ везется отъ Нью-Іорка до Лондона за 4,72 коп. кред. за пудъ.

Если я говорилъ о возможномъ вліяніи уменьшенія привоза угля на повышеніе фрахтовъ на вывозимый хлѣбъ, то это на томъ основаніи, что въ Одессу за послѣднее десятилѣтіе, въ среднемъ, ежегодно приходитъ всего только около 300 англійскихъ пароходовъ безъ груза для погрузки нашимъ хлѣбомъ, вмѣстимостью, въ среднемъ, каждый отъ 70 до 80 тысячъ пудовъ, то-есть всего поднимающіе отъ 21 до 24 мил. пудовъ. Если бы они приходили съ углемъ, то несомнѣнно, что такое сравнительно ничтожное количество угля нисколько не могло бы влiять на развитіе нашего угольнаго дѣла, а только оживило бы промышленность въ

мѣстностяхъ тяготѣющихъ къ Одессѣ, но въ то же время, разумѣется, за вывозъ нашихъ грузовъ, обратно въ Англію пароходовладѣльцы брали бы не дороже, чѣмъ за рейсъ изъ Англіи къ намъ, и мы платили бы за доставку нашего хлѣба въ Англію навѣрное не дороже 4-хъ копѣекъ, что составляло бы для одной Одессы, отпускающей 82 мил. пудовъ хлѣба, разницу болѣе 3 мил. рублей, изъ которыхъ около 1 мил. рублей заплатили бы за доставку намъ угля, а 2 милліона составили бы чистую прибыль Россіи, которая теперь идетъ всецѣло въ пользу различныхъ пароходовладѣльцевъ. Развивать въ подробности это, разумѣется, здѣсь не мѣсто, но во всякомъ случаѣ объ этомъ стоитъ подумать.

Перехожу далѣе ко второму возраженію, а именно: о тарифахъ на животныхъ и продукты животноводства.

(Продолженіе будетъ).

С. Короленко.

Больше свѣта!..

«Въ просвѣщенномъ государствѣ общественное мнѣніе пользуется подобающимъ ему значеніемъ въ государственной жизни».

Гольцендорфъ.

Учрежденная при министерствѣ юстиціи, по Высочайшему повелѣнію, комиссія для пересмотра Судеб. Уставовъ въ свое время вызвала не мало толковъ и въ печати, и въ обществѣ. И это, конечно, вполнѣ понятно. Правильное отправленіе судебнаго дѣла близко касается всего общества и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ государственнаго строя.

Этотъ взглядъ, кажется, раздѣляли и дѣятели вышеупомянутой комиссіи. Говоримъ,—„кажется“, на основаніи тѣхъ первоначальныхъ шаговъ, которые были сдѣланы этою комиссіей. Послѣдняя путемъ печати, между прочимъ, заявила, что къ ея трудамъ будутъ привлечены „свѣдующіе люди“, что всякое дѣльное мнѣніе въ печати всегда встрѣтитъ должную оцѣнку среди ея членовъ и что ея труды будутъ появляться въ печати и такимъ образомъ дѣлаться достояніемъ всесторонней критики.

Съ того времени, какъ было высказано это, прошло слишкомъ много времени, а дѣйствительность, къ сожалѣнію, не вполнѣ оправдала заявленія комиссіи.

О ея дѣятельности находимъ лишь нѣкоторыя свѣдѣнія въ Журналѣ Министерства Юстиціи. Все, что появлялось въ общей печати весьма отрывочно, основано на слухахъ и не даетъ никакого представленія о дѣятельности комиссіи.

Недавно въ газетахъ было сообщено „въ видѣ слуха“, что въ комиссію однимъ изъ ея членовъ, „весьма свѣдущимъ“ въ вопросахъ мировой юстиціи, внесено предложеніе о преобразованіи учрежденія С.-Петербургскихъ Столичныхъ Мировыхъ Судей. Авторъ предложенія все зло видитъ „въ зависимости мировыхъ судей отъ домовладѣльцевъ“, которую и „предлагаетъ уничтожить“.

Вотъ все сообщеніе: оно весьма кратко, но наводитъ на нѣкоторые размышленія и вопросы.

Прежде всего, какимъ способомъ сочинитель проекта предполагаетъ уничтожить зависимость с.-петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей отъ домовладѣльцевъ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ—уничтоженіемъ права городской думы выбирать мировыхъ судей.

Мы рѣшительно возстаемъ противъ такого рѣшенія.

Какія бы нареканія, и часто весьма справедливыя, ни дѣлались на столичныхъ мировыхъ судей, сколько бы ошибокъ и, скажемъ даже, злоупотребленій ни было въ ихъ дѣятельности, выборное начало въ этомъ столько же повинно, сколько повинно всякое правительство во всякомъ государствѣ въ преступныхъ дѣйствіяхъ своихъ чиновниковъ. Смѣшивать въ данномъ случаѣ систему съ ея кажущимися послѣдствіями—слишкомъ грубый пріемъ, совсѣмъ не укладывающійся въ програму государственнаго дѣятеля.

Въ данномъ случаѣ виновата не дѣйствующая система выборовъ мировыхъ судей думою, а тѣ крайне неудовлетворительныя начала, которыя положены въ основу выборовъ самихъ гласныхъ думы—это прежде и главнѣе всего. Есть старинная русская пословица, сложившаяся подъ вліяніемъ вѣкового опыта: „каковъ попъ, таковъ приходъ". Эта пословица вполнѣ примѣнима къ настоящему случаю и прекрасно обрисовываетъ положеніе дѣла. Наши доморощенные охранители, которымъ всякое выборное начало стоитъ костью въ горлѣ, пожалуй, и эту пословицу обратятъ въ доводъ противъ цѣлесообразности выборовъ судей думою. На это мы можемъ только отвѣтить, что въ такихъ случаяхъ ни одинъ даже чудакъ не предложитъ измѣнять религію прихода, а потребуетъ удаленія „попа" и измѣненія условій его назначенія. То же надлежитъ сказать и относительно выборовъ гласныхъ думы и мировыхъ судей.

Затѣмъ, нас крайне удивляетъ, почему авторъ предложенія говоритъ только объ упорядоченіи учрежденія с.-петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей? Одно изъ двухъ: или онъ находитъ, что во всѣхъ другихъ городахъ, въ которыхъ дѣйствуетъ городовое положеніе, мировой судъ стоитъ на должной высотѣ, или что его система „уничтоженія" зависимости мировыхъ судей отъ домовладѣльцевъ" не примѣнима къ другимъ городамъ. Въ обоихъ случаяхъ получается вопіющая несообразность, идущая въ разрѣзъ и съ логикою фактовъ и съ законченностью міровоззрѣнія...

Это даетъ намъ основаніе заявить, что авторъ разсматриваемаго положенія едва ли правильно названъ „весьма свѣдущимъ“ въ вопросахъ мировой юстиціи.

Обращаясь къ положительной сторонѣ дѣла, мы можемъ заявить, и это считаемъ нашимъ долгомъ, что мировая юстиція дѣйствительно требуетъ упорядоченія и преобразованія нѣкоторыхъ ея основъ. Въ доказательство мы приведемъ, на основаніи нашихъ личныхъ наблюденій и изученія литературы предмета, нѣкоторыя соображенія, которыя, насколько намъ извѣстно, еще не обсуждались въ нашей печати — спеціальной, юридической, и общей.

Наши мировыя установленія, образованныя подъ воздѣйствіемъ высоко-человѣчныхъ началъ, возложившихъ на само общество отправленіе правосудія, безспорно составляютъ неувядаемый лавръ въ вѣнкѣ покойнаго императора Александра II, этимъ установленіемъ наши излюбленные люди—думскіе гласные должны были бы всегда дорожить и охранять его, какъ святыню, отъ нареканій и отъ всего, что можетъ бросить тѣнь на этотъ славный плодъ славнаго царствованія.

Безполезно скрывать, что въ дѣйствительности вышло иное.

Наши „излюбленные“ люди таковыми могутъ быть названы лишь по недоразумѣнію, такъ какъ въ подавляющемъ числѣ случаевъ выгоды этихъ „излюбленныхъ“ людей совершенно не совпадаютъ съ нуждами общества. Неудивительно, что это противорѣчіе интересовъ отразилось также и на мировомъ правосудіи. Не заглядывая въ глушь провинціи, гдѣ уже, такъ сказать, самъ Богъ не возбраняетъ порадѣть родному или нужному человѣчку, и останавливаясь на дѣятельности только нашего С.-Петербургскаго столичнаго мирового суда, какъ она выразилась въ кассаціонной практикѣ сената, отчетахъ министерства юстиціи и многочисленныхъ данныхъ, въ изобиліи появившихся въ повременной печати, мы ясно и отчетливо видимъ всѣ недостатки этого суда. Съ одной стороны кассаціонная практика сената и отчеты министерства юстиціи доказываютъ обиліе нарушенія „обрядовъ и формъ судопроизводства“ и „прямого смысла законовъ“, съ другой — сама жизнь на каждомъ шагу обнаруживаетъ неудовольствіе общества. Это неудовольствіе особенно рѣзко и единодушно выразилось напр. у насъ въ Петербургѣ въ 1893 г., при выборѣ новаго состава мировыхъ судей.

Очевидно, въ установленіи мировыхъ судей имѣется *нѣчто* неладное.

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ мы считаемъ смѣшеніе двухъ совершенно противоположныхъ обязанностей въ однихъ и тѣхъ же ли-

цахъ. Въ мировомъ установленіи второю инстанціей является мировой съѣздъ. Онъ состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ мировыхъ судей, которые отправляютъ правосудіе въ качествѣ первой судебной инстанціи и которые въ съѣздѣ постоянно чередуются и другъ друга взаимно повѣряютъ. Эта система, привлекательная въ теоріи съ широкимъ размахомъ мысли, оказалась несостоятельною на дѣлѣ. Всякій изъ нашихъ мировыхъ судей, по правилу — homo sum et nihil humanum a me alienum esse puto, — чувствуетъ наличность извѣстныхъ недочетовъ въ своей дѣятельности, а потому каждый относится по возможности благодушно къ исполненію своей сегодняшней обязанности повѣрять своего сотоварища, который завтра въ свою очередь будетъ повѣрять его дѣйствія. Вотъ почему мировой съѣздъ волей-неволей почти всегда утверждаетъ рѣшеніе мировыхъ судей. До сената же не всякій можетъ и умѣетъ доходить.

Настоятельно необходимо, чтобы вторая степень мирового суда — мировой съѣздъ—представлялъ собою учрежденіе вполнѣ самостоятельное, не имѣющее никакихъ личныхъ точекъ соприкосновенія съ первою — мировымъ судомъ.

Оставляя неприкосновеннымъ выборное начало, надлежитъ поставить мировыхъ судей отдѣльно отъ мирового съѣзда. Мировыми судьями и членами мирового съѣзда должны быть отдѣльныя лица, особо на этотъ предметъ избираемые думою. Единственнымъ возраженіемъ противъ этого крайне необходимаго раздѣленія обязанностей можетъ быть то, что у города явится еще новый расходъ на содержаніе членовъ съѣзда. Но это возраженіе по существу ничтожно.

Не говоря уже о томъ, что правильное отправленіе правосудія обязательно должно стоять выше благонамѣренной расчетливости во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, самый расходъ на содержаніе членовъ съѣзда будетъ самъ по себѣ весьма незначителенъ. Такъ напр. весь расходъ на содержаніе столичныхъ мировыхъ съѣздовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, по расчету 5—6 членовъ на два отдѣленія—уголовное и гражданское, выразится всего въ суммѣ 15—18,000 руб., что при ежегодныхъ милліонныхъ бюджетахъ обоихъ городовъ не можетъ представить никакого обремененія. Въ дѣйствительности же и этотъ примѣрный расходъ будетъ еще меньше. Мировые судьи, освобожденные отъ обязательнаго присутствія въ засѣданіяхъ съѣзда въ теченіе одного дня каждой недѣли, могутъ и должны этотъ день употреблять на разборъ дѣлъ въ своей камерѣ. Такимъ образомъ у всѣхъ мировыхъ судей прибавится въ недѣлю по одному лишнему присутственному дню. Прямымъ послѣдствіемъ этого явится полная возможность

расширить границы мировыхъ участковъ, т. е. уменьшить число мировыхъ судей, а значитъ уменьшить ежегодный расходъ на нихъ содержаніе.

При такомъ положеніи дѣла весь расходъ на содержаніе отдѣльнаго состава мироваго съѣзда выразится для Петербурга и Москвы всего въ 5 — 6 тысячъ рублей, а для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ въ 1—2 тысячи рублей.

Такимъ образомъ противъ выдѣленія мироваго съѣзда въ самостоятельное учрежденіе для уничтоженія совершенно неправильнаго смѣшенія двухъ обязанностей не можетъ быть никакого возраженія съ финансовой стороны. Съ государственной же точки зрѣнія это выдѣленіе неотложно, ибо обезпечиваетъ правильное отправленіе правосудія.

Другимъ, также весьма важнымъ недостаткомъ мировой юстиціи, по нашему мнѣнію, надлежитъ считать существующее ограниченіе для принесенія кассаціонныхъ жалобъ въ сенатъ. Въ настоящее время исковыя дѣла до 30 рублей рѣшаются окончательно по существу въ первой инстанціи и кассаціонно — во второй инстанціи. Этого рода дѣла не подлежатъ кассаціанному разсмотрѣнію сената, съ какими бы вопіющими закононарушеніями они ни были разрѣшены въ первыхъ двухъ судебныхъ мировыхъ инстанціяхъ.

Законодатель введеніемъ этого ограниченія преслѣдовалъ, вѣроятно, одну цѣль—уменьшенія наплыва жалобъ въ сенатъ. Живая дѣйствительность, повседневный опытъ показываютъ, что эта цѣль достигается на счетъ правильнаго отправленія правосудія. Послѣдствіе совершенно нежелательное и создающее прискорбныя жалобы въ обществѣ на недостатокъ правосудія.

Мы рѣшительно осуждаемъ всякое ограниченіе путей къ достиженію правосудія. Прежде всего надлежитъ не забывать, что для другого тяжущагося и сумма до 30 рублей имѣетъ весьма существенное значеніе въ его скромномъ хозяйствѣ. Съ другой стороны—принципіальной—*каждое* дѣло, безъ всякаго отношенія къ его суммѣ, *должно быть* рѣшено на точномъ основаніи существующихъ законовъ, т.-е. правосудно. Теперь же является весьма нежелательное положеніе, при которомъ правосудіе составляетъ какъ бы привилегію судебныхъ дѣлъ, превышающихъ 30 рублей...

Для облегченія доступа каждому къ правосудію слѣдовало бы также уничтожить и кассаціонный залогъ. Требованіе этого залога также въ высшей степени несправедливо, ибо оно создаетъ для лицъ, находящихся юридически въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, положеніе неравное: однимъ, болѣе состоятельнымъ, открыта возможность добиться отмѣны рѣшенія, постановленнаго противъ него судомъ съ нарушеніемъ закона, у другихъ, неимущихъ, такая возможность отнята. Законъ скорѣе долженъ

брать подъ свою охрану слабыхъ, нежели наоборотъ. Справедливѣе было бы установить пеню за принесеніе кассаціонной жалобы, на случай признанія сенатомъ такой жалобы совершенно безосновательною. Право доступа въ сенатъ по каждому дѣлу — невольно подтянетъ мировую юстицію и побудитъ ее болѣе внимательно относиться и къ относительно мелкимъ дѣламъ. Если же и при этомъ условіи будетъ обиліе кассаціонныхъ жалобъ, то это явленіе лишь подтвердитъ неотложную необходимость дальнѣйшаго преобразованія мирового суда: болѣзнь будетъ своевременно выяснена, и дѣло останется только за принятіемъ надлежащихъ мѣръ лѣченія. Никто не станетъ, конечно, отрицать чрезвычайно важнаго значенія своевременнаго установленія болѣзни какого-либо органа въ государственномъ организмѣ — это азбука государственнаго права и политической исторіи. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, весьма часто забываемъ азбуку, и поэтому постоянно приходится напоминать такія старыя истины, какъ, напримѣръ, слова знаменитаго наказа Екатерины II: „Государство повреждается, коль скоро погасаетъ дѣйствіе законовъ“ и „своевременно не исправляются поврежденія его начальныхъ основаній“...

Очевидно, что съ отмѣною ограниченія въ правѣ приносить въ сенатъ кассаціонныя жалобы на дѣла, рѣшаемыя мировымъ судомъ, кассаціонная дѣятельность мировыхъ съѣздовъ подлежала бы упраздненію и съѣзды остались бы только аппеляціонными инстанціями суда.

Изложенными, конечно, далеко не исчерпываются всѣ желательныя преобразованія „начальныхъ основаній“ мировой юстиціи. Но сужденія о послѣднихъ могутъ быть цѣлесообразны лишь при выполненіи комиссіей даннаго ею обѣщанія сдѣлать свои труды достояніемъ общества, а пока намъ остается лишь пожелать: „Больше свѣта!“

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Этнографическая чешско-славянская выставка въ Прагѣ.

Уже самая исторія возникновенія чешско-славянской этнографической выставки весьма любопытна и поучительна. Въ 1891 г. друзья чешской этнографіи собрались въ Прагѣ и рѣшили устроить чешско-славянскую этнографическую выставку. Собраніе выбрало комиссію, которая, въ свою очередь, позаботилась объ учрежденіи крайскихъ (уѣздныхъ) и мѣстныхъ комитетовъ, съ цѣлью собрать по всѣмъ мѣстамъ Чешскаго королевства (Чехіи, Моравіи и Силезіи) и въ другихъ мѣстахъ, населенныхъ чехами, этнографическій матеріалъ. Мысль о сооруженіи этнографической выставки въ Прагѣ встрѣчена была горячимъ сочувствіемъ повсюду, гдѣ только живутъ чехи, даже внѣ Чешскаго королевства, какъ напр. въ Венгріи у Словаковъ, составляющихъ близкую къ чехамъ отрасль Славянскаго племени. Спустя нѣкоторое время, образовалось болѣе чѣмъ 220 уѣздныхъ и мѣстныхъ выставочныхъ комитетовъ, которые, для облегченія своей трудной и сложной задачи, стали предварительно учреждать уѣздныя и мѣстныя этнографическія выставки. Объ оживленной, усердной и настойчивой дѣятельности комитетовъ свидѣтельствуетъ то замѣчательное обстоятельство, что съ 1892 года до начала 1895 года было устроено не менѣе 200 уѣздныхъ и мѣстныхъ этнографическихъ выставокъ, многія изъ нихъ отличались обиліемъ доставленныхъ предметовъ и помѣщались, большею частью, въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Селяне соперничали съ горожанами по части доставленія любопытнаго матеріала.

Отъ главнаго комитета объѣзжали посланцы, состоявшіе изъ знатоковъ дѣла, всѣ эти выставки и выбирали самые любопытные и цѣнные предметы, которые, затѣмъ, были перевезены въ Прагу и распредѣлены по отдѣламъ этнографической науки. Въ то же время уѣздные комитеты собирали деньги въ пользу пражской этнографической выставки, которая обойдется, приблизительно, въ 1.200,000 кронъ или 60,000 гульденовъ. Чешское населеніе, частью путемъ подписки на выставочный фондъ,

частью наличными деньгами, пожертвовало на сооруженіе выставки 400,000 кронъ, считая въ томъ числѣ 62,000 кронъ, отпущенныя пражскою думою. Чешскій сеймъ (снѣмъ) также ассигновалъ 124,000 кронъ. Остальные расходы будутъ покрыты сборами съ входныхъ билетовъ, выставочной лоттереи и т. д. Чешско-моравскій машинный заводъ и машинный заводъ Данька въ Прагѣ предоставили въ распоряженіе выставочной комиссіи безплатно паровые котлы и машины для электрическаго освѣщенія выставки, а техническія и административныя работы, большею частью, исполняются отдѣльными лицами и членами главной выставочной комиссіи также безвозмездно. Безъ этихъ сбереженій выставка стоила бы больше двухъ милліоновъ кронъ. Австрійское же правительство наотрѣзъ отказало во всякой поддержкѣ чехамъ.

Чешско-славянская этнографическая выставка помѣщается въ томъ самомъ обширномъ королевскомъ саду въ Стромовкѣ (Stromovka), въ которомъ въ 1891 году была расположена чешская юбилейная выставка, устроенная по случаю столѣтней годовщины *первой во всей Европѣ* промышленной выставки, состоявшейся въ 1791 году въ Прагѣ по случаю коронованія австрійскаго императора Леопольда II чешскимъ королемъ въ Прагѣ. Выставка занимаетъ площадь въ 350,000 квадратныхъ метровъ и имѣетъ около 80 павильоновъ, изъ которыхъ „Народоописательному (этнографическому) дворцу“ (Národopisny palác) отведено главное мѣсто. Обширныя площади удѣлены также „Старой Прагѣ“, маленькому городу, вмѣщающему рядъ достопримѣчательныхъ домовъ пражскаго древняго города (Stare mêsto) конца XVI столѣтія; „Чешской деревнѣ“ (ceská ves), въ которой построены настоящіе домики и хижины (chalupy) разныхъ типичныхъ чешскихъ деревень съ деревенскими: церковью (selská chrámy), кузницею (kovárna), мельницею (mlyn) и проч. и „мѣстомъ для народныхъ празднествъ и представленій“, носящихъ истиннонародный характеръ и знакомящихъ посѣтителей съ прошлымъ и настоящимъ Чешскаго народа въ Чехіи, Моравіи, Силезіи и верхней Угріи (словаковъ).

Покровителемъ (протекторомъ) выставки выбранъ извѣстный чешскій народолюбецъ графъ Янъ Гаррахъ и пражскій городской голова Грегоръ, предсѣдателемъ Владиміръ Ложанскій и товарищемъ предсѣдателя г.г. Гейслеръ, докторъ Гостинскій и Шубертъ.

У чеховъ хорошо осталась въ памяти славянская этнографическая выставка въ Москвѣ 1867 года, въ которой принимали участіе всѣ Славяне, и которая имѣла особое значеніе для всѣхъ Славянъ вообще и для Чеховъ въ особенности. Настоящая этнографическая чешско-славянская выставка въ Прагѣ питается этимъ прошлымъ, когда впервые передовые люди всѣхъ отраслей Славянства пользовались гостепріимствомъ москви-

чей, и петербуржцевъ, какъ теперь пользуются русскіе гости таковымъ-же въ Прагѣ, насколько это возможно и доступно въ осажденномъ австрійцами городѣ, не раздражая слишкомъ нѣмцевъ и евреевъ и очень чуткое австрійское правительство.

Тотъ, кто мало знаетъ чеховъ и незнакомъ съ исторіею этого стойкаго и намъ близкаго народа, съ его дарованіями, трудолюбіемъ, выдержкою и высокимъ культурнымъ развитіемъ, задается, пожалуй, вопросомъ: неужели восьмимилліонный народъ, разсѣянный при томъ въ Чехіи, Моравіи, Силезіи и верхней Венгріи и оставленный самъ себѣ, въ состояніи былъ создать такую величавую выставку, которая затмитъ иную „международную". А между тѣмъ чешско-славянская этнографическая выставка въ Прагѣ является народной въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ сооруженіи выставки принимали дѣятельное участіе всѣ чехи, пребывающіе въ чешскихъ земляхъ и въ Вѣнѣ, въ Америкѣ и даже Россіи. Народъ съ глубокимъ пониманіемъ дѣла и рѣдкимъ трудолюбіемъ собиралъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ всѣ болѣе или менѣе важные этнографическіе предметы и народъ-же, начиная съ бѣдныхъ словацкихъ горцевъ и кончая зажиточными ганацкими поселянами, считалъ долгомъ приносить посильныя лепты въ пользу пражской этнографической выставки, которая сама по себѣ служитъ вѣрнымъ отраженіемъ народнаго быта, народнаго просвѣщенія, народнаго труда и культурныхъ народныхъ стремленій и завоеваній. Чехи приложили все свое стараніе, трудъ, умъ и знаніе, чтобы осуществить это ихъ національное дѣло въ относительно небольшой трехлѣтній срокъ. Нужно замѣтить, что много предметовъ изъ Моравіи и отъ словаковъ надо было купить и перевезти въ Прагу. Къ 15 мая сего года, все оказалось оконченнымъ и выставка торжественно открыта, при чемъ тогда же было всенародно выражено желаніе, со стороны учредителей, чтобы большинство выставленныхъ предметовъ послужило бы основаніемъ чешско-славянскому этнографическому музею, безъ котораго теперь, по мнѣнію чеховъ, обойтись невозможно, для послѣдующаго шествія по пути науки, искусства и народнаго труда въ концѣ XIX столѣтія.

Мѣсто выставки въ Стромовкѣ въ четырехъ верстахъ отъ Праги около Сѣверной желѣзной дороги. Къ ней ведетъ конка, въ которой мѣсто стоитъ 10 крейцеровъ. За входъ на выставку по воскресеньямъ платится 30 крейцеровъ, въ прочіе дни 40 крейцеровъ.

Съ 15 мая до 30 іюля перебывало на выставкѣ милліонъ посѣтителей и съ того времени до конца сентября еще полмилліона, такъ что можно разсчитывать, что всѣ расходы будутъ покрыты, а затѣмъ весь барышъ полагается употребить на благотворительность и на поддержаніе

народнаго труда, кустарнаго промысла, который вездѣ видѣнъ на выставкѣ, гдѣ исключено всякое фабричное и машинное производство.

Входъ выставки украшенъ широкою аркою съ башнями и флагами и гербами сорока чешскихъ городовъ, а посрединѣ большой гербъ Чехіи, золотой левъ на красномъ полѣ. Подъ этою аркою входъ и выходъ и тутъ-же уборная для дамъ. За входомъ большая тераса съ рѣшеткою и широкою лѣстницею посрединѣ. Сойдя съ лѣстницы, посѣтитель не можетъ миновать искусно сдѣланную большую корону св. Вячеслава изъ живыхъ цвѣтовъ, подобранныхъ съ особымъ знаніемъ дѣла. Тутъ-же между двухъ аллей—углубленный лугъ, отлично остриженный, со свѣжею травою и окаймленный пышными розами всѣхъ цвѣтовъ и разной величины. За этимъ лугомъ стоитъ величественно на высокомъ гранитномъ поставѣ бронзовая конная статуя короля Георгія Подѣбрада, любимца Чешскаго народа, царствовавшаго въ 1458—1471 г. и водворившаго общій порядокъ и благоустройство страны и давшаго отпоръ незаконнымъ притязаніямъ римскихъ папъ. Подвигаясь къ этой статуѣ, съ правой стороны встрѣчаешь особый флигель для управленія выставки, а съ лѣвой: постройки для почты, полиціи и строительную канцелярію. Всѣ эти постройки красивы, съ причудами, въ стилѣ дачныхъ построекъ.

Въ тылу бронзовой статуи помѣщается въ особомъ павильонѣ музыкальный оркестръ, который играетъ утромъ и вечеромъ произведенія исключительно чешскихъ и др. славянскихъ композиторовъ. Съ правой и лѣвой стороны павильона установлены стулья для слушателей, за которыя уплачивается два крейцера. Налѣво академическая пивная—для студентовъ.

Главное центральное знаніе выставки (narodopisny palác) создано чехомъ архитекторомъ Мюнцбергеромъ и стоитъ одно около милліона гульденовъ; оно длиною 70, а шириною 40 метровъ, а башня посрединѣ высотою 51 метръ. Надъ нею покоится чешская корона. Боковыя галлереи, раздѣленныя по длинѣ на двѣ, имѣютъ каждая 95 метровъ длины и 50 метровъ ширины, все же зданіе занимаетъ 12,300 квадр. метровъ. Четырехугольникъ внутри съ куполомъ походитъ на огромный соборъ, гдѣ посрединѣ, на возвышеніи, какъ алтарь, стоитъ статуя чешскаго патрона св. Вячеслава, а впереди, съ обѣихъ сторонъ свв. Кирилла и Меѳодія. Съ правой стороны бронзовая группа: чехъ-пахарь (orac) со своимъ плугомъ и лошадью, а съ лѣвой, такая же аллегорическая: чехъ съ трудомъ управляетъ плугомъ, напряженіе и сила въ рукахъ и ногахъ и соотвѣтствующее выраженіе лица изумительно хороши. Вмѣсто лошади запряжены, обнявшись, три женщины разныхъ лѣтъ,—это Чехія, Моравія и Силезія. Группа эта трогательна и мастерски исполнена. Тутъ-же въ

этой залѣ находятся исторически замѣчательныя драгоцѣнности чешской короны, такъ называемыя кралевоградецкія, память королевы Елишки Пржемысловны. Съ боковъ по стѣнамъ уставленъ рядъ замѣчательныхъ по этнографіи всякаго рода построекъ, моделей: избъ (sedlnic), домовъ, церквей, мельницъ, башенъ, и т. п. Наконецъ, здѣсь же громадная, рельефная карта всѣхъ чешскихъ земель, длиною 11 и шириною 17 метровъ, стоимостью въ четыре тысячи гульденовъ. Тутъ же есть хоръ для оркестра и здѣсь происходило открытіе выставки, здѣсь говорились восторженныя рѣчи и происходятъ всякаго рода засѣданія, концерты и сборища.

Далѣе слѣдуетъ *литературный* отдѣлъ въ полномъ его объемѣ, для котораго не пожалѣли ни трудовъ, ни средствъ, такъ какъ все культурное развитіе чеховъ покоится именно на рядѣ писателей и ученыхъ, постепенно поднимавшихъ знамя народнаго возрожденія и сознанія. Тутъ имѣется все, касающееся основателя новѣйшей славистики—*Добровскаго*, лексикографа, писателя и историка—*Юнгманна*, поэта и писателя—*Коллара*, слависта, археолога, этнографа и историка *Шафарика*, поэта—*Челаковскаго*, чешскаго исторіографа—*Палацкаго*, физіолога—*Пуркинье*, журналиста—*Гавличка*, энциклопедиста—*Ригра*, писательницы—Божены *Нѣмцовой* и новѣйшихъ писателей, *Неруды*, *Фрича* и др., и всѣхъ остальныхъ дѣятелей ума и познаній. Это цѣлая палата и сокровище драгоцѣнныхъ книгъ, рукописей и т. п. предметовъ. Тутъ же особое помѣщеніе (čitárna) для желающихъ читать—читальня. Здѣсь же по близости, выставка *театральнаго отдѣла*, гдѣ живо представлены, во всѣхъ видахъ, моделяхъ, памятникахъ, картинахъ, портретахъ, и т. п. всѣ зачатки чешскаго театра, его возрожденіе и настоящее положеніе этого народнаго и культурнаго дѣла.

Далѣе слѣдуетъ *столярно-рѣзной отдѣлъ* всякой мебели: старой и новой, также деревянныхъ фигуръ, рамъ, посуды, послѣ слѣдуетъ выставка чешскаго извѣстнаго „богемскаго“ хрусталя, стекла, глиняныхъ, фаянсовыхъ и фарфоровыхъ вещей, также и всякой керамики, при чемъ каждый отдѣлъ обозначенъ цеховыми значками. Весьма замѣчательно собраніе старинной мебели съ инкрустаціею и тутъ же богатая разнообразная маіолика.

Вблизи находится *архитектурный отдѣлъ* съ множествомъ плановъ, рисунковъ и картинъ, также моделей и портретовъ выдающихся архитекторовъ, зодчихъ и строителей. Возлѣ помѣщается *музыкальный отдѣлъ* со всевозможными органами, піано, разными инструментами, нотами и портретами чешскихъ композиторовъ. Тутъ есть произведенія и портреты Сметаны, Дворжака, Направника, Главача и др. чешскихъ

композиторовъ. По сосѣдству находится *студенческій отдѣлъ* съ его воспоминаніями о 1348 и 1848 годахъ, когда студенты играли столь выдающуюся роль въ защитѣ Праги противъ шведовъ, противъ Наполеона I и во время перваго славянскаго конгресса въ Прагѣ (1848 года). Множество бюстовъ и портретовъ, также и манекеновъ студентовъ эпохи 1348, 1801 и 1848 годовъ дополняютъ этотъ отдѣлъ, гдѣ между прочимъ выставлены также секретные студенческіе журналы, газеты и рукописи.

Слѣдуетъ замѣтить, что чешскіе студенты очень потрудились въ устройствѣ и созданіи этой замѣчательной выставки, въ своемъ родѣ первой и очень важной въ культурно-этнографическомъ отношеніи. Вѣдь этнографія не касается только лица, говора, одежды, нравовъ и обычаевъ, нѣтъ, она обнимаетъ все человѣческое, составляя удѣлъ каждаго образованнаго человѣка и потому, какъ наука входитъ въ кругъ высшаго, не каждому дающагося воспитанія.

Отдѣлъ торговли вмѣщаетъ въ себѣ собраніе всякихъ подходящихъ къ сему произведеніи и производствъ. Тутъ же находится *нумизматическій отдѣлъ* цѣнностью въ полмилліона. Здѣсь же разныя карты, относящіяся до торговли, также вѣсы самаго разнообразнаго вида, времени и свойства; свѣдѣнія о сношеніяхъ народовъ; школьно-торговое дѣло; торговая литература и реклама. Жаль, что о сношеніяхъ славянъ между собою и съ Россіею нѣтъ ничего, какъ будто бы ихъ и не существовало. Имущественная правоспособность чешскихъ странъ и народа представлена графически, тутъ находится и карта народныхъ кассъ—сберегательныхъ, которыхъ такое множество въ чешскихъ земляхъ, что французы послали знатоковъ этого дѣла въ Чехію, чтобы изучить эти чешскія (zàlozna) ссудо-сберегательныя учрежденія, это великое богатство сбереженій, какого не находится нигдѣ въ другой странѣ!

Католическая церковь также имѣетъ свой особый отдѣлъ съ большими богатствами церковныхъ ризъ и церковной утвари. Здѣсь же всякаго рода воззванія и перечень мѣстъ священнаго поклоненія и паломничества (pouti).

Около религіи и церкви помѣщенъ отдѣлъ *чешскаго права и законодательства* со множествомъ важнѣйшихъ документовъ и печатей и далѣе идетъ *антропологическое и статистическое* отдѣленіе рѣдкостей.

Чешская географія (zemepis) имѣетъ свой отдѣлъ со множествомъ картъ, плановъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній. Въ особенности замѣчательны минералогическія и палеонтологическія карты, дающія понятіе въ совершенствѣ о чешскихъ земляхъ и ихъ богатствѣ.

Чешская женщина также далеко не забыта въ своемъ домашнемъ быту, въ работѣ и ея разносторонней производительности, какъ матери сыновъ, ведущихъ отчаянную борьбу за существованіе и свободу. На первомъ планѣ здѣсь множество картинъ чешскихъ художницъ; далѣе идутъ реликвіи, рукописи и портреты выдающихся дѣятельницъ, отличившихся на поприщѣ науки, литературы и благотворительности. Отсюда можно переходить *въ отдѣлъ женскихъ рукодѣлій и нарядовъ*. Тутъ охватываетъ насъ просто одно удивленіе: сколько здѣсь труда и искусства, сколько милліардовъ швовъ, узловъ, и уколовъ, какъ много вкуса и какое богатство рисунковъ. Лучшія работы и цвѣта у словаковъ, далѣе идутъ мораванки и за ними только чешскія произведенія, кокошники, шитые золотомъ или серебромъ; это настоящія каски, до того они ушиты тонкими нитками золота и серебра. Многія произведенія одежды украшены драгоцѣнными каменьями, а кружева и подобныя издѣлія тонки, разнообразны, отличаются преимущественно краснымъ цвѣтомъ. Вообще весь этотъ отдѣлъ очень богатъ, доказывая не только самостоятельность, но и не малую образованность и удивительное терпѣніе чешской женщины, этой вѣрной подруги и семьянинки.

Тутъ же весьма полное собраніе манекеновъ и фигуръ разной величины, въ моделяхъ чешскихъ селъ, домовъ и избъ, дающихъ понятіе о типѣ чешскаго народа, его нравахъ и обычаяхъ до мельчайшей его обстановки и употребляемыхъ въ домашнемъ обиходѣ предметахъ. Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе группа конныхъ селянъ въ девять человѣкъ, разукрашенныхъ лентами, цвѣтами, все очень красиво, представляющая деревенскую народную игру въ короля: для этого избираютъ какого-нибудь бѣднаго замарашку, пастуха, котораго наряжаютъ въ лучшее одѣяніе; его сопровождаютъ восемь молодцовъ и весь этотъ поѣздъ двигается изъ деревни въ деревню, гдѣ селяне подносятъ королю всякіе подарки, и чѣмъ продолжительнѣе такое шествіе, тѣмъ оно богаче приношеніями. Чехи любятъ играть въ короля со времени народнаго избранника Георгія Подѣбрада, и, не имѣя таковаго теперь, потѣшаются хоть подобною игрою, которая теперь уже воспрещена австрійскою полиціею.

Отдѣлы *народной литературы и религіи*, представленныхъ здѣсь въ перемежку съ типичными фигурами той или другой мѣстности, — послѣднихъ здѣсь до восемнадцати. Все это сдѣлано мастерски, типично и даетъ полнѣйшее понятіе о положеніи, жизни, нравахъ и обычаяхъ народа, которыхъ языкъ и литература тутъ же возлѣ, при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, даютъ обстоятельное понятіе о томъ, что такое этотъ чешскій народъ, непреклонно добивающійся государственной самостоятельности короны св. Вячеслава.

Лѣвѣе главнаго зданія этнографической выставки, дѣйствуетъ вѣтряная мельница (vetrni mlyn), турбина для поднятія воды и орошенія того мѣста, гдѣ по бокамъ ручейка расположены постройки чешскихъ селянъ (sedlàkuv) изъ разныхъ округовъ. Такихъ отдѣльныхъ дворовъ до 20 и между ними болѣе замѣчательны слѣдующія постройки: валашская деревня изъ Безкидскихъ горъ, съ мельницею тутъ же; словенская изба изъ южной Моравіи; изъ Великаго Мезирѣчія постройка гараковъ; постройки ганаковъ изъ Ганы въ Моравіи; ляшско-тѣшинская изба; силезная корчма и тутъ же и кузница (коварна); оравская изба съ производствомъ древеснаго угля; копаничарская изба; словацкая изба изъ верхней Угріи; цицманскій дворъ съ прудомъ по сосѣдству и тутъ же отдѣлъ рыболовства и старинная чешская мельница; однодворецъ изъ Новыхъ Градовъ (Nové Hrady—Neuhaus) изба изъ Яромѣржа; старая деревенская церковь съ кладбищемъ (hrbitov), очень похожая на такія церкви въ Россіи въ захолустьяхъ. Вблизи построенъ образецъ деревенской школы, тутъ же народный театръ Кашпарекъ пимперле—нашъ Петрушка, и далѣе домъ и изба изъ восточной Чехіи, окрестностей Глинска; однодворческія избы разныхъ округовъ; отдѣлъ пчеловодства, домъ сельскаго суда; лавка съ деревенскимъ виномъ и медомъ; сахароварство (cukrovarstvi), какъ представитель его, огромная голова сахара, наглядно представляющая количество сахара, поглощаемаго Прагою въ однѣ сутки — 14,000 центнеровъ.

Около этихъ построекъ деревень находятся также и городскія и именно Старой Праги (Stàra Praha), мѣстности малой площади (Malé nàmesta); это—площадь, существующая понынѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ домовъ и колодцемъ посрединѣ, съ оградою XV вѣка изъ желѣза и бронзы. Всѣхъ построекъ 27, считая также старую маленькую церковь. Особенно замѣчательна старая аптека со стклянками, кружками, колбами, ретортами и очагами временъ доктора Фауста.

Проклятіе или невольница Злата.

(Продолженіе).

XIX.

Отдохнувъ немного, Станко двинулся впередъ, а Злата за нимъ. Дошедши до подножія „Булбулдера“ (Соловьиная роща), Станко повернулъ налѣво, немного подальше цареградской дороги перешелъ булбулдерскій ручей и добрался до той чащи, которою въ то время былъ покрытъ нынѣ голый Врачарь... Очутившись въ чащѣ, они убавили шагъ, такъ какъ находились внѣ всякой опасности. По дорогѣ Злата разсказала своему спутнику о томъ, какъ ее турки насильно увезли, какъ тосковала она по родителямъ и братѣ, о томъ, что она единственная дочь у отца и матери, которыхъ она съ крайнимъ нетерпѣніемъ желаетъ скорѣе увидѣть.

Станко о чемъ-то задумался, и когда Злата кончила свой разсказъ, онъ ей сказалъ: „не горюй; Богъ поможетъ, увидишь!“

Въ воздухѣ уже чувствовалась утренняя свѣжесть. Звѣзды начинали меркнуть и на востокѣ алѣла зорька. Въ пылу разговора, они и не замѣтили, какъ очутились на хребтѣ, надъ селомъ Миріевомъ.

Здѣсь вблизи находилось и условленное мѣсто, гдѣ Станко хотѣлъ сдать Злату. Станко однако все поглядывалъ вдоль цареградской дороги, тянувшейся отъ Бѣлграда. Чумаковъ не было еще видно...

Немного погодя взошло солнце и кинуло яркій отблескъ на восточную сторону. Его сіяющіе лучи падали на вершины стройныхъ турецкихъ минаретовъ. И Злата, какъ и ея отецъ, увидѣвъ Бѣлградъ и эту громадину большихъ и малыхъ домовъ, спросила Станка: „А какое это село?“...

— „Это не село, дитя мое. Это Бѣлградъ“—объяснилъ Станко.

Злата вся задрожала и въ ужасѣ проговорила:

— Такъ развѣ это тотъ проклятый Бѣлградъ, въ которомъ я такъ долго томилась въ неволѣ?

— „Да,—это тотъ Бѣлградъ“,—отвѣтилъ ей Станко...

Злата, увидѣвъ Саву и Дунай, опять спросила: „что это за большія рѣки?“

— „Это Сава и Дунай“,—объяснилъ ей Станко.

За Савой и Дунаемъ развернулась передъ очами Златы Сремская и Банатская равнина, терявшаяся вдали подъ горизонтомъ, а на ней бѣлѣлись села и какія-то высокія башни; она опять спросила: „что тамъ вдали, на равнинѣ? Что это за башни?“ Станко ей отвѣчалъ, что— села, а эти башни—церкви съ колокольнями.

Злата въ жизни своей не слыхала звона колоколовъ, такъ какъ въ то время турки запрещали сербамъ строить колокольни, и звонить въ колокола...

— „А какой тамъ живетъ народъ? Неужели и тамъ турки?“

— „Нѣтъ, дитя мое! Тамъ живутъ сербы, которые такимъ же животворящимъ крестомъ крестятся, какъ и мы съ тобою“. Злата увидѣла и Фрушку-гору, замѣтила и Медвѣдникъ и Церъ и опять обратилась съ вопросомъ: „Какія это горы? Не Озренъ ли, Старая Планина и Ястребацъ это?“

— „Нѣтъ, дитя мое. Эти горы носятъ другія названія. Озренъ, Ястребацъ и Старая Планина далеко отсюда“.

Отвѣчая на вопросы Златы, Станко все поглядывалъ вдаль цареградской дороги и вдругъ радостно воскликнулъ: „Ахъ! вотъ и они!..“

Съ горы, какъ на ладони, виднѣлся обрывъ, надъ которымъ стоитъ нынѣшняя „Ашикъ-Михайлова-механа“, а также и старая дорога, извилинами поднимавшаяся на обрывъ.—Этой-то дорогой ѣхали 4—5 чумацкихъ телѣгъ. Буйволы переступали нога за ногу; едва замѣтно было ихъ движеніе. Шаговъ на 150—200 отъ обоза отсталъ одинъ изъ чумаковъ и, казалось, что у него одинъ буйволъ былъ закованъ (на Востокѣ буйволовъ подковываютъ). Этотъ чумакъ нарочно отсталъ отъ товарищей, онъ скрывалъ отъ нихъ свой уговоръ со Станкомъ потому, что ему безпрестанно мерещилось обѣщанное вознагражденіе, которымъ онъ не желалъ подѣлиться съ своими товарищами...

Четыре телѣги, двигавшіяся впереди, скоро проѣхали и скрылись изъ виду въ лѣсу. Станко подумалъ—не тотъ ли отставшій чумакъ и есть тотъ человѣкъ, съ которымъ онъ условился на счетъ Златы.

Станко не ошибся. Какъ только чумакъ поравнялся съ условленнымъ мѣстомъ, онъ приостановилъ своихъ буйволовъ, подложилъ пень подъ колесо, немного постоялъ и самъ затѣмъ свороти лъ налѣво въ лѣсъ. Прокрадываясь то здѣсь, то тамъ, онъ на одной полянѣ замѣтилъ Станка и рядомъ съ нимъ стоявшаго молодого парня. Станко сейчасъ узналъ

его и прямо пошелъ ему на встрѣчу. Поздоровавшись, Станко сказалъ чумаку: „ты исполнилъ данное обѣщаніе“! Чумакъ отвѣтилъ: „Да,—такъ“. „Благодарю тебя, братъ,—ты честный человѣкъ“... Затѣмъ, указывая на Злату сказалъ ему: „это та невольница, которую я избавилъ изъ турецкихъ когтей и спасъ христіанскую душу. Передаю ее тебѣ здоровою и невредимою. Ты самъ отецъ и понимаешь, какъ болитъ сердце родительское о своемъ дитяти. Береги ее какъ свое дитя, и Богъ благословитъ твой родъ“!..

Чумакъ поклялся всѣмъ, что ему дорого на свѣтѣ: дѣтьми, домомъ, имуществомъ; поклялся, что будетъ въ дорогѣ оберегать Злату, что тотчасъ же какъ пріѣдетъ къ себѣ домой, — доставитъ Злату ея родителямъ...

Послѣ этихъ клятвенныхъ обѣщаній, Станко отошелъ немного въ сторону и позвалъ за собою чумака. Пошаривъ за пазухою, онъ вынулъ оттуда узелокъ, въ которомъ завязаны были деньги, вручилъ его чумаку и сказалъ ему: Вотъ тебѣ за твой трудъ. Будь для этой бѣдной дѣвушки въ дорогѣ отцомъ. Послѣ призвавъ Злату, обнялъ ее, поцѣловалъ въ лобъ, пожелавъ ей живою и здоровою доѣхать домой и обрадовать своихъ родителей. Она поцѣловала ему руку и поблагодарила его за хлопоты, какъ знала и умѣла. Съ чумакомъ Станко расцѣловался и еще разъ препоручилъ ему Злату.

Злата казалась настоящимъ мужчиной. Она была одѣта въ старыя истрепаныя штаны и въ чуйку, на головѣ у нея была большая мѣховая шапка.

Никто бы и не подумалъ, что подъ этимъ нарядомъ скрывается дѣвушка.

Чтобы еще больше отвлечь постороннее вниманіе, чумакъ сталъ называть ее „Радойко“.

Злата ушла съ чумакомъ.

Телѣга тронулась, а Станко стоялъ на прогалинѣ и глядѣлъ до тѣхъ поръ, пока она не скрылась изъ вида въ лѣсу.

Послѣ повернулъ въ сторону Бѣлграда, пристально на него посмотрѣлъ и про себя сказалъ:

Туда больше не смѣю...

Оглянулся на всѣ четыре стороны, перекрестился и свернулъ направо, прямо къ Дунаю.

Пониже Вишницы близъ Великаго села онъ на челнѣ переправился счастливо на другую сторону Дуная.

XX.

Въ тотъ самый день, рано утромъ, поднялась цѣлая буря въ конакѣ Рашидъ-Беговича.

Старая Дуржана бѣгала точно сумасшедшая по галлереи, только и слышались выкрикиванія:

— Нѣтъ „джаурки" (христіанки)!"

— „Нѣтъ Златы! повторяла она: куда дѣвалась? Держите ее! Убѣжала"! То бросится внизъ въ садъ, переглядывая всѣ углы и въ отчаяніи не найдя ничего, возвращается къ себѣ на верхъ въ комнату, то выбѣжитъ опять на галлерею и начинаетъ громкимъ голосомъ кричать и ударять себя въ грудь.

На ея крикъ прибѣжала Джемиле и еще двѣ-три турчанки въ безпокойствѣ и испугѣ спрашивая Дуржану: „что съ ней, что приключилось и почему она кричитъ?"

Дуржана только и восклицала: „джаурка!.. Нѣтъ джаурки!.. Ахъ! убѣжала!.."

Когда Джемиле узнала въ чемъ дѣло, она закипѣла страшнымъ бѣшенствомъ: металась какъ сумасшедшая, какъ раздраженная тигрица, то въ одну, то въ другую сторону; перевернула вверхъ дномъ весь гаремъ, заглядывала во всякій ящикъ, шкафчикъ и во всякій уголокъ, не отыщетъ ли гдѣ-нибудь Златы. Она и вправду имѣла видъ, точно у нея украли и увезли ея родное дитя... Искала сама и въ саду; опять возвращалась въ верхнія комнаты, опять осматривала каждый ящикъ, обыскала весь чердакъ и, не найдя нигдѣ, сѣла на постель въ тотъ уголъ, гдѣ обыкновенно спала Злата, и горько зарыдала.

Сквозь плачъ она вспоминала Изеддина и Джульзаиду...

И Дуржана плакала...

Немного успокоившись, Джемиле спросила Дуржану, какимъ образо случилось, куда могла Злата дѣваться? — Она даже не вѣрила въ возможность бѣгства. И опять начала искать ее по шкафамъ; выходила въ садъ, обходила каждый закоулокъ и каждый кустъ и когда ничего не находила, то съ воплемъ возвращалась въ гаремъ. По дорогѣ осмотрѣла сосѣднія ворота и тутъ замѣтила, что вынута чека; быстро отворивъ сосѣдскую калитку, она увидѣла вдоль стѣны сосѣдняго сада свѣжіе шаги; побѣжала къ сосѣдскимъ выходнымъ воротамъ на улицу и когда у этихъ воротъ не оказалось чеки, тогда стало ясно, что кто-то въ эту ночь укралъ Злату и увелъ...

Главное, что было затруднительно, это успокоить молодого Беговича, Изеддина. Когда онъ узналъ, что Злату украли и увели, онъ бросался точно разъяренный тигръ то въ одну, то въ другую сторону. Наконецъ закричалъ: „лошадей!“ и хотѣлъ послать погоню во всѣ стороны; но старый Рашидъ-Беговичъ остановилъ его, сказавъ: „Сынъ! Такая ужъ твоя доля! Аллахъ не судилъ видно, чтобы исполнилось наше желаніе, и мы должны покориться судьбѣ. Если бы джаурка пожелала перейти въ нашу вѣру, она приняла бы эту вѣру; если бы она тебя любила, вышла бы за тебя замужъ. Такъ видно судилъ Аллахъ!..

Понравились ли слова стараго Рашидъ Беговича и на сколько они примирили молодого бега съ его судьбой это намъ неизвѣстно. Но только послѣ бѣгства Златы молодой бегъ долго не хотѣлъ жениться— такъ онъ полюбилъ свою несуженую Джульзанду.

Въ тотъ же день произведено было слѣдствіе. Въ гаремѣ вся тяжесть подозрѣнія обрушилась на старую Дуржану. Ее подозрѣвали, что она способствовала бѣгству Златы. Дуржана и не отгаваривалась... Она только говорила: да будетъ мнѣ Аллахъ въ помощь! Грѣхъ на моей душѣ!..

Страннымъ показалось, что весь этотъ день садовника Станка нигдѣ не было видно. Ожидали, что онъ придетъ къ вечеру, но онъ не явился. Когда же и на другой день онъ не явился, тогда сдѣлалось очевиднымъ, что это онъ укралъ Злату и увелъ...

Нѣсколько дней и въ гаремѣ, и по сосѣдству только и было разговору, что о бѣгствѣ Златы.

XXI.

Оставимъ Изеддина, Джемиле и весь гаремъ, и отправимся слѣдомъ за чумакомъ, который далъ такую страшную клятву, что будетъ въ дорогѣ Злату оберегать, какъ свое родное дитя, и здравою и невредимою доставитъ ее родителямъ.

Сначала онъ дѣйствительно такъ и думалъ, ясно представляя себѣ, какъ обрадуются ея родители, увидѣвъ свое, считавшееся почти уже погибшимъ, дитя вновь ожившимъ и опять въ ихъ объятіяхъ. Онъ уже впередъ утопалъ въ радости, предвкушая какъ ея родители будутъ его благодарить, съ какимъ почтеніемъ и уваженіемъ будутъ относиться къ нему за его доброту и ласковость, которыя онъ оказывалъ ихъ потерянному дитяти.

Наконецъ сказалъ про себя: право,—какъ только приведу ее къ родителямъ, три дня прогощу у нихъ!..

Да это все такъ бы и случилось, еслибы жадность, алчность, себялюбіе не помѣшали осуществленію благихъ замысловъ. Деньги возбудили жадность въ душѣ этого человѣка, помрачили его совѣсть и онъ поставилъ себя и почти все свое потомство въ страшный разладъ съ Богомъ и его вѣчною правдой.

Чумакъ Новакъ не проѣхалъ еще и 200 шаговъ, какъ началъ ощупывать у себя за пазухой узелокъ, переданный ему Станкомъ, который постоянно безпокоилъ его и мѣшалъ ему. Онъ вынималъ его два-три раза изъ-за пазухи и ощупывалъ. Что-то въ узелкѣ шуршитъ. Ощущались деньги, но онъ не зналъ золотыя или серебряныя, не зналъ и сколько ихъ. Добравшись до горы надъ Болечомъ, Новакъ не въ силахъ былъ больше сдерживать себя. Остановивъ буйволовъ и сказавши Златѣ: „Подожди здѣсь не много, я сейчасъ приду“, онъ пустился налѣво въ лѣсъ. Очутившись одинъ, онъ оглянулся на всѣ стороны, судорожно двинулъ руку за пазуху, вытащилъ узелокъ, но тутъ имъ овладѣла такая дрожь, руки его такъ тряслись, что онъ насилу развязалъ узелъ.

Легко себѣ представить, (а особенно людямъ падкимъ до денегъ), какъ Новакъ вытаращилъ глаза, когда онъ увидѣлъ въ сумкѣ одно только чистое золото. Здѣсь были разныя золотыя монеты. Онъ хотѣлъ посчитать ихъ, но отъ волненія не могъ этого сдѣлать и двѣ-три монеты уронилъ въ траву, отыскавъ ихъ и завязавши кое-какъ узелъ, положилъ его за пазуху и сказалъ себѣ: „сколько есть, столько есть,— довольно! Благодарю Бога за этотъ даръ!.. Этого я никакъ не ожидалъ“. Въ то время, когда онъ возвращался изъ лѣсу къ своей телѣгѣ, въ немъ зародилась адская мысль, узнать — не взяла ли съ собою и Злата изъ Бѣлграда какихъ либо денегъ... Вспомнилъ и Станка, и самъ себя спросилъ: „Боже мой, сколько же онъ получилъ?..“ Возвратившись на мѣсто, гдѣ стояла телѣга, онъ поѣхалъ дальше, но такъ тихо, что буйволы едва переступали нога за ногу. Онъ сталъ почаще поглядывать на Злату, махнулъ было рукою и началъ что-то самъ съ собою говорить...

Взобравшись на гору, близъ Болеча онъ, придерживая буйволовъ, потихоньку съѣхалъ внизъ. Здѣсь остановился и съ полчаса далъ вздохнуть буйволамъ. Уже былъ полдень, когда онъ добрался до Болеча. Здѣсь онъ справился у хозяина постоялаго двора — не проѣзжали ли мимо какіе чумаки? Тотъ ему отвѣтилъ —да проѣхали давно.

— „Далеко ли могли уѣхать?“ спросилъ Новакъ.

— „Не знаю, но, примѣрно, они могли доѣхать до горы надъ Гроцкомъ“.

Новакъ сокрушался и упрекалъ товарищей, что они его оставили. Между тѣмъ товарищи нѣсколько разъ останавливались и поджидали его, а въ Болечѣ болѣе двухъ часовъ отдыхали и поджидали. Наконецъ, когда онъ не пріѣхалъ, они рѣшили продолжать путь и дожидаться его въ Гроцкѣ.

Новакъ выпрягъ буйволовъ, подбросилъ имъ сѣна, да и самъ со Златою закусилъ. Здѣсь они отдыхали до вечера. Затѣмъ запрягъ буйволовъ и тронулся потихоньку въ путь.

Отъѣхавъ отъ Болеча на одинъ неполный ружейный выстрѣлъ, онъ принялся разспрашивать Злату о томъ и о семъ, наконецъ, спросилъ ее: не взяла ли она съ собою чего-нибудь съѣстного въ дорогу, не далъ ли ей чего-нибудь этотъ человѣкъ, который привелъ ее изъ Бѣлграда.

Злата на всѣ вопросы отвѣчала чистосердечно, что она ничего изъ ѣды съ собою не взяла, что человѣкъ этотъ ничего ей не далъ, но вдругъ, припомнивъ, сказала:

„Да, когда мы собирались уходить, моя тетка, старая була, чѣмъ-то тяжелымъ меня опоясала. Не знаю, что это, — оно мнѣ очень мѣшаетъ... Быть можетъ, она туда что-нибудь и вложила"!..

— „Чѣмъ-то тяжелымъ опоясала?" переспросилъ Новакъ. „Хорошо-бы посмотрѣть!" сказалъ онъ и остановилъ буйволовъ.

Злата, развязавъ поясъ, сказала:

— „На,—посмотри!"

У Новака задрожали руки.

Онъ распустилъ поясъ и вынулъ изъ него клеенку, изъ которой посыпались золотыя монеты...

У Новака такъ и разгорѣлись глаза отъ радости. Положивъ монеты опять въ клеенку и застегнувъ застежку, онъ возвратилъ поясъ Златѣ, сказавъ ей: — надѣнь на себя!..

Злата опоясалась, не соображая, къ чему ведетъ все это.

Телѣга тронулась и они поѣхали дальше.

Поясъ съ деньгами не давалъ покоя Новаку. Золото изгнало изъ его сердца ангела мира — ангела хранителя, на мѣсто котораго возсѣлъ сатана и началъ нашептывать Новаку:

— Въ поясѣ много золота, я бы былъ богатъ, счастливъ... Не нужно было бы мнѣ такъ тяжко трудиться и мучиться... Да и мои дѣти и потомки были-бы также счастливы и довольны. Взять развѣ у нея этотъ поясъ? Но объ этомъ узнаютъ...

Онъ посмотрѣлъ на Злату и увидѣлъ, что она, задумавшись, идетъ по другую сторону телѣги и подгоняетъ буйволовъ, чтобы они быстрѣе шли.

Солнце уже клонилось къ заходу.. Еще не много и оно совсѣмъ скроется.

Новакъ шелъ тихо и часто останавливался, что-то бормоталъ самъ съ собою, махалъ руками. Разъ онъ громко сказалъ:—„такъ и должно быть,—иначе и не можетъ быть... а тамъ будь, что будетъ“...

Злата встрепенулась, когда онъ это сказалъ, и поглядѣла на него...

Но онъ какъ ни въ чемъ не бывало сталъ подгонять буйволовъ.

Опять задумался, началъ чаще останавливаться и бормотать про себя: Денегъ много, я могъ бы сдѣлаться богатымъ человѣкомъ...

Отнять у ней? Она скажетъ моимъ товарищамъ... Развѣ убить?

Онъ остановился на этой мысли. А клятва моя, — страшная эта клятва? Нѣтъ, не хочу! Возьму у нея половину... Да и впрямь, я заслужилъ; вѣдь хочу же ее отвести родителямъ, обрадовать ихъ, они мнѣ будутъ благодарны,—они будутъ меня угощать...

Такъ и сдѣлаю.

Солнце совсѣмъ скрылось и сумерки спустились на землю. Буйволы медленно двигались...

Бѣлка куда-то быстро юркнула и хищная ночная птица пролетѣла въ лѣсъ. Злата вздрогнула и испугалась... Но чего же ей бояться, когда съ нею дядя Новакъ?..

— Но если бы и другая половина денегъ досталась мнѣ, какъ бы это было хорошо... Я бы жилъ счастливъ и доволенъ съ моимъ семействомъ. А моя клятва?.. Но что, развѣ мало людей, которые клянутся и не сдерживаютъ клятвы?

Это ничего не значитъ...

Я пожертвую въ церковь, въ монастырь...

Это хорошій случай... Кругомъ никого нѣтъ... никто не увидитъ... Родители ея перестрадали, и быть можетъ уже забыли ее.

Кто потребуетъ отъ меня отчета?

Развѣ другіе люди не убиваютъ—и кому до этого дѣло?

— Кровь ударила ему въ голову и глаза его помутились, онъ про себя сказалъ: — Деньги должны быть моими!.. Она должна умереть! И вдругъ остановилъ буйволовъ... и позвалъ: „Злата!“

Она откликнулась: „что“?

— „Меня мучитъ жажда,—напился-бы воды,—не хочешь ли и ты пить?“

— „Да, и нѣтъ, пожалуй, испила бы не много“, отвѣтила она...

— „Здѣсь близко въ рощѣ есть хорошій источникъ. Оставимъ телѣгу, пойдемъ, напьемся воды“...

И они пошли. Онъ впередъ, она за нимъ...

Когда зашли подальше въ лѣсъ, Новакъ поглядывалъ то въ одну, то въ другую сторону, какъ будто-бы отыскивая источникъ и остановился на одной полянкѣ... Съ минуту онъ стоялъ, погруженный въ мысли. Въ его памяти отчетливо представились: и клятва, которою онъ клялся, и родители Златы и ихъ несказанная радость при видѣ своей единственной дочери,—все это въ мгновеніе ока, точно ураганъ, пролетѣло въ его головѣ...

Но всѣ эти благородные, человѣколюбивые порывы быстро забылись, когда предъ глазами этого клятвопреступника появился поясъ, полный золота... Золото ослѣпило его и убило въ немъ всякое человѣческое чувство, заглушило всякое человѣческое состраданіе... Онъ мгновенно выхватилъ ножъ, повалилъ Злату на землю и зарѣзалъ ее, какъ невиннаго ягненка... Разъ-другой послышалось хрипѣніе въ горлѣ несчастной дѣвушки; разъ-другой затрепетала жертва, подняла руки къ небу и опустила, скрестивъ ихъ, на грудь... Еще одно чуть слышное предсмертное хрипѣніе—и все стихло...

Это случилось въ Гродчанскомъ лѣсу, который служилъ пастбищемъ для скота; тутъ пастухи пасли и оберегали своихъ овецъ и козъ. Черезъ два-три дня послѣ этого кроваваго дѣла замѣтили пастухи, какъ надъ однимъ мѣстомъ взлетали орлы и вѣроны... Пошли посмотрѣть, что тамъ такое, и имъ представилась ужасная картина! Издали замѣтили они какой-то обглоданный скелетъ; подойдя ближе, они узнали, что это человѣческій трупъ. По длинной косѣ они догадались, что это женщина...

На объѣденной груди, замѣтили и ту икону въ серебряной ризѣ, съ ликомъ Пресвятыя Богородицы; но кто это былъ,—это было только извѣстно Богу да злодѣю Новаку.

Арх. Кириллъ.

(Окончаніе будетъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Императоръ Вильгельмъ и соціалисты.—Рѣчь Трарье.—Какими средствами должно бороться съ соціализмомъ. — 25-лѣтіе объединенія Италіи. — Положеніе дѣлъ въ этой странѣ.—Міровыя державы.—Необходимость свободы морскихъ міровыхъ путей.

Французскій академикъ Эрнестъ Лависъ тщетно взывалъ къ германскому императору, умоляя его не устраивать оскорбляющихъ Францію празднествъ. Императору Вильгельму представлялся прекрасный случай доказать на дѣлѣ свое миролюбіе, въ которомъ онъ столько разъ и такъ торжественно завѣрялъ Европу. Если бы императоръ воспользовался совѣтомъ Лависа, то нѣтъ сомнѣнія, что и рыцарская Франція съумѣла бы оцѣнить благородство верховнаго вождя враждебнаго ей народа. И кто знаетъ, можетъ быть нынѣшній юбилейный годъ послужилъ бы для обѣихъ націй началомъ лучшихъ и болѣе естественныхъ взаимныхъ отношеній. Само собою, однако, разумѣется, что юный (какъ принято выражаться) императоръ, въ виду такихъ воспоминаній, какъ Седанская капитуляція не могъ сдержать своего „нѣмецкаго сердца“ и возликовалъ, за нимъ возликовали и его подданные. Все шло какъ нельзя лучше, Европѣ ничего не оставалось, какъ прислушиваться къ очаровательной музыкѣ „милаго Августина“... и вдругъ скандалъ!

Нашлись нѣмцы, которые не только не пожелали праздновать память „неслыханныхъ“ побѣдъ, но осмѣлились даже глумиться надъ героями, создавшими германскую имперію. То были, конечно, соціалисты. Императоръ Вильгельмъ давно, какъ извѣстно, „добирается“ до этихъ враговъ государственнаго строя, хотя довольно безуспѣшно. Настоящій случай императоръ, повидимому, считалъ особенно удобнымъ поводомъ для выраженія тѣхъ чувствъ, которыя онъ питаетъ къ соціалъ-демократамъ. Въ своей рѣчи за парадным обѣдомъ въ берлинскомъ королевскомъ замкѣ онъ обратился къ присутствовавшимъ офицерамъ, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „шайка людей, недостойныхъ носить названіе нѣмцевъ, осмѣливается оскорблять нѣмецкій народъ, осмѣливается священную для насъ особу императора забрасывать грязью. Народъ найдетъ въ себѣ

силу положить конецъ этимъ неслыханнымъ нападкамъ. Если этого не случится, я призову васъ для уничтоженія измѣннической шайки, для веденія борьбы, которая освободитъ насъ отъ такихъ элементовъ". Слова императора вызвали тревогу во всей Германіи. Даже ультрамонтанская „Germania", которую отнюдь нельзя заподозрить въ сочувствіи къ соціалистамъ, сочла своимъ долгомъ отозваться о рѣчи императора съ краткимъ осужденіемъ: „Было бы гораздо лучше, говоритъ „Germania", если бы не было никогда забываемо то правило, что императоръ долженъ стоять выше партій и не долженъ вмѣшиваться въ политическія распри какого бы то ни было рода. Сильная индивидуальность, импульсивная натура императора не позволяетъ ему взвѣшивать тѣ благопріятныя или неблагопріятныя послѣдствія, которыя могутъ вытекать изъ одного слова. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и теперь мы считаемъ своею обязанностью во имя собственныхъ интересовъ династіи указать на обоюдоострыя послѣдствія такого рѣзкаго личнаго вмѣшательства. Народъ не желаетъ знать никакихъ законовъ противъ соціалъ-демократіи, съ которой нужно бороться другими средствами". Въ такомъ же духѣ высказывается и вся нѣмецкая печать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ только консервативныхъ органовъ крайней правой. Прошлогодняя исторія съ „Umsturzvorlage" должна была бы убѣдить императора въ крайнемъ отвращеніи нѣмецкаго народа къ исключительнымъ законамъ и въ его полной готовности бороться всѣми силами противъ порабощенія его мысли и свободнаго выраженія имъ своей воли. Но властная натура императора не любитъ примиряться съ нежелательными ему фактами, какъ бы убѣдительны они ни были.

Если народъ не будетъ помогать ему въ борьбѣ съ соціалистами, угрожаетъ Вильгельмъ, онъ призоветъ армію. Императоръ забылъ, повидимому, что „штыками все можно сдѣлать, только усѣсться на нихъ нельзя". Помимо того едва ли германскій императоръ въ состояніи будетъ выполнить свою угрозу: онъ, все же, монархъ конституціонный, а соціалисты составляютъ группу въ парламентѣ. Пока соціалисты будутъ оставаться на почвѣ мирной проповѣди своего ученія, императоръ Вильгельмъ не можетъ, не нарушая конституцію, прибѣгнуть къ военной силѣ.

Французскимъ государственнымъ дѣятелямъ также приходится имѣть дѣло съ соціалистами. Но во Франціи соціализмъ далеко не пользуется такимъ успѣхомъ, какъ въ Германіи. Французскіе крестьяне, относительно говоря, весьма зажиточны и дорожатъ, не менѣе буржуа, институтомъ частной собственности. Съ другой стороны, южная страстность въ связи съ нѣкоторой природной легкомысленностью, часто увлекаетъ французскаго

соціалиста въ коммунизмъ и даже анархизмъ. Этимъ объясняется, что французскіе соціалисты до сихъ поръ не успѣли выработать вполнѣ опредѣленную программу и создать крѣпкую организацію, хотя соціализмъ зародился именно во Франціи и политическія условія почти всегда болѣе благопріятствовали французскимъ соціалистамъ, чѣмъ ихъ германскимъ соумышленникамъ.

Тѣмъ не менѣе и во Франціи борьба съ соціализмомъ представляется необходимой. Очень любопытной въ этомъ отношеніи является рѣчь французскаго министра юстиціи Трарье, произнесенная имъ недавно (27 августа) въ Ла-Реолѣ (Департаментѣ Жиронды).

„Чего мы должны,—сказалъ, между прочимъ, министръ,—бояться въ этомъ призракѣ мрачнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи, это именно не столько доктринъ, сколько духа, которымъ онѣ исполнены, орудій дѣятельности, которыя онъ рекомендуетъ, чувствъ, которыя, побуждаютъ къ этой дѣятельности. Никакія теоріи насъ не пугаютъ, и мы не намѣрены закрыть безконечно широкую область мысли даже для спекуляцій, болѣе всего оскорбляющихъ нашъ разумъ. Но соціализмъ, съ которымъ сталкиваемся въ политической жизни, представляетъ собою не только ученіе, которое само по себѣ было бы опасно, а партійное оружіе. Чистая идея теоретическаго коллективизма отступаетъ передъ бѣшенными нападками, которымъ часто подвергаютъ предводители этой школы наше современное государство и даже республику. Дѣло идетъ не только о рѣзкой критикѣ общественнаго строя, съ которымъ мы связаны и котораго мы намѣрены придерживаться и дальше. Слушая проклятія, насмѣшки и клевету, которыми насъ преслѣдуютъ, мы не можемъ сомнѣваться, что все это обязано своимъ существованіемъ теоріи, отъ которой ожидаютъ страшныхъ результатовъ, обязано систематическому духу ненависти. Ненависть—вотъ образъ противника, которымъ намъ угрожаютъ. Мы знали его еще въ то время, когда процвѣтало господство ужаса. Намъ обѣщаютъ возобновленіе печальнѣйшихъ событій нашего прошлаго. Уничтоженіе свободы было всегда неизбѣжнымъ концомъ выходокъ и неурядицъ, и партія, въ основѣ которой лежитъ ненависть, представляетъ ту опасность, что она кроетъ въ себѣ реакцію. Противодѣйствіе соціализму является поэтому борьбою за свободу. Для борьбы съ этимъ новымъ врагомъ намъ не нужно новаго оружія. Какъ дѣти 1789 года, мы остались вѣрны деклараціи человѣческихъ правъ. Мы ищемъ общественнаго блага въ правосудіи, въ уваженіи личной свободы, въ братствѣ и въ духѣ гуманности“.

Французская правительственная программа борьбы съ соціализмомъ составляетъ такимъ образомъ прямую противоположность германской; по-

литика крови и желѣза не можетъ разсчитывать на сочувствіе французскихъ гражданъ. Однако, воздавая должную дань уваженія гуманности и свободолюбію французскихъ государственныхъ дѣятелей, мы не можемъ въ то же время усумниться въ томъ, что принципы 89-го года помогутъ имъ одержать верхъ надъ соціалистами. Провозглашенныя французской революціей „братство, равенство, свобода“ потеряли для рабочаго класса свою прелесть. „Братство“ съ самаго начала оказалось пустымъ звукомъ, формулой, лишенной всякаго содержанія, такъ какъ государство, хотя бы и самое идеальное, не можетъ даже заставить людей быть братьями, любить другъ друга по-братски. Только религія, воспитывающая людей въ вѣрѣ въ Отца Небеснаго, Единаго для всѣхъ, можетъ развить въ нихъ истинное братское чувство. Что же касается „равенства и свободы“, то хотя для проведенія этихъ послѣднихъ началъ въ жизнь и приложено много стараній, но успѣхи пока достигнуты далеко не блестящіе: современный рабочій лучше питается и одѣвается, больше отдыхаетъ, работаетъ при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ прежній рабочій; тѣмъ не менѣе зависти и ненависти со стороны неимущихъ классовъ къ имущимъ теперь гораздо больше, чѣмъ было прежде. Объясняется это вопервыхъ, тѣмъ значеніемъ, какое имѣютъ въ нашей жизни деньги и, вовторыхъ, способомъ распространенія своихъ ученій врагами современнаго строя, возбуждающими въ массахъ низменныя страсти.

Нельзя отрицать, что власть денегъ—самая обидная и самая возмутительная изъ всѣхъ властей. Французскій крѣпостной крестьянинъ прошлаго вѣка могъ до извѣстной степени признавать даже справедливость своей зависимости отъ сеньера, во всякомъ случаѣ не возмущался ею, такъ какъ онъ почиталъ этого сеньера, нерѣдко дѣйствительно обладавшаго рыцарскими доблестями, существомъ высшимъ. Подобнаго отношенія къ проходимцу, нажившему милліоны неизвѣстными путями, само собою разумѣется, не можетъ быть. Г. Трарье и прочіе поклонники принциповъ 1789 года стараются объяснить рабочимъ, что они не состоятъ за то въ крѣпостной зависимости отъ своихъ хозяевъ, что они даже пользуются совершенно равными съ ними правами. Какъ будто въ этомъ дѣло! Бѣднякамъ хотѣлось бы отвѣдать „севрюжины“, а имъ „конституцію“ тычутъ. Городской пролетарій, прошедшій школу соціалистовъ, ставитъ вопросъ такимъ образомъ: „почему мнѣ, трудящемуся въ потѣ лица, слѣдуетъ довольствоваться кускомъ черстваго хлѣба, жить въ скверной мансардѣ, одѣваться въ дрянное платье, а господину моему, ничего ровно не дѣлающему, можно жить въ роскошномъ палаццо, объѣдаться вкусными блюдами, разъѣзжать на кровныхъ рысакахъ, пользоваться любовью прекрасныхъ женщинъ и т. д.?“ На такого рабочаго рѣчь

траріе не произведетъ никакого впечатлѣнія. Но если соціалиста нельзя подавить вооруженной силой, если онъ, съ другой стороны, прекрасно развивается на самой либеральной почвѣ, то что же наконецъ можно предпринять для спасенія европейской цивилизаціи отъ страшнѣйшей изъ угрожающихъ ей опасностей? Смѣлый, но единственно цѣлесообразный отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, даютъ такъ называемые въ Германіи катедеръ-соціалисты, одинаково ненавидимые и либералами (не говоря уже о консерваторахъ) и соціалистами. Къ этимъ „катедеръ-соціалистамъ" принадлежали и принадлежатъ лучшіе представители науки о народномъ хозяйствѣ: Гнейстъ, Энгель, Нассе, Гильдебрандтъ, Брентано, Шенбергъ, Вагнеръ и др. Здѣсь не мѣсто излагать ихъ ученіе, но напомнимъ, что указанные ученые особенно сильно совѣтуютъ широкое и дѣятельное вмѣшательство государства въ область экономическихъ отношеній гражданъ съ цѣлью защиты массы отъ произвола и эксплоатаціи хищниковъ. Государство должно пользоваться своею властью въ интересахъ всего народа, а не одного класса богатыхъ. „Катедеръ-соціалисты" стоятъ за ограниченіе права собственности и свободы договоровъ; подъ вліяніемъ ихъ ученія создалось и продолжаетъ развиваться фабричное законодательство, построенное на новыхъ началахъ — любви къ ближнему и общественномъ интересѣ, прямо противоположныхъ началамъ римскаго частнаго права, пропитаннаго эгоизмомъ и произволомъ. Если правительства западно-европейскихъ государствъ не остановятся на полумѣрахъ и пойдутъ до конца по намѣченному этими учеными пути, — они тѣмъ самымъ лишатъ соціалистовъ ихъ лучшаго оружія. Соціалисты обязаны своими успѣхами не проповѣди безвѣрія и республиканскаго порядка, а исключительно заманчивымъ обѣщаніямъ экономическаго благосостоянія; напротивъ, враждебное положеніе, принятое соціалистами по отношенію къ религіи и монархіи, сильнѣе всего отвращаетъ отъ нихъ народныя массы. Соціалисты прекрасно это сознаютъ, но вычеркнуть изъ своей программы атеизмъ и республиканство они не могутъ, такъ какъ прежде всего они заинтересованы въ уничтоженіи существующаго строя. Кромѣ того окончательное подавленіе личности, неизбѣжное въ соціалистическомъ строѣ, всегда будетъ противно человѣческой природѣ. Можно, поэтому твердо надѣяться, что когда западно-европейскія правительства искренно и твердо примутся за дѣло поднятія народнаго благосостоянія, духовнаго и матеріальнаго, красный призракъ соціализма исчезнетъ самъ собою.

***

Италія также празднуетъ въ нынѣшнемъ году 25-ти-лѣтній юбилей своего объединенія. 8 сентября, по нашему стилю, открытъ былъ въ Римѣ великолѣпный памятникъ герою борьбы за національное единство—Гарибальди, въ присутствіи короля и министра-призидента Криспи, произнесшаго подобающую случаю рѣчь.

Говорятъ, рукоплесканія были довольно жидкія, особенныхъ восторговъ незамѣтно было. И это итальянцы, римляне, при открытіи памятника излюбленному герою Гарибальди! Могъ ли бы кто-нибудь изъ участниковъ славныхъ его подвиговъ повѣрить, что не отдаленное потомство, а уже сыновья ихъ будутъ вспоминать о великихъ событіяхъ безъ всякаго одушевленія?! Разочаровались, видно, наслѣдники въ полученномъ ими наслѣдствѣ. Разочаровались, прежде всего, потому, что оно оказалось слишкомъ отвлеченнаго свойства...

Не о хлѣбѣ единомъ, сказано, живъ будетъ человѣкъ, но безъ хлѣба, все-таки, скверно. Положеніе это справедливо даже для людей, пропитанныхъ идейными интересами (хотя-бы тотъ-же Криспи), тѣмъ болѣе для массы. Въ минуту подъема нравственныхъ силъ, народъ можетъ пожертвовать всѣми вещественными благами, но такіе „подъемы“ слишкомъ кратковременны. А лишь моментъ „подъема“ прошелъ, волна народная улеглась, жалкіе, будничные интересы выступаютъ на первый планъ и даютъ свою сѣрую окраску всему живущему.

Итальянцамъ потому-то такъ скучно теперь, что хлѣба нѣтъ. Урожай хлѣбовъ въ 1894 году далъ недоборъ противъ предшествовавшаго года на 4.803,500 гектолитровъ; филоксера, по оффиціальнымъ даннымъ министерства финансовъ, причинила въ этомъ году убытковъ на 200 мил. франковъ, по неоффиціальнымъ свѣдѣніямъ гораздо болѣе.

Торговля въ страшномъ упадкѣ: а налоги все увеличиваются: надо, вѣдь, во что бы то ни стало поддержать обаяніе великой державы, надо наказать Негуса Менелика, показать кукишъ въ карманѣ „сѣверному медвѣдю“. Немудрено, что нынѣшнее итальянское правительство крайне нелюбимо народомъ: выселеніе усиливается; въ такихъ городахъ, какъ Римъ, Неаполь, Палермо избираются въ депутаты соціалисты — непримиримѣйшіе враги существующаго строя, въ Сициліи постоянныя волненія, въ Сардиніи разбойничество и т. д.

Нынѣшній юбилей не можетъ не наводить истинныхъ итальянскихъ патріотовъ на весьма печальныя размышленія. Двадцать пять лѣтъ назадъ къ возродившейся Италіи вся Европа относилась съ величайшимъ

расположеніемъ; даже отнятіе Рима отъ папы признано было всѣми, за исключеніемъ крайнихъ клерикаловъ, актомъ достаточно справедливымъ, основаннымъ, на національномъ правѣ. Папство, конечно, призывало всѣ громы земные и небесные на „безбожную Италію", отвергнувшуюся отъ Христа и Его апостоловъ, преемниками которыхъ оно себя считаетъ. Но общественное мнѣніе Европы было на сторонѣ Гарибальди и Виктора Эммануила. Папа Пій IX перессорился со всѣми великими державами, его проповѣди о крестовомъ походѣ противъ новой Италіи вызывали однѣ насмѣшки.

Опасность нападенія, слѣдовательно, ни откуда не угрожала Италіи, мечтать же о расширеніи своихъ границъ на счетъ сосѣднихъ великихъ державъ было-бы полнѣйшимъ безуміемъ.

Оставалось только благодарить Бога и сосредоточить все вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ. Вмѣсто того Италія начала ежегодно тратить сотни милліоновъ на армію и флотъ. Никого рѣшительно, даже Негуса Менелика, она этимъ не запугала, никакой выгоды для себя не извлекла, а вреда слишкомъ даже много. Въ Европѣ къ Италіи далеко уже не относятся съ тѣмъ благодушіемъ, съ какимъ относились раньше; а съ Франціей, съ которой она по всѣмъ основаніямъ и политическимъ, и коммерческимъ, должна была бы жить въ мирѣ и дружбѣ, она находится въ отношеніяхъ прямо враждебныхъ.

Само собою разумѣется, что внутреннія дѣла, по сколько они не заключаются въ усмиреніи бунтовъ, находятся въ полнѣйшемъ пренебреженіи: населеніе Италіи, служившей такъ долго свѣточемъ науки и искусства для всего міра, славится теперь своимъ невѣжествомъ; по свидѣтельству сѣверо-американцевъ, изъ всѣхъ европейскихъ переселенцевъ, прибывающихъ въ Соединенные Штаты, итальянцы самые несчастные: оборванные, грязные, одичалые, они производятъ на сытыхъ янки ужасающее впечатлѣніе... Есть ли чему ликовать итальянскимъ патріотамъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ страны продолжаетъ оставаться все тотъ же Криспи, котораго, по нашему старому судопроизводству, слѣдовало бы оставить, по крайней мѣрѣ, „въ сильномъ подозрѣніи".

* * *

Дружба между Россіей и Франціей становится все болѣе и болѣе тѣсной. Никто въ Европѣ не сомнѣвается уже, что начать борьбу съ одной изъ упомянутыхъ державъ значитъ вести ее съ обѣими. Присутствіе генерала Драгомирова на французскихъ маневрахъ, свиданіе нашего министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго съ г. Га-

кото, восторженныя встрѣчи, устроенныя нашимъ представителямъ во Франціи—все это явленія, о значеніи которыхъ не можетъ быть разнорѣчія. Не всѣмъ, конечно, извѣстія объ этомъ доставляютъ удовольствіе. Любопытнѣе всего, что во главѣ негодующихъ оказались англичане: торійскіе органы первые забили тревогу, даже такая стремительная въ своей ненависти къ Россіи газета какъ „Neue Freu Presse", едва поспѣвала за почтеннымъ органомъ Лондонскаго Сити. Англичане какъ будто предчувствуютъ, что послѣдствія франко-русской дружбы могутъ отозваться, прежде всего, на ихъ положеніи. Предчувствіе это имѣетъ нѣкоторое основаніе въ недавнихъ событіяхъ на дальнемъ Востокѣ. За Кореей можетъ послѣдовать Египетъ, гдѣ англичане, вопреки собственнымъ даже обѣщаніямъ, засидѣлись слишкомъ долго и т. д.

Хуже всего, однако, придется англичанамъ тогда, когда союзъ двухъ міровыхъ державъ, покончивъ съ задачами частными, начнетъ преслѣдовать „мировыя цѣли". Объяснимся!

Новая исторія для опредѣленія международнаго значенія отдѣльныхъ державъ употребляетъ термины—великія, второстепенныя, малыя державы. Эта классификація оказывается для нашего времени недостаточной. Все чаще и чаще въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, въ рѣчахъ политическихъ ораторовъ попадается теперь выраженіе „міровая" держава, хотя никто изъ выражающихся такимъ образомъ не останавливается на выясненіи этого термина. А между тѣмъ такое выясненіе можетъ привести къ любопытнымъ выводамъ. Начнемъ хотя бы съ вопроса—можетъ ли каждая изъ нынѣшнихъ великихъ державъ считаться „міровою"? Очевидно, нѣтъ. Австрія—великая держава, но, однако, никому въ голову не придетъ назвать ее міровою; Италію, по всей вѣроятности, исключая немногихъ самыхъ пылкихъ итальянскихъ патріотовъ, тоже никто не назоветъ міровою державою. Остаются Россія, Англія, Франція и Германія, какъ державы, имѣющія основанія заявлять право на титулъ „міровыя". Основанія эти заключаются въ ихъ политической мощи, дающей имъ возможность вліять на международныя отношенія не только въ одной Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. „Возможность" вліять обращается часто въ „обязанность"; міровыя державы нравственно обязаны, напримѣръ, не допускать такого сплоченія варваровъ, которое могло бы угрожать культурному христіанскому міру (панмонголизмъ); міровыя державы обязаны имѣть постоянное попеченіе о распространеніи свѣта религіи и знанія по всей землѣ и проч.

Само собою разумѣется, что міровыя державы имѣютъ право устранять препятствія, которыя мѣшаютъ выполненію ихъ миссіи.

Препятствія эти многочисленны и разнообразны; однимъ, однако, изъ важнѣйшихъ является захватъ англичанами въ свое исключительное обладаніе міровыхъ путей. Въ прошломъ вѣкѣ англичане, пользуясь слабостью Испаніи, отобрали у нея Гибралтаръ, а въ нынѣшнемъ—нѣкій англійскій капитанъ, „просвѣщенный мореплаватель", отнялъ Аденъ у мѣстнаго шейха, помимо всякой вины со стороны бѣднаго азіата, придерживаясь, должно быть, волчьего афоризма: „ты потому ужь виноватъ, что я голоденъ". Съ тѣхъ поръ путь въ Аравію, Индію, Китай, Японію и Австралію составляетъ британскую собственность. Положеніе по существу крайне несправедливое, и едва ли прочія міровыя державы долго еще будутъ мириться съ нимъ.

Старый международный споръ объ открытомъ морѣ (mare liberum), длившійся цѣлые вѣка, разрѣшенъ былъ наконецъ въ смыслѣ свободы его „не вслѣдствіе невозможности въ открытомъ морѣ осѣдлости и точнаго опредѣленія границъ, раздѣляющихъ на немъ государства", какъ думали одни и не „по естественному свойству моря, какъ общаго достоянія", какъ полагали другіе. „Единственнымъ юридическимъ основаніемъ свободы открытаго моря, говоритъ проф. Мартенсъ, слѣдуетъ признать ея необходимость для развитія международныхъ оборотовъ". „Принципъ свободы моря вытекаетъ изъ общности и солидарности интересовъ всѣхъ народовъ". Полагаемъ, что указаннаго проф. Мартенсомъ основанія достаточно для признанія свободы не только открытаго моря, но и морскихъ міровыхъ путей; міровыя державы во всякомъ случаѣ имѣютъ право стремиться къ освобожденію этихъ путей въ интересахъ выполненія возложенной на нихъ Провидѣніемъ миссіи.

Если Англія такъ боится сближенія между Россіей и Франціей, то одною изъ причинъ является, несомнѣнно, опасеніе за будущее господство надъ морскими путями. Россія однажды оказала уже міру великую услугу въ этой области. Знаменитая декларація морского вооруженнаго нейтралитета, противъ которой такъ возставала Англія, освободила нейтральныя государства отъ гнета воюющихъ державъ. Россіи, въ союзѣ съ Франціей, быть можетъ, предстоитъ сдѣлать и другой великій шагъ въ этомъ направленіи и дать народамъ полную свободу сообщеній черезъ моря и *проливы.*

Что дѣлается въ Англіи для просвѣщенія и обученія народа.

(Письмо изъ Лондона).

Чаще и чаще въ повременной печати нашей говорятъ о скоромъ введеніи въ Россіи обязательнаго всеобщаго народнаго образованія,—недавно указаны были и губерніи, съ которыхъ начнется опытъ. Такъ-ли скоро совершится это преобразованіе—вопросъ другой, но во всякомъ случаѣ, дѣло не за горами, и ему можно только порадоваться,—противъ этой великой мѣры могутъ говорить лишь „назадняки“ съ княземъ-гражданиномъ во главѣ. Всеобщее народное образованіе, какъ обязательное, возьметъ въ свои руки, конечно, правительство, т.-е. опять таки тѣ, „кому о томъ вѣдать надлежитъ“, но значитъ ли это, что „комитеты грамотности“ останутся не у дѣлъ?

По нашему крайнему разумѣнію, комитетамъ, въ данномъ случаѣ, предстоитъ задача не менѣе великая и широкая и благотворная,—забота объ укрѣпленіи и сохраненіи въ народѣ тѣхъ *первыхъ* сѣмянъ науки и нравственности, которыя сѣяться будутъ первоначальными школами.

Въ двѣнадцать лѣтъ крестьянскій мальчикъ, болѣе или менѣе плохо знающій грамоту, кое-какъ начало ариѳметики и, если что хорошо, слава Богу, то только молитвы, оставляетъ уже школу; работа его нужна уже семьѣ и землѣ.—Тяжкая работа, обыденная жизнь, полная заботъ насущныхъ, не дадутъ бывшему школьнику ни минуты свободной, чтобы вернуться къ книгѣ,—жизнь засосетъ его, и черезъ 8 лѣтъ, когда этотъ бывшій школьникъ явится подъ знамена отбывать воинскую повинность, исполнить свой первый государству долгъ, ради котораго, между прочимъ, его и обучали съ дѣтства,—окажется, что онъ чуть-ли не все позабылъ, чему его научили въ школѣ.

Юноша-крестьянинъ потеряетъ лишь полученные имъ зачатки научные, образовательные, а юноша города, мѣщанинъ, фабричный и тѣ зачатки воспитательные, которые даетъ ему школа, ибо образованіе и воспитаніе идутъ рядомъ. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ мальчикъ 12 лѣтъ, брошенный въ жизнь, и какую жизнь!—сохранить полученное въ школѣ воспитаніе, нравственныя сѣмена, зачастую кое-какъ попавшія въ молодую

душу? Въ двѣнадцать лѣтъ отъ мальчика изъ народа нельзя требовать характера, а онъ въ этомъ возрастѣ уже самостоятельно начинаетъ жизнь, имѣя соблазномъ передъ собою всѣ пороки фабрикъ и городовъ и прежде всего народный бичъ—пьянство. Насъ въ это время еще на помочахъ водятъ, а въ народѣ однолѣтки наши окружены полною безобразнѣйшихъ примѣровъ жизнью, зачастую своей же семьи; насъ до совершеннолѣтія, а иногда долѣе, опекаютъ, если не папеньки и маменьки, то воспитатели, попечители и т. д., а юношѣ изъ народа никто руку помощи не протянетъ, и ко дню совершеннолѣтія изъ всѣхъ добрыхъ сѣмянъ школы въ немъ ничего не останется. Значитъ сѣмя упало на камень—скажутъ быть можетъ, или школа плоха—добавятъ другіе, но и то и другое будетъ лицемѣріемъ,—хороша и школа, хороша и почва, да уходъ дальнѣйшій нуженъ и уходъ очень небольшой. Посадите растеніе въ прекраснѣйшую почву, да не поливайте его, и засохнетъ оно, ибо соки почвы высохнутъ; какъ нужна немногосложная и незатруднительная поливка растенію, такъ необходимо укрѣпленіе и сохраненіе тѣхъ благотворныхъ зачатковъ образованія и воспитанія, которые школою даются... Это уже не дѣло правительства, оно обременено многими великими другими задачами,—это забота общества.

Правительство даетъ нужный корень—общество должно поддерживать питаніе его, и во главѣ общества, несомнѣнно, пойдутъ тѣ же комитеты грамотности, которые къ вящей злобѣ мнимыхъ консерваторовъ еще разъ докажутъ, что свободныя, независимыя учрежденія, работающія исключительно изъ святой безкорыстной любви къ народу и народному просвѣщенію, могутъ принести и принесутъ имъ великую пользу и благо. Дѣло умственной и нравственной поддержки молодежи народа — дѣло новое и многосложное, и потому дѣло не легкое,—оно потребуетъ много силъ, много добровольцевъ-воиновъ, много средствъ... и съ увѣренностью можно сказать, что съ Божьей помощью найдутся и тѣ и другія.

Какъ устроено будетъ это великое дѣло у насъ, какъ его слѣдуетъ поставить,—мы не считаемъ себя въ правѣ давать указанія и совѣты ни учрежденіямъ, ни лицамъ, которымъ будетъ принадлежать починъ въ этомъ дѣлѣ, но, не будучи западниками, не ослѣпленные чужеземнымъ прогрессомъ и не преклоняясь передъ нимъ, гдѣ этого не надо, мы не можемъ ограничиться свѣтомъ своего окошка только, и потому считаемъ и умѣстнымъ и своевременнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ исключительно и благотворно поставлена забота объ умственной и нравственной поддержкѣ молодежи изъ народа—въ Англіи.—Для заботы этой здѣсь и основанія имѣются исключительныя, которыхъ быть можетъ нѣтъ у насъ на родинѣ, но главный принципъ тотъ же, а подробности, какъ

и вездѣ, опредѣляются мѣстными нуждами, потребностями, обычаями, нравами и законами.

Задача эта въ Англіи рѣшена, хотя и сложнымъ, но дѣйствительнымъ образомъ, племени свойственнымъ, безъ плана для будущаго, памятуя, что съ прогрессомъ жизни мѣняются быстро и ея запросы, безъ оффиціальнаго управленія, исключительно совокупными усиліями частной предпріимчивости и независимыхъ обществъ.

Но прежде чѣмъ передать о настоящемъ положеніи этого дѣла въ Англіи, мы позволимъ себѣ предпослать небольшой его историческій очеркъ.

Въ 1800 году докторъ Биркбекъ основалъ сперва въ Шотландіи, а затѣмъ и въ Лондонѣ первые вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ.

Эта мысль привилась и распространилась такъ хорошо, что уже въ теченіе первой половины столѣтія повсюду возникли такъ называемые Mechanics' institutes, или коллегіи для рабочихъ. Въ эту же пору по ту сторону Ла-Манша стали основываться политехническія и филотехническія сообщества съ тѣми же цѣлями и въ томъ же духѣ; но въ Англіи, благодаря отличительной чертѣ саксонскаго нрава, сами рабочіе несли, большей частью, расходы на свое образованіе и вмѣсто того, чтобы только слушать предлагаемыя имъ чтенія, сами, посредствомъ комитетовъ, избирали себѣ чтецовъ и наставниковъ. Старались всѣ объ одномъ лишь — распространять знанія *полезныя* и обучить возможно большее число — возможно большему.

Движеніе было полно одушевленія и силы. Такіе люди какъ Брумъ (Brougham) не считают недостойнымъ себя вести чтенія и быть репетиторами въ коллегіяхъ для рабочихъ. Въ Лондонѣ въ 1850 году ежедневно вечеромъ открывали двери свои двадцать такихъ коллегій. Въ числѣ устроителей этихъ коллегій мы видимъ Бэнтема, Коббета и др., рядомъ съ Брумомъ и Биркбекомъ, въ числѣ же лекторовъ — всѣ лучшія силы, которыя насчитывала въ своихъ рядахъ либеральная партія.

До настоящаго дня всѣ эти коллегіи рабочихъ продолжаютъ существовать и оказываютъ народу крупныя услуги.

Въ 1862 году всѣ онѣ преобразовались подъ вліяніемъ Общества учрежденій для рабочихъ, которое имѣло задачу сдѣлать эти учрежденія не только образовательными, но и развлекающими, увеселительными даже, дабы бороться съ тѣмъ магнитомъ, который представляютъ для рабочихъ кабаки — бороться съ пьянствомъ.

Невзыскательныя увеселенія не препятствовали первоначальному дѣлу, и бесѣды и курсы не прекращались.

Либеральныя, или консервативныя, смотря по политическимъ убѣжденіямъ своихъ членовъ, школы эти, подъ различными именованіями „коллегій“, „институтовъ“ и „клубовъ,“ одинаково хорошо служили великому дѣлу народнаго образованія въ городахъ Англіи и въ 1883 году насчитывали болѣе 500 тысячъ членовъ, живущихъ исключительно работою своихъ рукъ.

Въ деревняхъ въ томъ же духѣ усиленно работало духовенство, и центромъ дѣятельности была церковь.

Любовь къ конференціямъ, къ публичнымъ лекціямъ и сообщеніямъ составляетъ одну изъ національныхъ чертъ Англіи,—въ разгаръ зимы, въ самыхъ глухихъ деревняхъ читаются цѣлыя серіи такихъ лекцій, при чемъ чтецами являются или „squire“, *помѣщикъ ближайшій, или мѣстный церковнослужитель*, или наконецъ школьный учитель. Въ Англіи офиціально признанныхъ церквей и сектъ до 180, но, не слѣдуя примѣру сосѣдей-французовъ, церковнослужители здѣсь не вмѣшиваются въ политику; и католики, англиканы, протестанты, евангелисты, баптисты и проч. одинаково несутъ свою умственную силу на пользу народную, на его образованіе.

Почти всегда въ селеніи, рядомъ съ храмомъ, церковью или капеллой имѣется „hall“, т. е. большая зала для собраній, гдѣ зимою происходятъ бесѣды. Свѣдущіе люди утверждаютъ, что въ Англіи *нѣтъ селенія*, гдѣ бы зимою не происходили эти научныя и образовательныя бесѣды и чтенія,—этимъ же путемъ распространяютъ свои идеи тысячи различныхъ обществъ,—словомъ, непосредственно съ народомъ, путемъ этихъ бесѣдъ и сообщеній говорятъ и распространяютъ образованіе общества, частныя лица и духовенство.

Съ другой стороны, мало-по-малу и въ особенности послѣ закона 1870 года, вечерніе курсы и курсы для взрослыхъ стали открываться и *при школахъ*, но курсы эти, безспорно приносившіе пользу рабочимъ, лишеннымъ первоначальнаго образованія, оказались безсильными привлечь рабочихъ, получившихъ таковое и не желавшихъ сдѣлаться вновь *школьниками*.

Курсы при школахъ осуждены были, казалось, къ вымиранію, но два года тому назадъ заботами „Education Departament“ 'а *) были совершенно преобразованы по системѣ, схожей съ принятой руководителями первоначальнаго образованія во Франціи.

Обученіе въ вечернихъ школахъ сдѣлалось не только занимательнѣе, но, что самое главное, *сдѣлалось, примѣняясь къ мѣстнымъ нуждамъ,—земледѣльческимъ, промышленнымъ или коммерческимъ*.

---

*) Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Законъ 1893 года, давшій полную свободу обученія въ вечернихъ первоначальныхъ классахъ, былъ привѣтствованъ всѣми воспитателями Англіи, и не замедлили сказаться его благія послѣдствія.—Осужденные къ вымиранію вечерніе курсы для взрослыхъ отъ этой же причины воскресли, и въ одномъ лишь Лондонѣ въ зиму 1893—94 года считалось ихъ 265 съ 12-ю тысячами учащихся взрослыхъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ Англіи два главныхъ средства народнаго образованія—публичныя чтенія—вездѣ, гдѣ они возможны, и курсы для взрослыхъ—вездѣ, гдѣ они полезны. Но этого мало. Уже около двадцати пяти лѣтъ, какъ университетское образованіе, о которомъ масса не могла и мечтать—сдѣлалось доступно всѣмъ желающимъ, не исключая жителей отдаленныхъ деревень. „Если народъ не можетъ итти въ университетъ—сами университеты прійдутъ къ народу“—таково правило великаго движенія въ пользу распространенія университетовъ - (University Extension), охватившаго общество Англіи въ послѣдніе годы.

Въ теченіе зимняго семестра 1893—94 года Кембриджъ отправилъ въ провинцію 60 лекторовъ, Лондонъ—34, а Оксфордъ—41. Болѣе чѣмъ въ 400 городахъ и селеніяхъ были устроены серіи лекцій, и число лицъ, посѣтившихъ ихъ, превышаетъ 49.000.

Достаточно того, чтобы городъ или селеніе дали помѣщеніе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обезпечили незначительное вознагражденіе какому-либо университету—профессора являются немедленно, и университетскіе курсы открываются. Почти вездѣ, кромѣ вечернихъ курсовъ, предпочитаемыхъ мастеровыми и служащими, открываются постоянные курсы дневные для людей, имѣющихъ болѣе свободнаго времени, и для студентовъ обоего пола. Такимъ образомъ во многихъ городахъ образовались настоящіе *мѣстные университеты*, безусловно *приспособленные къ мѣстнымъ* нуждамъ, такъ какъ университеты офиціальные для мѣстныхъ поставляютъ лишь профессоровъ, программа же обученія зависитъ отъ устроителей курсовъ. Мѣстные же комитеты опредѣляютъ *плату за курсы*, понижая или повышая ее, *смотря по состоянію учащагося* и иногда вовсе уничтожая эту плату. Комитеты же принимаютъ на себя и расходы, которые не могутъ быть покрыты собранною платою. О степени интереса, который возбуждается въ провинціальной жизни этимъ дѣломъ, легко судить потому уже, что одинъ лишь оксфордскій университетъ въ послѣдніе 10 лѣтъ, за командированныхъ на курсы профессоровъ получилъ 50.000 ф. стерлинговъ, т. е. около полумилліона рублей.

По окончаніи курсовъ происходятъ испытанія, и хотя University Extension“ не даютъ еще какихъ-либо правъ,—тѣмъ не менѣе дипломовъ ихъ добиваются. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что образованіе это,

первоначально предназначенное для рабочихъ и мастеровыхъ, получило распространеніе среди класса, нѣсколько высшаго по воспитанію,—мелкой буржуазіи, соотвѣтствующей нашему мѣщанскому сословію. Такъ или иначе—курсы эти открыты для всѣхъ безусловно, и общественное движеніе, разбудившее любознательность спавшей провинціи и давшее болѣе нежели 400 городамъ и селеніямъ истинное возрожденіе народнаго знанія—готово къ новымъ предпріятіямъ въ томъ же духѣ.

Публичныя лекціи, вечерніе курсы и, наконецъ, народные университеты—вотъ что дала англійскому народу для укрѣпленія и продолженія его воспитанія и образованія добрая воля начинателей, которыхъ нашлось множество здѣсь, и которая найдется и въ нашемъ отечествѣ, для чего имѣются и прекрасные кадры, такъ сказать, нынѣшніе комитеты грамотности.

Но... настоящимъ положеніемъ дѣла въ Англіи его передовые руководители недовольны,—они оставляютъ прежнія сообщества, ассоціаціи, которыя имѣли задачей лишь распространеніе образованія, и соединяютъ свои силы въ обширныхъ и сложныхъ новыхъ учрежденіяхъ съ цѣлью развитія истиннаго *народа*, его низшаго сословія, и полнаго его воспитанія. По мнѣнію преобразователей публичныя лекціи, курсы, а тѣмъ болѣе народные университеты привлекаютъ тѣхъ, которые уже познали сладкій плодъ науки, и совершенно безполезны для тѣхъ милліоновъ, которые составляютъ настоящую армію труда и нищеты. Чтобы пойти на лекцію, рѣшиться слушать курсы даже безплатно—надо почувствовать необходимость учиться, а этой необходимости несчастные не понимаютъ,—голодный желудокъ глупъ. Единственное обученіе, которое можетъ привлечь сразу этихъ несчастныхъ,—это такое, изъ котораго они увидятъ выгоды немедленныя, такое обученіе, которое отвѣчаетъ ихъ ремесламъ или занятіямъ. Словомъ, обученіе, предназначенное для взрослыхъ, должно быть, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ,—техническимъ и профессіональнымъ,—такіе курсы, открытые въ кварталахъ и мѣстностяхъ наиболѣе бѣдныхъ и невѣжественныхъ, привлекутъ бѣдныхъ и дѣйствительно невѣдающихъ...

Но обученіе, какъ бы оно полно ни было, не измѣнитъ нравовъ жизни... Къ чему знаніе, когда она полна пороковъ и преступленій? Не новыя знанія нужны меньшему брату нашему, а новые нравы, здоровыя развлеченія, лучшіе вкусы.... Отъ распространенія знанія таковые не рождаются,—надо установить тѣсныя связи съ молодежью народной, открыть ей новые пути, дать ей новыя средства для затраты силы, словомъ,—съ этой молодежью и для нея—*жить*.

Необходимъ не только союзъ, но *общность* съ народомъ и тогда, только тогда, когда этой молодежи будутъ открыты новые постоянные центры союза и умственной жизни, можно, гораздо легче уже, дать ей образованіе—*поднять* ее.

Такова цѣль, для которой созданы уже политехническіе институты и такъ называемые „дворцы народа“.

То чего они достигли, краснорѣчивѣе покажетъ—чего хотѣли они достигнуть. Способы достиженія цѣли были весьма различны и, какъ и всегда,—правительство выступало лишь для того, чтобы поддержать общество и частныхъ лицъ, ободрить и завести новыя учрежденія, подобныя же, оставляя каждому свободу дѣйствій и присущій учрежденію свой особый складъ.

Первый примѣръ коллективной преданности новому дѣлу подали университеты,—основаніе „народнаго дворца“ въ Вестъ-Эндѣ было свидѣтельствомъ громаднаго національнаго интереса, пробудившагося къ этому дѣлу, но политехническій институтъ на Режентъ-Стритъ, основанный и практически организованный ранѣе другихъ, можетъ служить образцомъ учрежденій этого рода.

Прошло не болѣе двадцати лѣтъ, какъ въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ началось движеніе, — это было то время, когда знаменитый Рускинъ, тогда профессоръ въ Оксфордѣ, отправился однажды со студентами исправить сельскую дорогу, чтобы внушить имъ уваженіе къ ручной работѣ. Это было время, когда подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Денисонъ, Морисъ и позднѣе Тонби, распространялась идея выполненія передъ бѣдными братскаго долга,—жить съ ними, среди нихъ, принося имъ не только знаніе, но симпатіи и примѣръ существованія болѣе осмысленнаго.—Посвятить этому дѣлу часть своего времени, прежде чѣмъ самому вступить въ жизнь—тогда признавалось спеціальнымъ долгомъ богатой и образованной молодежи. Одинъ за другимъ, молодые и независимые люди, какъ Тюнби, отправлялись въ мрачные кварталы Вестъ-Энда, дабы жить среди бѣдняковъ. За ними пошли и сами университеты, основывая въ самыхъ несчастныхъ кварталахъ „University Setlements“, истинныя университетскія колоніи для тѣхъ изъ своихъ членсвъ, которые хотѣли отдать часть своей молодости „общественной работѣ“. Каждый изъ этихъ работниковъ, окончивъ свой курсъ, являлся жить въ домѣ своей коллегіи на опредѣленное время, которое и отдавалъ для образованія, воспитанія и *развлеченія* окружающей молодежи бѣдняковъ. Въ многолюдныхъ кварталахъ Лондона такихъ учрежденій разсѣяно множество,—одни изъ нихъ чисто свѣтскія, какъ напримѣръ, Оксфордскій институтъ, но почти во всѣхъ религіозное препо-

даваніе введено, какъ необходимая часть воспитанія. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ институтовъ и могущій служить ихъ типомъ — это названный въ честь Тюнби — „Toynboe-Hall“. Попросту — это свѣтскій монастырь, *за плату* дающій помѣщеніе членамъ университетовъ, посвящающимъ годъ или два своей жизни воспитанію рабочихъ Уайтъ-чапеля (одинъ изъ бѣднѣйшихъ и многолюднѣйшихъ кварталовъ Лондона). Господа эти, „резиденты“, которыхъ въ 1894 году было 78 человѣкъ, и „ассоціаторы“, не живущіе въ „Тонби-Холлѣ“, но работающіе вмѣстѣ съ резидентами, — несутъ одновременно двойной трудъ, — общественный и воспитательный. — Съ одной стороны посредствомъ различныхъ ассоціацій они привлекаютъ къ себѣ окрестную молодежъ, — здѣсь крупную роль играютъ общества экскурсій, дебатовъ, атлетическіе союзы футбаля, крикета и тенисса (игры въ мячъ), годичныя выставки художествъ, мѣстныхъ произведеній, общества устроителей концертовъ, вечеровъ и т. д., при чемъ всѣмъ этимъ завѣдаютъ резиденты, которые, умѣло пользуясь выгодами своего положенія, дающаго имъ всеобщее уваженіе, — устраиваютъ успѣшно крупные денежные сборы и слѣдятъ за гигіеническимъ содержаніемъ квартиръ бѣдняковъ. Съ другой стороны, публичные лекціи и курсы, — организуемые ими съ помощью общества „University Extension“, ихъ прекрасныя библіотеки, читальныя залы и собственныя изданія служатъ образованію 800 молодыхъ людей, посѣщающихъ институтъ. Два громадныхъ новыхъ дома, пріобрѣтенныхъ „Тонби-Холлемъ“, предоставляютъ ученикамъ вечернихъ курсовъ превосходныя квартиры за очень дешевую плату, и директоръ института М. Барнетъ предполагаетъ уже образовать настоящій университетъ для рабочихъ. — Обучая ли рабочихъ, посѣщая ли ихъ мастерскія, или устраивая для нихъ развлеченія и сборы, резиденты, несмотря на политическія и религіозныя убѣжденія, ихъ раздѣляющія, работаютъ согласно въ одномъ направленіи — установить дружескія отношенія къ окружающей ихъ молодежи и затѣмъ, воспитавъ ихъ вкусы, научить чему возможно и что нужно для улучшенія жизни ихъ.

Нравственное вліяніе этихъ институтовъ громадно въ Англіи, — „Тонби-холль“ доказалъ, чего въ дѣйствительности, въ наихудшей средѣ, можетъ достигнуть преданность дѣлу, самоотверженіе нѣсколькихъ образованныхъ людей, доказалъ полную возможность внесенія въ самые низменные слои общества здороваго вліянія воспитанія и породилъ, такимъ образомъ, благотворное соревнованіе среди университетскихъ колоній въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона.

Симпатіи общества къ этому дѣлу, вызванныя университетами, вполнѣ опредѣлились при основаніи „People's Palace'а — „Дворца Народа“.

Происхожденіе этого народнаго дворца не лишено оригинальности. Въ 1883 году хорошо извѣстный англійскій писатель Вальтеръ Безантъ описалъ въ одномъ изъ своихъ романовъ „All sorst and conditions of man" ужасающую нищету многолюдныхъ лондонскихъ кварталовъ. Онъ описалъ развратъ одного или двухъ милліоновъ несчастныхъ среди всеобщаго и абсолютнаго безучастія, тогда какъ въ другомъ кварталѣ краса столицы—богачи ведутъ элегантную и культурную жизнь. Герой и героиня Безанта прощаются съ своею бездѣятельною жизнью и посвящаютъ свое состояніе основанію обширнаго „Дворца утѣхъ", въ которомъ они предоставляютъ несчастнымъ меньшимъ братьямъ пользоваться всѣми интелектуальными и художественными радостями, составляющими удѣлъ богатыхъ.

Словомъ, идея была та же самая, которая привела къ созданію университетскихъ колоній. Успѣхъ романа былъ весьма значительнымъ, ибо онъ отвѣчалъ заботамъ, волновавшимъ современное общество. Въ это самое время одинъ изъ лондонскихъ комитетовъ изыскивалъ наилучшее средство воспользоваться для несчастныхъ Вестъ-Эндскаго квартала крупнымъ даромъ, завѣщаннымъ какимъ-то благотворителемъ на воспитаніе бѣдныхъ. Сэръ Е. Hay-Currie, стоявшій во главѣ этого комитета рѣшилъ воспользоваться общественнымъ теченіемъ, созданнымъ романомъ В. Безанта и примѣромъ университетскихъ колоній. Но дара было мало, и дабы осуществить мечту романиста, слѣдовало обратиться къ общественной помощи. На кличъ Хе-Кёрре откликнулись со всѣхъ сторонъ, необходимая громадная сумма была собрана чрезвычайно скоро, и въ 1887 году королева Викторія лично торжественно предсѣдательствовала на открытіи „дворца народа". Словомъ, все учрежденіе было создано, благодаря внезапному, подъ часъ необузданному, движенію общественной щедрости, которое время отъ времени совершается въ Англіи и которое не такъ давно повторилось въ видѣ сбора въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ *милліона* рублей для затѣй Бутса, пресловутаго генерала пресловутой „арміи спасенія",—легіоны этой арміи, съ милліонами рублей, своей исторической дѣятельностью не спасли ни одного несчастнаго и достаточно справедливо служатъ предметомъ общественныхъ насмѣшекъ и порицанія.

„Дворецъ народа" создался по плану положительно грандіозному. Въ этомъ „cursеt cёty", проклятомъ кварталѣ Вестъ-Энда, гдѣ кабакъ въ дни тумана и холодовъ былъ единственнымъ мѣстомъ свиданія бѣдняковъ, къ услугамъ ихъ семействъ и дѣтей открылся обширный зимній садъ, съ мягкой атмосферой, съ цѣлыми аллеями зелени.

Въ громадной залѣ собраній, названной „Королевской залой", каждое воскресенье стали устраиваться концерты и еженедѣльно публичныя лекціи. Не забыты были общественныя бани, устроенныя въ обширнѣй-

шихъ въ Англіи размѣрахъ, прекрасно оборудованныя гимнастическія залы для мужчинъ и женщинъ,—открыта была одна изъ богатѣйшихъ въ Лондонѣ библіотекъ и промышленная школа, прекрасно поставленная. По правдѣ сказать, въ началѣ устроители нѣсколько вышли изъ предѣловъ благоразумія, такъ какъ скоро денежныя затрудненія остановили на время дѣятельность дворца, который тѣмъ не менѣе, ради здоровыхъ и даровыхъ развлеченій въ первый годъ посѣтили *полтора милліона* бѣдняковъ... Нынѣ дѣятельность дворца давно уже возстановлена и процвѣтаетъ, вліяніе его, какъ и „Тонби-Холля", одновременно и общественное и воспитательное, что же касается до его устройства, то мы находили таковое болѣе совершеннымъ въ Политехническомъ Институтѣ на Режентъ-Стритъ.

Можно справедливо прійти въ изумленіе, когда подумаешь и убѣдишься, что этотъ Институтъ на Режентъ-Стритъ, въ центрѣ Лондона, собираетъ около *восемнадцати тысячъ* молодыхъ людей, образуя для нихъ центръ воспитанья, образованія и развлеченій, центръ умственной и общественной жизни. Все это дѣло одного человѣка — М. Квинтинъ Хога (M. Quintin Hogg), крупнаго лондонскаго негоціанта. Его институтъ дебютировалъ очень скромно,—Хогъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, переодѣтый уличнымъ чистильщикомъ сапогъ, вербовалъ на улицѣ молодежь для своей вечерней школы, занимавшей весьма тѣсное помѣщеніе, и помѣщеніе это съ каждымъ годомъ увеличивавшееся, всегда оставалось тѣснымъ, благодаря наплыву вербуемой Хогомъ молодежи. Иниціатору надо было тридцать лѣтъ его самоотверженной дѣятельности и, наконецъ, богатое наслѣдство, чтобы открыть наконецъ наилучшій воспитательный институтъ для взрослыхъ изъ существующихъ въ мірѣ.

Чтобы сдѣлаться членомъ „Поли", какъ любовно сократили названіе „Политехническаго Института", рабочій, служащій, или мастеровой, каково бы ни было его прошлое, происхожденіе, національность, религія и политическія убѣжденія, долженъ выполнить лишь два условія—имѣть отъ 16 до 25 лѣтъ отъ роду и обязаться платить по одному шиллингу (48 коп.) въ мѣсяцъ. Возрастной цензъ здѣсь имѣетъ свое значеніе,—принятый моложе шестнадцати лѣтъ юноша избѣжитъ общеобразовательной первоначальной школы (обязательное образованіе въ Англіи дается до шестнадцатилѣтняго возраста), старше двадцати пяти лѣтъ онъ не будетъ способенъ воспріять воспитаніе, жизнь уже наложитъ на него неизгладимый слѣдъ. Извѣстное значеніе имѣетъ и платное обученіе принятый безплатно: онъ недостаточно оцѣнитъ свой пріемъ въ Институтъ,—человѣкъ такъ уже созданъ, что признаетъ достойнымъ то лишь,

что стоило ему извѣстной жертвы. Врядъ ли нужно говорить, что плата эта не покрываетъ и десятой доли расходовъ,—до 1889 года остальную большую часть расходовъ покрывалъ М. Хогъ, истратившій со времени основанія института нѣсколько милліоновъ, съ этого же года на помощь къ основателю Института пришло общество,—какимъ путемъ—мы увидимъ дальше.

Разъ молодой человѣкъ принятъ членомъ Института, ему остается лишь, слѣдуя своимъ вкусамъ или призванію избрать наиболѣе полезное употребленіе своего свободнаго времени. Двери гимнастическихъ залъ открыты для него каждый вечеръ,—тамъ упражняются ежедневно тысячи молодежи; къ ихъ услугамъ круглый годъ открытъ и обширный бассейнъ для плаванія. Впрочемъ, въ отношеніи физическихъ упражненій, крупную роль вообще играющихъ въ англійскомъ воспитаніи, члены института раздѣляются на нѣсколько клубовъ, которые имѣютъ участки земли гдѣ-либо на окраинахъ, или за городомъ, — игроки въ foot-ball и крикетъ имѣютъ свою громадную поляну въ Уимльдонѣ, близь Ричмонда, любители гребного спорта—свой „boat house", сарай для лодокъ—на Темзѣ, конькобѣжцы—свой „rink", катокъ въ Бромптонѣ; наконецъ велосипедисты, которыхъ болѣе 230, составляютъ знаменитѣйшую ассоціацію въ Англіи, чампіоны которой не разъ одерживали побѣды и на гонкахъ парижскихъ.

Независимо клубовъ атлетическихъ, молодой членъ института присоединяется или къ „Обществу политическихъ дебатовъ", такъ сказать „Парламенту" институтскому, который насчитываетъ до 500 членовъ, или къ „клубу чтенія", къ игрокамъ въ шахматы, къ любителямъ фотографіи. Если онъ имѣетъ влеченіе къ иностраннымъ языкамъ, можетъ войти въ составъ нѣмецкаго, или болѣе просвѣщеннаго французскаго общества, гдѣ въ оригиналахъ читаются произведенія лучшихъ авторовъ, получаются журналы и на собраніяхъ говорятъ лишь на французскомъ языкѣ. Если онъ музыкантъ—онъ можетъ принять участіе въ оркестрѣ, орфеонѣ или фанфарѣ Института, и наконецъ никто ему не препятствуетъ быть членомъ хотя бы сразу всѣхъ этихъ клубовъ, а такъ какъ всѣ они управляются самими же членами, то и плата за участіе и взносы на расходы опредѣляются самими же членами.

Не принадлежа ни къ одному изъ этихъ клубовъ, членъ Института пользуется тѣмъ не менѣе библіотекой въ 6000 томовъ, постоянно открытой, какъ и залой читальной со всѣми выходящими въ Лондонѣ газетами и журналами, рестораномъ, гдѣ онъ можетъ ѣсть, платя дешево, ибо ресторанъ прибылей не ищетъ, услугами „общества взаимнаго вспомоществованія на случай болѣзни", бюро для помѣщенія своихъ объяв-

леній на случай безработицы, наконецъ сберегательной кассой и бюро для юридическихъ совѣтовъ.... словомъ, за тотъ же шиллигъ въ мѣсяцъ, онъ найдетъ здѣсь все... вплоть до парикмахера, включительно. Вліяніе власти устроителей въ „Поли" весьма мало замѣтно. Молодымъ людямъ даютъ средство соединиться,—даютъ помѣщеніе и матеріалъ, затѣмъ предоставляютъ имъ свободу дѣйствій въ рамкахъ одобренныхъ правилъ и молодаго человѣка считаютъ уже спасеннымъ, если онъ среди кипучей дѣятельности института избралъ и себѣ какую-либо, хотя бы даже спортъ,—здоровыя привычки спасутъ его отъ дурныхъ.

Все это относительно стороны общественной и развлеченій, но рядомъ съ клубами и обществами „Поли" располагаетъ цѣлой системой образовательной, весьма сложной, которую въ общихъ чертахъ трудно передать.

Во-первыхъ, *при* „Поли" имѣется первоначальная школа съ коммерческимъ образованіемъ, весьма разностороннимъ; затѣмъ, уже для взрослыхъ цѣлый рядъ вечернихъ классовъ, одинъ перечень которыхъ наполнитъ страницу. Обученію Слову Божьему отводится значительное мѣсто,—но оно не обязательно, и въ „Поли" можно встрѣтить столько же католиковъ, евреевъ и диссидентовъ, сколько англиканскихъ протестантовъ. Рядомъ съ образованіемъ общимъ, всѣмъ необходимымъ, здѣсь основано множество *техническихъ курсовъ, безусловно практическихъ*, профессіональныхъ и спеціальныхъ, при чемъ въ тотъ или другой классъ принимаются лишь рабочіе, ремесла которыхъ отвѣчаютъ преподаванію.

Каждый такой классъ основанъ былъ и основываются новые только по требованію желающихъ и, когда найденъ учитель, даны ему мастерская и матеріалъ, онъ долженъ остановиться на предметѣ необходимомъ, практическомъ, изъ котораго пользу можно извлечь—немедленно, въ противномъ случаѣ ученики оставятъ и учителя и мастерскую, и курсъ погибнетъ самъ собою.

Такимъ образомъ процвѣтать могутъ лишь курсы абсолютно техническіе, какъ напримѣръ,—граверныя на мѣди, гипсообжигательные, курсы мебельныхъ рисунковъ и перилъ для лѣстницъ, экипажные, закройщиковъ, починки часовъ и т. д. и т. д. Если рабочіе не найдутъ немедленной выгоды отъ обученія и такимъ образомъ улучшенія своего положенія, они не будутъ въ числѣ болѣе 10 тысячъ человѣкъ платить за слушаніе курсовъ отъ 2 до 3 рублей въ семестръ.

Каждый молодой человѣкъ—членъ института, находитъ свою жизнь занятою. Онъ распредѣляетъ свои вечера между курсами или классами, ему полезными, обществами, членомъ которыхъ состоитъ и развлеченіями,

ими организуемыми, — праздники же и дни отдыха „Bank Holiday" проводитъ здѣсь же въ своемъ клубѣ. Въ дни отпуска, каникулъ [1]), для членовъ своихъ „Поли" организуетъ по цѣнамъ положительно ничтожнымъ экскурсіи компаніями въ Швейцарію, Францію, даже въ Норвегію.

Все это не подчиненіе, не обезличеніе человѣка, ему не предъявляютъ, не навязываютъ ни условій, ни убѣжденій, ни правилъ, наоборотъ, это полное расширеніе его существованія, открытое поле для его энергіи, спасеніе—путемъ свободы и дѣятельности. Таковы, въ общемъ, исторія и устройство великихъ учрежденій Англіи, выражающихъ новую систему воспитанія взрослыхъ. — Описанныя нами, равно какъ имъ подобныя учрежденія обязаны своимъ существованіемъ исключительно усиліямъ и почину частнымъ.

Намъ остается взглянуть, какимъ образомъ приняло участіе въ этомъ дѣлѣ правительство, какъ оно поддержало его, обезпечило, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, жизненность его и въ свою очередь организовало учрежденія, подобныя возникшимъ по частному почину, но сперва скажемъ лишь, что вслѣдъ за Лондономъ подобныя же учрежденія, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, открывались повсюду въ провинціяхъ, до скромныхъ селеній включительно, причемъ центромъ ихъ почти исключительно являлись церкви. Бывшіе и ранѣе вечерніе курсы понемногу принимали болѣе техническій характеръ и становились привлекательнѣе. Дѣло росло, процвѣтало, и правительство не могло долѣе оставаться безучастнымъ къ этому дѣлу, національный интересъ къ которому былъ очевиденъ. Первая помощь пришла отъ совѣтовъ „комисаровъ благотворительности" (Charity Commissioners). Комитеты эти уполномочены правительствомъ наблюдать за администраціей завѣщанныхъ имуществъ и благотворительными учрежденіями и обладаютъ значительными средствами для субсидій. Комитеты эти широкое участіе принимали въ основаніи „Дворца народа", въ 1889 году обезпечили Политехническому институту на Режентъ-Стритъ ежегодную субсидію въ 36,000 рублей, а затѣмъ при ихъ участіи возникли всѣ новыя подобныя учрежденія въ Лондонѣ. Для обширныхъ южныхъ кварталовъ столицы, гдѣ мѣстный комитетъ проэктировалъ устройство трехъ такихъ институтовъ, какъ на Режентъ Стритъ „Charity Commissioners"—дали *полтора милліона рублей,* (150,000 фунтовъ) съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы таковая же сумма собрана была по подпискѣ, что и со-

---

[1]) Всѣ служащіе въ Англіи, кромѣ праздниковъ и четырехъ понедѣльниковъ въ году (Bank Holiday), имѣютъ право отпуска лѣтомъ на время отъ 7 до 15 дней. Правомъ этимъ пользуется даже домашняя прислуга.

вершилось вскорѣ, и въ данную минуту три института, подобныхъ „Поли" (но меньшихъ размѣровъ), дѣйствуютъ на Нью-Кроссѣ, Бэро-Родѣ и въ Баторзее (южные кварталы), имѣя каждый отъ трехъ до четырехъ тысячъ членовъ-учениковъ. Комитетами этими даются субсидіи всѣмъ частнымъ учрежденіямъ, которыя ими считаются достойными поощренія, и, по примѣру южныхъ кварталовъ, для четырехъ институтовъ въ сѣверныхъ ассигновано уже *два милліона* рублей. Пять лѣтъ тому назадъ правительство наконецъ непосредственно приняло участіе во всѣхъ учрежденіяхъ, которыя имѣли цѣлью воспитаніе взрослыхъ и техническое образованіе. Въ 1890 году въ Англіи былъ установленъ новый налогъ на алкоголь, и почти весь доходъ съ него министръ финансовъ *Гошенъ* (нынѣшній морской министръ въ комитетѣ Сольсберри) предоставилъ въ пользу „County-Council", провинціальныхъ совѣтовъ (играющихъ роль нашихъ земствъ), которые, въ свою очередь, крупные эти доходы ассигновали на поддержаніе и учрежденіе мѣстныхъ институтовъ, служащихъ техническому и профессіональному образованію рабочихъ. Такимъ же путемъ поддерживаются и политехническіе институты и дворцы народа.

Признавая благодѣтельное участіе совѣтовъ или правительства въ трудѣ образовательномъ, которое, до извѣстной степени, можетъ быть измѣряемо числомъ учащихся,—нельзя не признать ихъ столь же благодѣтельное участіе въ трудѣ воспитательномъ, болѣе молчаливомъ, котораго цифрами измѣрить нельзя, но не менѣе плодотворномъ по его результатамъ. На 1895 годъ, напримѣръ, участіе лондонскаго совѣта выразилось въ субсидіи политехническимъ институтамъ, „дворцу народа" и технически-образовательнымъ учрежденіямъ—въ размѣрѣ около *милліона рублей*. Примѣру лондонскаго совѣта слѣдуютъ провинціальные, дѣло быстро развивается, и на дняхъ, между прочимъ, предстоитъ открытіе въ *одномъ только земледѣльческомъ округѣ Іоркшира — двѣнадцати политехническихъ* институтовъ, по иниціативѣ графа Мисъ (Meath), но при поддержкѣ правительства.

Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціи всѣ эти институты того же характера, — всѣ они привлекаютъ молодежь тѣми удобствами общенія, которыя они предоставляютъ,—бани, гимнастика, библіотеки, читальныя залы, концерты, спектакли и т. д. Вмѣстѣ съ образованіемъ они, благодаря клубамъ, внушаютъ здоровыя привычки и увлеченія, которыя не оставляютъ времени и вкуса къ разврату... образованіе же поставлено такъ, что даетъ немедленную и ощутительную выгоду учащемуся... Такъ исполнилось великое нравственное и общественное дѣло силою одного лишь добраго примѣра, путемъ лишь дѣятельности... Слѣдуетъ ли при-

знать совершенствомъ эти политехническіе институты? Поменьше утилитаризма, поскромнѣе поле для личныхъ интересовъ учащихся было бы, конечно, желательно, какъ слѣдовало бы не давать забывать молодежи, что она приходитъ въ это учрежденіе прежде всего ради воспитанія, ради кое-чего болѣе возвышеннаго, которое не всегда размѣнивается на матеріальные результаты, на выгоды немедленныя... Въ томъ положеніи, какъ это дѣло стоитъ теперь въ Англіи, оно, быть можетъ, дастъ образованныхъ работниковъ, наиспособнѣйшихъ каждый въ своемъ родѣ дѣятельности, но дастъ ли оно людей, въ широкомъ смыслѣ слова,—гражданъ?

Къ счастію рядомъ съ этими новыми учрежденіями существуютъ другія, болѣе древнія, но не менѣе могущественныя въ области общаго воспитанія,—это народныя библіотеки, читальныя залы.

Слава Богу, съ легкой руки комитета грамотности дѣло народныхъ читаленъ и у насъ хорошо и раціонально поставлено и намъ все чаще и чаще приходится читать въ повременной печати объ открытіи таковыхъ то въ томъ, то въ другомъ городѣ, то тѣмъ, то другимъ земствомъ,—будущее этого крупнаго дѣла обезпечено его жизненностью...

Не будемъ говорить о прекрасномъ устройствѣ этихъ „Free Public Library“, „Безплатныхъ общественныхъ библіотекъ“, скажемъ лишь, что въ Лондонѣ, гдѣ ихъ *тридцать* (число далеко еще недостаточное), эти могучіе соперники кабаковъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привлекаютъ народъ...

Такимъ образомъ, благодаря политехническимъ институтамъ и учрежденіямъ технически-образовательнымъ, которымъ молчаливо содѣйствуютъ народныя читальни, работаетъ нынѣ въ Англіи система воспитанія взрослыхъ, сложная по происхожденію, но единая по дѣятельности. Десятки тысячъ въ Лондонѣ и сотни тысячъ въ провинціяхъ, собирающіеся ежедневно въ этихъ институтахъ, принадлежатъ къ народу, къ его классамъ наиболѣе бѣднымъ. Изо дня въ день они работаютъ, но благодаря институтамъ живутъ и физически и умственно и нравственно жизнью болѣе высокою чѣмъ молодежь, лишенная этихъ учрежденій. Здоровой дѣятельностью они лишены соблазновъ тѣхъ общественныхъ золъ, которыя разрушаютъ націи, которыя зовутся невѣжествомъ, пьянствомъ и развратомъ,—это заря будущаго здороваго потомства...

Благодаря чему родились всѣ эти глубоко полезныя учрежденія? *Исключительно благодаря сознанію общественнаго долга и любви къ народу...*

Можетъ ли это великое дѣло у насъ вылиться въ такихъ же формахъ и размѣрахъ, и даже желательны ли у насъ такія именно

формы,—вопросъ другой. Другія условія жизни, ея строй, вѣрованія и убѣжденія видоизмѣнятъ ихъ безспорно, а тѣ причины, которыя въ Англіи много препятствовали дѣлу, — различіе политическихъ и религіозныхъ убѣжденій — у насъ, къ счастію и благу родины, не существуютъ, — наоборотъ, единство вѣры и безграничная, съ молокомъ матери рождающаяся любовь къ роднымъ и престолу внесутъ въ дѣло единый духъ—*сыновній* къ Церкви, Отечеству и Монарху, духъ, который послужитъ дѣлу несокрушимымъ цементомъ.

Да, наконецъ, строго говоря,—и не въ формахъ дѣло,—укрѣпленные этимъ духомъ, которому нѣтъ мѣста на Западѣ,—они выльются сами собою благодаря дѣятельности, въ основу которой ляжетъ святая, безкорыстная любовь къ нашему кормильцу — народу — его радѣтелей, борцовъ противъ народнаго горя—невѣжества, которыхъ ждетъ если не матеріальная, то столь же какъ и любовь, великая и святая награда,— „сѣйте великое, доброе, вѣчное,—сѣйте, *спасибо вамъ скажетъ сердечное—русскій народъ!*“

Л. А. Б—ичъ.

ИЗЪ ПОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ.

Нужна ли совѣсть и полезна ли для общества забота о „спасеніи души?“

Поединокъ г. Меньщикова съ г. О. Т. В. «Русская Мысль»).

Духовною жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачился....
«Возстань пророкъ и виждь, и внемли,
«Исполнись волею Моей
«И, обходя моря и земли,
«Глаголомъ жги сердца людей»!
Пушкинъ.

... «Что Вы читаете, Принцъ ?
— «Слова, слова, слова».
Шекспиръ.

Въ отличіе отъ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка, замкнувшаго всѣхъ замысловъ своихъ блестящій кругъ фонтаномъ крови человѣческой, XIX вѣкъ доживаетъ свои послѣдніе годы, наслаждаясь миромъ и похваляясь миромъ. (Желтолицые не въ счетъ, да и у нихъ не конецъ XIX вѣка приближается; счетъ вѣковъ у нихъ не нашъ). Да, у насъ, у всѣхъ бѣлолицыхъ, миръ и утвержденіе.

Благодаря довольно продолжительному миру, развиваются и процвѣтаютъ всѣ науки и всѣ искусства. Наслаждаясь миромъ, люди охотнѣе отдаются философствованію. Одни любятъ сами отъ времени до времени пофилософствовать, другіе любятъ послушать любителей мудрости. Въ журналахъ всевозможной окраски отводятся мѣста все болѣе и болѣе просторныя для мыслителей. Повидимому, какъ будто бы *Царица бытія* снова въ силу вошла. Не напомнить ли вамъ читатель, кто, по мнѣнію нашего поэта,—Царица бытія.

Горитъ огнемъ и вѣчной *мыслью* солнце;
Осѣнены великой тайной думой
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ,
И одинокій молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.

Въ тьмѣ ночи возникаетъ *мысль* созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта,
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя.
Повсюду *мысль* одна—одна идея;
Она живетъ и въ пеплѣ и въ пожарѣ;
Она и тамъ—въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалахъ и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра,
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства.... Всюду
Она *одна*—царица бытія!

Мысль—царица бытія—свое беретъ въ девятидесятыхъ годахъ; къ ней начинаютъ относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ герои нашего времени, и надъ любомудріемъ перестали издѣваться даже тѣ, которые еще столь недавно вѣровали, что будто бы:

«Все, что имъ не взвѣсити, не взмѣрити,
«Все... надо похерити:
. . . .
«Только то, *говорили*, дѣйствительно,
«Что для нашего тѣла чувствительно».

Направо и налѣво слышимъ философскіе разговоры.

Разсуждаютъ о томъ — *Нужна ли совѣсть, свобода совѣсти, нужна ли забота о спасеніи души о самоусовершенствованіи?*

Въ „Русскомъ Обозрѣніи“ господинъ Розановъ признаетъ, что совѣсть нужна, но онъ ратуетъ только за *ея* неволю, совѣтуя въ случаѣ *ея* порывовъ къ свободѣ бичи, темницы, топоры, костры, а буде то не пригоже по нонѣшнимъ временамъ, то—грѣшные кулаки и рукопашный бой... Во имя?... Да просто во имя „Знай нашихъ“!

«Вы, райскаго вербовщики спасенья,
«*Во имя ли любви* вы громоздите
«Для вашихъ жертвъ священные костры?

(А. К. Толстой).

Господинъ Розановъ не одинъ, существуютъ и другіе „вербовщики спасенія“. Всѣ вы, господа, „не вѣсте, коего духа вы есте“. По поводу вашихъ рѣчей я вспомнилъ и только-что привелъ три строчки Алексѣя Толстаго, дальше у него прочтите тамъ же есть прямо васъ касающаяся строчка:

«*Коль нѣтъ любви, то нѣтъ и убѣжденій*»
(а, вѣроятно, такъ себѣ, *мнѣнія-экспромты*)...

Вотъ оно что; вотъ, пожалуй, въ чемъ и вся разгадка: *у васъ нѣтъ убѣжденій*, нѣтъ вѣры *въ Бога любви*, господа непризванные Богомъ „вербовщики райскаго спасенія“, господа гонители свободы, и отъ того-то вамъ не дано свыше „глаголомъ жечь сердца людей“. Это дается только тому, у кого отъ избытка любви въ сердцѣ уста глаголютъ, это дается вѣрующему. Имѣющій вѣру хотя бы съ зерно горчичное горами движетъ, зачѣмъ ему приводить въ движеніе мечи, сѣкиры, топоры и свои грѣшныя руки со сжатыми кулаками во славу Бога любви и мира?.. Человѣкъ, когда онъ не окрѣпъ въ вѣрѣ самъ, и въ глубинѣ души сознаетъ это, но не будучи въ силахъ ни примѣромъ собственной жизни, ни горячимъ словомъ убѣжденія „сердца̀ согражданъ исправлять“, неся лишь дань своенравію просто во имя „знай нашихъ“, набрасывается на инако мыслящаго (инако мыслящаго въ *это* время его жизни) согражданина съ поднятыми грѣшными руками и глазами, налитыми кровью, иногда съ пѣной у рта... Тяжелая картина, особенно ежели это во Христа крестившійся и во Христа̀ облекшійся. Безумно призываетъ онъ огонь съ неба и это послѣ того, что съ неба сходилъ на землю кроткій Агнецъ, „вземляй на Ся грѣхъ всего міра“, и возвѣстилъ „блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю“, Который всѣхъ призывалъ: „воззрите на Мя, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ!“ Не падаетъ огонь съ неба — грѣшныя руки бросаются за огонькомъ земнымъ, огнемъ костровъ, чтобы „жечь благочестиво“ нелюбимыхъ. Не обрящете чрезъ то покой душамъ вашимъ, не умножите малую вѣру вашу, все будете, какъ трость, вѣтромъ колеблемая! Лучше совершайте добрыя дѣла вѣры, „да, видя ваши добрыя дѣла, прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ“, или молитесь усерднѣе, воздѣвъ грѣшныя руки къ небу: „Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли“, уподобьтесь Отцу вашему, который посылаетъ дождь для праведныхъ и неправедныхъ. Вспомните и изъ ветхаго завѣта Озію, который осмѣлился поддержать грѣшными руками падавшій (какъ ему казалось) ковчегъ завѣта; что

постигло Озію? Вспомните и смиритесь предъ рекшимъ: „Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ“!..

О, если бы когда-нибудь вы вперили очи сердца въ великій замыселъ созданія свободныхъ разумныхъ существъ! Что отвѣтите вы въ нашъ вѣкъ „ропотникамъ, ничѣмъ недовольнымъ“, проклинающимъ жизнь, на все зажмуривающимъ очи, кромѣ земныхъ страданій и вопрошающимъ насъ христіанъ (признающихъ Творца-Промыслителя, Благожелательнаго и Всевѣдующаго), *„откуда страданія“?* На великое значеніе свободы въ жизни существъ, одаренныхъ совѣстью, разумомъ, и могуществомъ самосозиданія — вотъ на что вы единственно вѣдь могли бы указать въ отвѣтъ. Всѣ современные враги Христовы въ своихъ нападкахъ на нашу вѣру, первое чего требуютъ: объясни имъ, откуда страданіе, когда благъ Господь, откуда страдающіе, когда ихъ Творецъ (по нашему мірозерцанію) провидѣлъ всѣ судьбы человѣческія, зачѣмъ было творить души тѣхъ, о коихъ зналъ, что ихъ ждутъ страданія за ихъ грѣхи. Отвѣтъ одинъ: ежели бы только одни агнцы познали жизнь, то не было бы свободно избравшихъ себѣ въ вѣчный удѣлъ кротость и блаженство кроткихъ, не было бы побѣдителей смерти, не было бы Богочеловѣка. Вамъ не къ лицу, не пристойно давать подобный отвѣтъ, потому-что вы свободу совѣсти ни во что ставите, господа вербовщики, загонщики райскаго спасенія, незваные, непрошенные. Откуда у васъ приподнятый тонъ торжествующихъ, будто на вашей улицѣ праздникъ? У васъ нѣтъ „своей улицы“, — у васъ нѣтъ убѣжденій, — трости вы, вѣтромъ колеблемыя. Вы мните на долго изгнана вами священная свобода? Нѣтъ.

«Но ты священная свобода
Вернешься вновь съ отмщеніемъ и славой
И вновь твои враги падутъ».

Боюсь достанется мнѣ отъ грѣшныхъ рукъ: — откуда дескать этотъ авторъ подобные стихи раздобылъ, навѣрное это пророчество какого-нибудь врага отечества? Нѣтъ, господа, враги свободы духовной, это стихи Александра Сергѣевича Пушкина, которому благодарное отечество поставило памятникъ въ своемъ многострадальномъ сердцѣ — въ Москвѣ бѣлокаменной и всѣ его стихи, въ томъ числѣ только-что приведенные мною, напечатаны въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и разошлись по всей Руси.

II.

Не успѣли г. Розановъ съ братіей закончить своей проповѣди *неволи совѣсти* и сказать опредѣлительно, какія для *нея*, возможныя по нынѣшнимъ временамъ, цѣпи сковать бы надлежало, не успѣли вполнѣ высказать свои якобы „убѣжденія“ о вредѣ свободы на страницахъ толстаго журнала благочестивой Москвы, какъ почти одновременно въ другомъ, тоже толстомъ и тоже московскомъ журналѣ знатоки судятъ-рядятъ о томъ уже: *на что нужна совѣсть*, есть ли *въ ней* какая потреба для блага человѣческихъ обществъ, раздавался ли когда ея голосъ противъ зла, въ которомъ весь міръ лежитъ по писанію, или же только—какъ, напримѣръ, ротъ служитъ для одного его обладателя, такъ и совѣсть можетъ быть и нужна зачѣмъ-нибудь только для каждаго человѣка въ отдѣльности.

Вы помните ли, читатели, изумленный, вы помните ли превосходный разсказъ второго Гоголя: „Совѣсть пропала“. Но, то „разсказъ убѣдительно-лживый развивалъ невозможную повѣсть“, разсказъ вымышленный, фантастическій,—„нѣбыль“, но каково убѣдиться доподлинно, что въ послѣднія времена *пропало знаніе совѣсти* или доведено это знаніе до небывалаго минимума въ кругу высокообразованныхъ людей, первосвященниковъ русской мысли. Сократилось до ничтожнаго минимума знаніе того, что такое эта искра Божія — совѣсть, отличающая самаго глупаго человѣка отъ самаго умнаго звѣря. Читаешь и своимъ глазамъ не вѣришь. Сонъ, смутный сонъ на яву! Вотъ послушайте-ка спорящихъ.

Въ іюльской книжкѣ „Русской Мысли“ г-нъ Меньшиковъ такъ начинаетъ статью:

„Нужна ли совѣсть? Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не на столько безспоренъ, чтобы невозможны были въ немъ разнорѣчія... О. Т. В. отрицаетъ ту мысль, что личная нравственность есть источникъ общественной нравственности. Онъ утверждаетъ, *что не совѣсть*, а знаніе *ведетъ къ справедливымъ порядкамъ жизни*; въ разныхъ мѣстахъ статьи онъ посмѣивается надъ развитіемъ совѣсти... считая это по меньшей мѣрѣ дѣломъ безполезнымъ. Совѣсть выходитъ какъ бы не нужной, достаточно, видите ли, одного знанія.

По представленію О. Т. В. выходитъ, что *совѣсть* и начинается и оканчивается въ границахъ отдѣльной личности, не переходитъ на общественныя цѣли человѣка и *со зломъ общественнымъ не борется*.

О. Т. В. утверждаетъ, будто бы: „само по себѣ стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, *къ спасенію души,* отнюдь не заключаетъ въ себѣ элемента борьбы съ общественнымъ зломъ“.

Я бы на мѣстѣ господина Меньшикова прежде всего напомнилъ всѣмъ, для кого знаніе (знаніе, конечно, естественныхъ наукъ,—другое никакое знаніе за знаніе не почитается)—фетишъ всемогущій, я напомнилъ бы имъ великое историческое событіе: Свыше вдохновенный Петръ, онъ же и Симонъ, отнюдь не обладавшій тѣмъ „знаніемъ“, которое гг. современные философы почитаютъ всемогущимъ и вседѣятельнымъ, произноситъ (въ день сошествія Св. Духа) рѣчи о *спасеніи* душъ, о воскресшемъ изъ мертвыхъ Христѣ *Спаситель;* и что же?—*Пробужденная,* какъ бы воскреснувшая *совѣсть* слушателей *совершаетъ чудеса дѣятельнаго добра, чудеса на поприщѣ общественнаго блага:* создаетъ общину въ нѣсколько тысячъ, гдѣ именно *общественнаго* зла какъ небывало. Не правда ли, какая рѣшительная небывалая еще нигдѣ никогда побѣда въ борьбѣ съ общественнымъ, зломъ?! А между тѣмъ сообщилъ ли апостолъ слушателямъ, что громъ и молнія суть явленія электричества, или что горѣніе свѣчи есть соединеніе газовъ при повышенной температурѣ, или что земля ходитъ около солнышка, или что современная лошадь произошла отъ многокопытнаго, чему доказательствомъ лошадь Юлія Цезаря, имѣвшая добавочное копытце въ придачу къ обыкновенному конскому копыту, или что откопана птица съ зубами, птица, похожая на пресмыкающееся (о каковомъ событіи съ радостнымъ умиленіемъ повѣствуетъ господинъ Темирязевъ въ той же книгѣ „Русской Мысли“, гдѣ разбирается вопросъ, „нужна ли совѣсть?“).

Нѣтъ, не сообщеніемъ *такого знанія* совершился необыкновенный, неожиданный подъемъ нравственности общественной въ нѣсколькихъ тысячахъ людей, составившихъ, благодаря этому подъему, первую христіанскую общину. Вспыхнули Божіи искры ярко, и ихъ огонь освѣтилъ и согрѣлъ вселенную новою мыслью братства и равенства, мыслью, осуществившейся въ живой дѣйствительности... „О Христѣ бо Іисусѣ нѣсть мужескъ полъ, ни женскъ, Еллинъ и Іудей, рабъ и свободь“. Люди, отдавшіеся каждый *спасенію своей души,* повергли все свое имущество къ ногамъ апостоловъ, и впервые земля увидѣла *справедливые порядки общественные* въ общинѣ многотысячной—„бѣ бо у всѣхъ душа едина, и никто ничего не называлъ своимъ“.

Не возможна, не мыслима *борьба съ общественнымъ зломъ* инымъ путемъ, какъ только усиленіемъ общественнаго добра, самоусовершенствованіемъ единицъ, все равно какъ борьба со тьмой возможна только усиленіемъ свѣта. Единственное средство противъ *несправедливыхъ порядковъ*

общественныхъ, это успліе добра въ гражданахъ. Господинъ Меньшиковъ, вознамѣрясь какъ можно выше поднять значеніе совѣсти, говоритъ: „*Совѣсть*, какъ и всякое доподлинное сознаніе, *есть страсть*". О какая неосторожная обмолвка! какъ это вы такъ понимаете, господинъ Меньшиковъ? Какъ же это такъ?!.. Отъ юности моея, какъ вамъ извѣстно, мнози борятъ мя страсти:—похоть плоти, похоть очесъ, гордость житейская,—совѣсть моя понуждаетъ меня бороться съ ними. Въ духовноплотскомъ моемъ существѣ идетъ нескончаемая борьба душевно-плотского съ духовнымъ. Тѣло выводитъ цѣлую рать страстей, возставая на духъ, духъ возстаетъ на плоть: „Умомъ громамъ повелѣваю..." устроителемъ всѣхъ движеній естества во мнѣ (или естествъ во мнѣ) является голосистая совѣсть, съ своими неизмѣнно вѣчными требованіями правды и добра.

Удивительно какъ пришла въ забытье вся самодвижность, вся самодѣятельность духа въ человѣкѣ, до чего забыто все то, что въ сплахъ совершить и дѣйствительно совершаетъ человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ, „духовной жаждою томимъ". Всѣмъ то мерещится, что, будто бы, только одно душевно-плотское начало—страстность—самодвижно, самодѣятельно.

Будь совѣсть итогомъ движеній вещества—страстью, живи и дѣйствуй она—чистая совѣсть, не какъ не растанный другъ чистѣйшаго разума, о, конечно, она никогда и нигдѣ не имѣла бы и не могла бы имѣть никакого значенія въ борьбѣ „съ духами злобы поднебесной", „княземъ тьмы" и его стихіей—общественнымъ зломъ, міровымъ зломъ (зломъ, въ которомъ весь міръ лежитъ, по писанію).

Разъ на всегда признайте, господинъ Меньшиковъ, открыто, смѣло духодвижность (самопроизвольную духодвижность), тогда вы легко выиграете поединокъ не только съ г. О. Т. В., но и съ самимъ древнимъ зміемъ, если бы онъ явился къ вамъ, искушая васъ своимъ знаніемъ смертоноснымъ, посмѣиваясь надъ вашей *заботой о спасеніи души*.

Не называйте совѣсть страстью, не почитайте безсмертную силу временной, скоропреходящей и не возвеличивайте страстность:—не страстность вѣнецъ созданія Всемогущаго, не она краса и слава того міра, который живетъ въ душѣ человѣка. Она, если хотите, „охлаждающій огонь!" (по чудному, образному выраженію Григорія Богослова, этого величайшаго поэта всѣхъ временъ, учителя вселенной). Вы изумляетесь, вамъ страннымъ, неудобопонятнымъ кажется — какъ это пылъ страсти можетъ охлаждать... Послушайте пѣвца демонизма, великаго Лермонтова:

И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови...

или онъ же въ другомъ мѣстѣ

Въ немъ призрака небесъ напрасно не ищи,—
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ [1]).

Древніе святые подвижники для того и боролись со всѣмъ сонмомъ страстей и похотей въ себѣ, съ своей страстностью и похотливостью, для того и гасили въ себѣ „охлаждающій огонь", чтобы исполнить великую заповѣдь,—„духа не угашайте", чтобы достичь духодвижности и возможной на землѣ, возможной во плоти пребывающему *свободы духовной*. Не даромъ величайшихъ мужей подвижниковъ святые отцы прозвали „мужами желаній". Вѣдь это только на бабьемъ языкѣ „безстрастный"—синонимъ бездушнаго, несильнаго, недѣятельнаго, однимъ словомъ „тряпки", а вѣдь вы философъ г. Меньшиковъ!..

III.

Одинъ изъ современныхъ намъ отшельниковъ изъ міра, писалъ года три назадъ въ защиту вѣковъ аскетизма:

„Слѣдя за поднимающимися въ русскомъ обществѣ религіозными спорами, я съ грустью убѣждался каждый разъ, что главною причиною враждебнаго настроенія противъ Церкви со стороны мыслителей раціоналистовъ бываетъ незнаніе церковнаго ученія, сужденіе о немъ по свѣтскимъ предразсудкамъ, а не по словамъ св. Писанія и св. Преданія... Такъ и въ вопросѣ о томъ, какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ *о спасеніи* своей собственной души.. Къ твердому и ясному отвѣту на этотъ вопросъ наше вѣрующее общество, увы, не подготовлено, что, конечно, весьма печально, ибо знать его было бы существенно.

Въ чемъ же затрудненіе современнаго вопроса? Да въ томъ, конечно, что *религія любви*, повидимому, не могла бы давать убѣжища для отрекающихся отъ служенія общественному благу [2]), а съ другой стороны всѣ пожившіе на свѣтѣ видятъ, что всякое общественное положеніе въ условіяхъ

---

[1]) Животныхъ, звѣрскихъ, похотныхъ силъ.

[2]) Удивительно робкое выраженіе въ защиту отрекающихся отъ міра, среди которыхъ были величайшіе святые, молитвами которыхъ весь міръ стоитъ до сегодня!

современной жизни побуждаетъ человѣка на постоянныя сдѣлки совѣсти [1]), на хитрости и угодничество самолюбіямъ, такъ что *люди съ особенно чуткою совѣстью не могутъ оставаться въ качествѣ общественныхъ дѣятелей* и, удалившись отъ круговорота жизни, становятся, повидимому, совершенно равнодушны къ послѣднему, живутъ, повидимому, только личною жизнью. Неужели они дѣйствительно теряютъ любовь къ ближнимъ? Неужели христіанская религіозность является какъ бы враждебною для любви?..“

„Какъ оскудѣло наше разумѣніе слова Божія. *Слово Божіе совершенно не допускаетъ раздѣленіе между общественнымъ благомъ и тѣмъ личнымъ внутреннимъ самоусовершенствованіемъ человѣка, къ которому сводятъ понятіе спасенія души.*

Лишь то дѣло можетъ принести благо обществу, которое вытекаетъ изъ христіански-чистаго настроенія души; безъ послѣдняго первое невозможно. „Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ злого сокровища выноситъ злое“. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы“, спрашиваетъ Христосъ и заключаетъ: „не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые“. „Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ“.

Существуетъ и обратная зависимость между личнымъ внутреннимъ усовершенствованіемъ и дѣлами любви.—„Не могу повѣрить,—говоритъ Св. Златоустъ,—чтобы тотъ спасеніе получилъ, кто о спасеніи ближняго не радитъ“. Эти слова вселенскаго учителя любилъ и приводилъ Св. Тихонъ Задонскій и прибавлялъ отъ себя: „никто не можетъ болѣе Христа любить, какъ тотъ, который спасенія ближняго ищетъ“. Ту же мысль подробнѣе поясняетъ Св. Димитрій Ростовскій: „Недостаточно говоритъ онъ, мужу добродѣтельному для спасенія свое собственное исправленіе, если онъ и прочихъ не пользуетъ... Если бы кто сказалъ: я не учитель, ни іерей, ни духовникъ, ни пастырь душъ: не надлежитъ мнѣ кого учити. Такому отвѣщаетъ Св. Ѳеофилактъ: лжешь, учителей недостаточно для наставленія всѣхъ; хочетъ же Богъ чтобы каждый наставлялъ и созидалъ другаго (I Сол. 5. II, 14)“...

Конечно, христіанская любовь есть источникъ наслажденія не только въ будущей жизни, но и здѣсь на землѣ, однако называть себялюбцемъ человѣка, созидающаго въ себѣ эту любовь, — чистѣйшее не-

---

[1]) Да, св. Григорій Богословъ говоритъ съ грустью: «Или нужно отдать все злымъ и опрометью бѣжать вонъ, или ежедневно очернять свою совѣсть».

доразумѣніе; въ себялюбіи (*эгоизмѣ*) *цѣлью является самое состояніе наслажденія;* но наслажденія истинной духовной любви лишь въ такой мѣрѣ могутъ быть намъ доступны, въ какой мы *отрѣшаемся отъ желанія самого наслажденія,* — въ какой желаемъ блага не себѣ, а тѣмъ, кого любимъ... Добрый христіанинъ не бываетъ себялюбцемъ или „утилитаристомъ“ даже въ томъ случаѣ, когда говоритъ, что подвизается *ради спасенія души* послѣ смерти, ибо самое спасеніе онъ понимаетъ, какъ начало исключающее собою всякое себялюбіе (эгоизмъ)...

Прежде всего надо усвоить ту самоочевидную истину, что „эгоизмъ“ и альтруизмъ различаются между собою не по внѣшнимъ дѣятельнымъ проявленіямъ воли, ибо послѣднія могутъ быть почти одинаковы у тѣхъ и другихъ, а по настроенности чувства, которое господствуетъ въ человѣческой жизни...

Уединенные отшельники, не служа людямъ тѣлесно и сосредоточивая всѣ подвиги около созиданія своего внутренняго міра, непремѣнно включаютъ въ него и любовь ко всѣмъ. Эта любовь имѣется во всѣхъ отеческихъ описаніяхъ аскетическаго совершенства и выражается всѣми отшельниками въ молитвѣ за всѣхъ... Отшельники покидали міръ не на всю жизнь, а на время совершенствованія, по истеченіи котораго, къ нимъ стекались и ученики, монахи и міряне...

„Не по скудости любви уходили люди въ пустыни, а во избѣжаніе вреда... ближнимъ. Они были слишкомъ далеки отъ современнаго заблужденія, будто каждый литераторъ и чиновникъ, хотя недостаточно пекущійся объ очищеніи своего сердца, непремѣнно явится благодѣтелемъ, а не злодѣтелемъ для своего ближняго. Кто взвѣситъ, приноситъ ли обыкновенный дѣятель больше добра ближнимъ или зла“.

Ни у одного изъ аскетовъ православной церкви, ни у одного святого отца я не встрѣчалъ подобнаго объясненія причинъ, побуждавшихъ отшельниковъ къ удаленію изъ міра. И авторъ приводимыхъ мною мыслей ко всѣмъ своимъ доводамъ и положеніямъ присоединяетъ обильныя ссылки на аскетическія и другія достопамятныя сказанія святыхъ отцевъ, а здѣсь ни одного слова, и я никакъ не могу согласиться съ такимъ воззрѣніемъ:— Извѣстное дѣло, не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, такъ что же ничего и не дѣлать, чтобъ никогда не ошибаться? Равнымъ образомъ: не вредитъ ближнему только тотъ, кто ни во что не вступается, такъ ни во что и не вступаться изъ страха, какъ бы не повредить кому-либо? Еще одинъ шагъ и придешь къ рѣшенію—не жить, чтобы не грѣшить. Но подобныя измышленія можно встрѣтить только у отшельниковъ нашихъ раскольничьихъ скитовъ. Въ раскольничьихъ скитахъ— бывальщинка, что изувѣры сами себя „сжигали благочестиво“.

Далѣе опять идутъ прекрасныя мысли и прекрасное изложеніе.

„Человѣчество вышло изъ послушанія и любви и тѣмъ потеряло райское блаженство и вѣчную жизнь. Возвратить ему это блаженство—значитъ возвратить стихію любви. *Правда, оно и само къ ней стремится велѣніемъ* совѣсти, но, встрѣчая въ своей природѣ и условіяхъ общественной жизни другую, произвольно усвоенную стихію себялюбія, не имѣло силъ оживить любви и рая: терніе заглушило всякій ростокъ пшеницы. Но вотъ жизнь сама пришла въ міръ, открылась намъ во Христѣ; дана внутренняя возможность подражать живому образцу, имѣть тѣ же чувствованія, которыя во Іисусѣ Христѣ, и снова жить съ Богомъ и въ Богѣ, быть Его обиталищемъ, Его храмомъ, и чрезъ то блаженствовать. Возвращеніе-то этой утерянной Божественной жизни, заключающейся въ любви, умерщвляющей себялюбіе, т. е. ветхаго человѣка, называется *спасеніемъ*.

„*Спасеніе* получается человѣкомъ по стольку, по скольку созидается въ немъ Христова любовь, та новая жизнь, которой онъ не могъ въ себѣ водворить, пока не соединился со Христомъ, когда всѣ его понятія и взгляды на жизнь измѣнились и стало *все новое*. Поэтому-то христіанинъ и называется *спасаемымъ*, а вѣра христіанская или содержаніе евангельской проповѣди—*спасеніемъ*... Во всѣхъ случаяхъ *спасеніе* можно замѣнить словомъ добродѣтель, христіанская любовь,—говоря иначе, спасеніе—является не воздаяніемъ за это хожденіе въ обновленной жизни, но оно и есть именно эта жизнь.

„Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единаго, истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси Іисусъ Христа". Усвоеніе богопознаніе и любовь—вотъ источникъ небесной радости на землѣ [1]).

„Если истинное понятіе о христіанскомъ *спасеніи* совпадаетъ съ понятіемъ духовнаго совершенства, а союзомъ совершенства является любовь къ ближнимъ (*какъ бы не прибавить*: и къ Богу!), если эта любовь составляетъ такимъ образомъ самое содержаніе *спасенія*, а не только средство къ его достиженію, то, конечно, *опасаться оскудѣнія любви слѣдуетъ никакъ не отъ спасающагося*. Поэтому и все, что является

---

[1]) Наконецъ-то намекъ на необходимость исполненія первой заповѣди. Читатель можетъ быть давно ждетъ напоминанія о первой заповѣди любви, о любви къ Богу, и удивляется отчего авторъ приводимыхъ мыслей не говоритъ о великомъ значеніи любви не къ ближнему только, котораго человѣкъ видитъ тѣлесными глазами, но и къ Богу, только умомъ зримому? И я удивляюсь; но не погоня ли за этой любовью заставляла духовной жаждою томимаго «въ пустынѣ мрачной влачиться». Возможно ли по-евангельски, по-христіански любить ближняго, не возлюбивъ Бога даже и столько, сколько требовалось любить Бога и въ ветхомъ завѣтѣ: «всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею крѣпостью твоею, всѣмъ разумѣніемъ твоимъ»?—Невозможно.

требованіемъ любви къ ближнимъ, т. е. всякая забота объ общественномъ благѣ, при истинномъ понятіи о спасеніи, является прямымъ требованіемъ послѣдняго. Дозволяя имѣть эту любовь только въ сердцахъ и молитвѣ для отшельниковъ на время ихъ уединенія, наша святая вѣра предостерегаетъ, однако, всѣхъ живущихъ среди общества отъ такого представленія любви, которое не выражается во внѣшней дѣятельности [1])...

Итакъ, при истинно христіанскомъ взглядѣ на спасеніе, его не возможно разрознивать отъ одушевленной и при томъ дѣятельной любви къ людямъ. Разрозненіе общественнаго блага и личнаго спасенія выросло изъ непониманія того, въ чемъ *спасеніе* по разуму Божественнаго откровенія и изъ неправильнаго пониманія общественнаго блага. Думаемъ, что *спасеніе* понимается узко, а общественное благо—прямо таки искусственно".

IV.

Великій Гёте говоритъ: „Иные приносятъ пользу человѣчеству кропотливымъ трудомъ, а существовали и такіе, которые приносятъ неизмѣримо бо̀льшую однимъ тѣмъ, что существуютъ". Таковы были пустынники и столпники. Г. Меньшиковъ, чего побоялись вы игры словъ г. О. Т. В., что дескать совѣсть пригодна развѣ для спасенія души, а молъ для спасенія души и изъ міра бѣжать можно?—Да если бы на другую планету бѣжали, „духовной жаждою томимы", ревностные исполнители первой заповѣди любви, и именно любви къ Богу, то и тогда они однимъ своимъ существованіемъ въ родѣ людскомъ спасли бы отъ погибели весь родъ людской, какъ девять праведниковъ (найдись они въ городахъ Содомѣ и Гоморрѣ) спасли бы все населеніе Содома и Гоморры. А вы красу и славу человѣчества—святыхъ отшельниковъ, взявъ подъ свою защиту отъ нареканія шутниковъ, что наговорили?! Они уходятъ изъ міра на основаніи сознанія своей нравственной слабости къ дѣятельному добру (откуда вамъ это въ голову пришло?) или, что святые аскеты для того удалялись изъ „міра страданій и слезъ", что желали, видите ли, послужить людямъ своимъ примѣромъ!.. По̀лноте, пожалуйста, что вы такое проповѣдуете?! Всѣ „свѣтильники міра" (почитайте-ка ихъ подробныя житія), всѣ, *тайно* бѣжавъ, попадали

---

[1]) Какое странное выраженіе для православнаго «Наша вѣра *дозволяетъ быть отшельниками!* Да вѣдь ими міръ стоитъ, ихъ міръ весь не стоитъ! Ужели авторъ не знаетъ, какую величайшую пользу приноситъ всему человѣчеству существованіе людей, достигшихъ совершенной любви къ Богу?! А такая въ міру трудно достижима.

въ пустыни. Вы, увлекшись препирательствомъ съ О. Т. В., сослались вѣдь на вѣка аскетизма, а не на современныхъ намъ, новоявленныхъ „культурныхъ отшельниковъ“ (о которыхъ года три тому назадъ писали гг. Е. Соловьевъ и Кривенко). Это—отшельники-неудачники, послужившіе живымъ примѣромъ и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ развѣ лишь тому одному, что безъ попеченія прежде всего объ исполненіи первой заповѣди любви, а именно любви къ Богу, оказывается невозможнымъ отшельничество изъ міра,—разбѣжались отшельники нашихъ временъ.

Въ статьѣ г. Кривенка „Культурные скиты“ есть препотѣшная вещь: „исповѣдь вѣры“ господъ интеллигентныхъ колонистовъ, пріютившихся на Черноморскомъ берегу. Современные намъ новоявленные отшельники изъ міра дѣйствительно сознаются, что они ушли изъ міра вотъ почему: „Общество слишкомъ погрязло во злѣ, сами мы слишкомъ слабы, чтобы дѣйствовать внутри кипящаго котла“... „Для умственнаго и эстетическаго усовершенствованія существуютъ спеціальныя учрежденія въ цивилизованномъ мірѣ, нравственное же совершенствованіе человѣка, какъ члена общечеловѣческой семьи, пренебрегается (игнорируется)... Цѣли бываютъ различныя: „Для спасенія своей души“, говорятъ монастырскіе аскеты. *Мы же считаемъ необходимымъ нравственно совершенствоваться человѣку для другихъ же людей, для того, чтобы примѣромъ своимъ вліять на всѣхъ соприкасающихся съ нами*“ [1]).

Вонъ какъ вы заблудились, г. Меньшиковъ! Вы попали въ „культурные скиты“ современности и побужденія ихъ обитателей для ихъ отшельничества приписали „вѣкамъ аскетизма“. *Отшельничество изъ міра на показъ себя міру* было чуждо Макарію, Антонію, Пахомію и Амвросію Великимъ.

И откуда взялся этотъ наивный страхъ самоусовершенствованія? Право же добромъ помянешь нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ. Даже и они не были врагами личнаго самоусовершенствованія. Да что въ немъ худаго; изобрѣтете ли вы что-нибудь лучше, выше, естественнѣе для существъ, одаренныхъ разумомъ, идеей красоты и волей, способной перерабатывать свой нравъ и, запасаясь привычкой—второй природой, просто преображать себя, приближая себя къ образцу красоты и добра?! Кому отъ этого польза, говорятъ... Вотъ до чего утилитаризмъ выѣлъ жизнепониманіе! Вамъ бы все полезности, вамъ дѣла любви подавай за ихъ полезность, а корень, изъ котораго все,—на что?—были бы желуди, а корни пропадай! Вспомните прекрасное выраженіе апостола Павла: „ежели

---

[1]) Статья г. Кривенка «Культурные аскеты», «Русское Богатство» за 1893 г.

раздамъ имѣніе мое нищимъ, тѣло на сожженіе, любви же не имѣю — я кимвалъ звенящій, мѣдь звучащая"! Развѣ это не такъ воистину? А развѣ это не самопожертвованіе великое, но зря, напрасно... хотя нищимъ, получившимъ розданное имѣніе, пользы-то, пользы-то сколько!.. Или, по вашему, напримѣръ находка бѣдными крестьянами клада на берегу рѣки болѣе отрадное, утѣшительное явленіе, чѣмъ обращеніе какого-нибудь Власа на путь истинный? Христосъ Спаситель требовалъ отъ Своихъ послѣдователей самоусовершенствованія (не въ одномъ дѣлѣ милосердія, а и богознанія, и цѣломудрія и любви къ истинѣ). „Будьте совершенны, яко же Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть". Христосъ Господь далъ силы къ усовершенствованію, указалъ путь (узкій и тернистый) къ самоусовершенствованію. Совершенный не можетъ не творить добрыхъ дѣлъ ближнему. Но суть дѣла: какъ спастись отъ черствости, какъ достичь того, чтобы мое сердце стало способно любить.

Если есть путь къ любви, и если человѣкъ побѣдоносно идетъ по нему, все выше и выше подымаясь, то, утѣшьтесь, направо и налѣво будутъ литься добрыя дѣла, полезныя для общества, дѣла, какъ лучи свѣта отъ свѣтильника. Свѣтильникъ на горѣ, повѣрьте Христу, будетъ видѣнъ и безъ того, чтобы жить на показъ.

V.

Господинъ Меньшиковъ говоритъ:

„Совѣсть, какъ всякая сила, стремится распространиться на весь міръ" (Святая истина!)... Можно ли въ самомъ дѣлѣ удалиться отъ міра, если обладаешь живою совѣстью? Бросить страждущихъ братьевъ безъ попытки помочь имъ, удовольствоваться личнымъ отдѣльнымъ спасеніемъ?.. Но вѣдь это низость, это отрицаніе самой совѣсти... Истинно совѣстливые люди и въ пустынѣ не чуждались людей: къ нимъ шло изъ міра все, что отрицало тогдашній міръ, и тутъ, около кельи подвижника, часто устраивался рядъ колоній, отслаивалось новое общество на иныхъ, болѣе справедливыхъ началахъ...

Совѣстливые люди отрекались отъ всего, что, по ихъ мнѣнію, нарушало братство людей и ихъ свободу. Но они не отрекались отъ участія въ добрыхъ явленіяхъ міра, не только не отрекались, но принимали плодотворнѣйшее участіе. Ужъ никакъ нельзя сказать, что они не боролись съ всемірнымъ зломъ, съ общественнымъ зломъ.

Вѣдь величайшее общественное зло всегда состояло въ *насиліи* человѣка надъ человѣкомъ (о, ежели бы это когда-нибудь уразумѣли

немысленные и медлительные сердцемъ, „Озіи“ новаго завѣта); изъ этого допускаемаго, какъ *право* (а г. Розановъ съ братіей допускають насиліе, какъ обязанность), начала вѣтвятся всѣ безчисленныя насилія,— личныя, семейныя, сословныя государственныя, международныя...

Насаждая новый міръ идей и чувствъ возвышенныхъ и гуманныхъ, люди совѣстливые развѣ не создаютъ кореннаго переворота въ зломъ обществѣ (справедливо можно отнести къ египетскимъ пустынно-жителямъ выраженіе: „Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концѣ вселенныя глаголы ихъ“, глаголы жизни, глаголы обновленія). Проповѣдуя неприкосновенность человѣка, показывая въ самихъ себѣ примѣръ благоговѣнія къ его человѣческому достоинству, развѣ не борятся праведники съ общественнымъ зломъ?..

Кто „удаляется отъ міра?“ Отграничиваютъ себя отъ страдающей человѣческой толпы люди не совѣсти, а люди богатства, создавая разныя касты и аристократіи. Только эгоисты одиноки, и за то *міръ для нихъ—пустыня.* Они, отгородивъ себя отъ народа, не только не борятся съ общественнымъ *несовершенствомъ*, но входятъ и душой, и тѣломъ въ живой составъ *его*, и именно они и поддерживаютъ живучесть зла... Единственная изъ аристократій, не выдѣляющая себя изъ народа, это — *аристократія совѣсти*, и *на ней* именно, какъ на библейскихъ десяти праведникахъ, держится вся жизнь общества. Но нужно, чтобы хоть десять-то ихъ нашлось, иначе общество гибнетъ въ своихъ мерзостяхъ, какъ тѣ города, за которые напрасно молилъ Авраамъ разгнѣваннаго Бога...

Ubi bene, ibi patria—вотъ девизъ аристократій, кромѣ аристократіи совѣсти. Какъ древніе феодалы или наши дружинники переходили отъ сюзерена къ сюзерену, гдѣ было выгоднѣе, такъ и современная денежная и всякая иная знать: она охотно мѣняетъ не только родную бѣдную деревню на любой, самый отдаленный городъ, но часто покидаетъ даже родную страну, помѣщая свои капиталы и знанія (добытыя въ отечествѣ) заграницей... Бѣгство заграницу нашей интеллигенціи еще только начинается: огромное большинство ограничивается бѣгствомъ изъ деревни въ городъ, гдѣ устраивается такая же чуждая народу „заграница“, какъ и настоящая“...

„Мысль г. О. Т. В. — обойтись безъ участія совѣсти въ дѣлѣ общественнаго развитія—для меня представляетъ сплошное недоразумѣніе. Съ общественнымъ зломъ, говоритъ г. О. Т. В., нужно бороться „общественными средствами, а не погруженіемъ въ свою совѣсть. Нужно дѣйствовать путемъ печати, суда, законодательства и устраивать *справедливые порядки* жизни“. Все это прекрасно, но какимъ образомъ, *помимо*

совѣсти, привести въ движеніе „общественныя средства?“ Вѣдь въ печати, въ судѣ, законодательствѣ и проч. засѣдаютъ люди, которые могутъ быть совершенно равнодушными къ общественному злу. Вѣдь, прежде всего нужна чья-то тревога о томъ, что данное явленіе есть зло, т.-е. нужна именно совѣсть... Г. О. Т. В. говоритъ: „Образованное меньшинство приходитъ къ сознанію, что такое-то учрежденіе, положимъ, нашъ старый приказный судъ не удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія, стало быть, въ общемъ вредитъ нравственному развитію людей и понижаетъ нравственный уровень всего общества. Что надо дѣлать этому меньшинству? Конечно, не погружаться въ свою совѣсть, а добиваться введенія гласнаго, независимаго, устнаго праваго суда“. Прекрасно, но какимъ же путемъ образованное меньшинство *приходитъ къ сознанію* безнравственности прежняго суда? вѣдь сознаніе безнравственности и есть совѣсть!..

Для людей „личнаго самоусовершенствованія“, говоритъ г. О. Т. В.,— не нужны нравственные порядки. Но для кого же нужны нравственные порядки? Неужели для людей безсовѣстныхъ?

„Нужна отчетливая общественная цѣль“, говоритъ г. О. Т. В. Но что же кромѣ совѣсти въ состояніи указать отчетливую нравственную цѣль?..

Основнымъ двигателемъ общества О. Т. В. считаетъ не нравственность, а знаніе... Знаніе увеличиваетъ матеріальный достатокъ [1]) и оно же ведетъ къ созданію такихъ учрежденій, которыя наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ цѣлямъ общежитія“...

„Знаніе, говоритъ г-нъ Меньшиковъ,—есть не болѣе, какъ простой матеріалъ сознанія — пока имъ не воспользуется архитекторъ, — разумъ или безуміе, совѣсть или безсовѣстность... Математика, химія, физика, ботаника и проч. ни на іоту не измѣняютъ безнравственнаго склада жизни, *а скорѣе укрѣпляютъ его* (Съ послѣднимъ я не согласенъ у васъ, г. Меньшиковъ). Матеріальныя знанія освобождаютъ умъ отъ суевѣрій, но освобождаютъ одинаково для добра и зла. Только чувство—злое или доброе — направляетъ освобожденный умъ въ ту или другую сторону“.

И на это я имѣю нѣчто возразить господину Меньшикову: Прикопленіе знанія разрушаетъ множество предразсудковъ, представляющихъ собою остатки древняго язычества, древнихъ миѳологій и цѣлыхъ лжефилософскихъ антихристіанскихъ системъ.

---

[1]) Ужъ не хочетъ ли г. О. Т. В. увѣрить насъ, что чѣмъ человѣкъ богаче или чѣмъ народъ богаче, тѣмъ нравственнѣе?! Этого обыкновенно не говорятъ, но всѣ матеріалисты увѣрены, что «нехватка» богатства—единственный источникъ зла, преступленій и вообще всего недобраго.

Кромѣ физическихъ знаній, правда, есть еще и гуманитарныя, но очеловѣчивающее ихъ вліяніе принадлежитъ цѣликомъ не научному, а нравственному началу, которое въ нихъ содержится.

Гуманитарное знаніе есть та же совѣсть, только обогащенная конкретными фактами, картинами и сочетаніями"...

„Что одно умственное просвѣщеніе не поднимаетъ нравственности, достаточно взглянуть на нашихъ просвѣщенныхъ ретроградовъ... Русское просвѣщеніе очень молодо, однако уже выдвигало въ критическія минуты общественной жизни людей, вліявшихъ всею тяжестью своего таланта и образованія для удушенія новыхъ, болѣе нравственныхъ формъ жизни; достаточно вспомнить роль нѣкоторыхъ московскихъ публицистовъ позднѣйшаго времени". „Искренняя совѣсть стремленіе къ истинѣ во всѣхъ областяхъ сознанія, и все, что есть истиннаго въ наукѣ, поэзіи и религіи связано въ источникѣ духа съ совѣстью. Совѣсть не отрицаетъ знанія".

Но надо же, наконецъ, и совѣсть знать, господа!.. Я бы вотъ такимъ восклицаніемъ закончилъ *защиту совѣсти* [1]) на мѣстѣ господина Меньшикова, а онъ расшаркивается по-великосвѣтски: „Я убѣжденъ, что горячая защита знаній, какъ панацеи общественныхъ бѣдъ, *подсказана* тою же совѣстью, и что знанія въ рукахъ защитниковъ, вродѣ г. О. Т. В., могутъ послужить только нравственнымъ цѣлямъ и т. д.". Эхъ, бывало, когда кто уроки не выучилъ въ гимназіи, да ему подскажетъ сосѣдъ товарищъ и благодаренъ же ему услышавшій подсказку... Я обвиняю г. О. Т. В. въ черной неблагодарности: совѣсть его ему подсказываетъ... а онъ... не хорошо, очень не хорошо... Но о возраженіяхъ г. О. Т. В. г-ну Меньшикову—рѣчь впереди.

П. Кодратъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Отъ души совѣтую читателямъ «Русской Бесѣды» не ограничиться краткимъ моимъ отчетомъ о статьѣ г. Меньшикова, а прочесть всю ее въ іюльской книжкѣ «Русской Мысли». Много прекрасныхъ яркихъ мыслей я опустилъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

1-го сентября вышла 9-я книжка.

Отдѣлъ первый. 1) Тяжелые сны. Романъ. Гл. VI—VII. *Ѳ. Сологуба.*—2) Замѣтки нервнаго человѣка. *Л. Полонскаго.*—3) Смерть любви. Стих. *Н. Минскаго.*—4) Юношескіе литературные труды Герцена (На основаніи не напечатанной части «Переписки»). *Е. Некрасовой.*—5) Подъ гнетомъ проклятія. Разсказъ *Каркавитзаса.* Пер. съ ново-греческаго *М. Р—са.*—6) Гриша. (Набросокъ). *П. Сергѣенко.*—7) Судьба Ислама. Проф. *А. Трачевскаго.*—8) Изъ пережитаго. Стих. *П. Вейнберга.*—9) На родинѣ Христа. Изъ путевого альбома русскаго туриста, *Б. Корженевскаго.*—10) Тургеневъ и Толстой. Женскіе типы въ произведеніяхъ Тургенева. Проф. *Д. Овсянико-Куликовскаго.*—11) «QUO VADIS». Романъ изъ временъ Нерона. *Генрика Сенкевича.* Перев. съ польскаго *К. Лѣдова.*—12) Разлука. Прологъ къ роману. *Л. Гуревичъ.*—13) Новое чудное знакомство. *В. Стасова.*—14) Обыватель, рубль и блаженство. *П. Кузнецова.*—15) Метеоритное происхожденіе Австраліи и наклоненіе земной оси. *Е. Чижова.*—16) На западѣ. ***.—17) Литературно-библіографическія замѣтки. *Ѳ. Витберга.*—

Отдѣлъ второй. 1) Областной отдѣлъ. Общинное землевладѣніе у чувашъ и черемисъ Казанской губ. *В. Залѣсскаго.*—2) Провинціальная печать. «Гродн. Губ. Вѣд.» о тѣлесномъ наказаніи. — «Бунтующія мертвыя души».—Новый городской голова въ Саратовѣ.—«Одесскій Листокъ» по поводу отмѣны греческаго языка у правовѣдовъ.—«Гражданинъ» о правовѣдахъ и лицеистахъ.—Осужденіе жандарма, по «Развѣдчику».—Какъ «Приазовскій Край» поймалъ «Новое время».—Жизнь и искуство» о борьбѣ съ пожаромъ.—Холера въ Баку въ 1892 г.—Проказа въ разныхъ мѣстностяхъ.—Жары на югѣ.—Одесская выставка.—Уголовная статистика Одессы.—Наши скандалы. *Л. Прозорова.*—3) Земскія дѣла. *М. Петрова.*—4) Письмо изъ Италіи. Художественная выставка въ Венеціи. *Зин. Венгеровой.* — 5) Внутреннее обозрѣніе. Урожай.—Проектъ «устава сельскаго хозяйства».—«Моск. Вѣд.» объ опекѣ надъ недоимочными имѣніями.—Распредѣленіе студентовъ по университетамъ.—Новыя средства для церковно-приходскихъ училищъ и школъ грамоты.—Случай съ г-жею Штевенъ.—Первая народная перепись.—Дѣятельность ростовщика Диманта.—6) Критика и библіографія: А) *Критика:* Вл. Соловьевъ. Смыслъ войны.—Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ.—Эдуардъ Гансликъ. О музыкально-прекрасномъ.—Русскіе символисты.—Б) *Библіографія.* I. Литература. — II. Общественныя науки.—III. Педагогика.—IV. Книги для дѣтей и для народа.—7) Фридрихъ Энгельсъ †.—8) Письма въ редакцію: 1. «Небывалое дознаніе». А. Монтейфеля. 2. Два слова о кн. В. Вяземскомъ. Проф. К. Бестужева-Рюмина.—9) Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—10) Объявленія.

ЦѢНА:	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки	12 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	Съ пересыл.	13 р. 50 к.	7 р.—к.	3 р. 50 к.
Съ доставкою .	12 » 50 »	6 » 50 »	3 » 50 »	За границей	15 » — »	8 »—»	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны. Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главн. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Московскомъ Отдѣленіи при книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; Въ Спб., въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, «Новаго Времени» и др.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. За редактора Л. Я. Гуревичъ.

Доз. Цензурою СПБ., 23 сент. 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.